

ISSN 2072-8379
ISSN (online) 2310-712X

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

Лингвистика

Спецвыпуск

Тема номера:

**В. МАТЕЗИУС И ПРАЖСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КРУЖОК
(К ЮБИЛЕЮ УЧЕНОГО)**

**2022/ № 3,
Том 2**

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8379 (print)

2022 / № 3, Том 2
Специальный выпуск

ISSN 2310-712X (online)

серия

ЛИНГВИСТИКА

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по филологическим наукам: 10.02.04 – Германские языки; 10.02.05 – Романские языки; 10.02.19 – Теория языка; 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

“Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics” is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in Philology: 10.02.04 – Germanic languages; 10.02.05 – Romanic languages; 10.02.19 – Theory of the language; 10.02.20 – Comparative-historical typological and contrastive linguistics.

ISSN 2072-8379 (print)

Special Issue
2022 / No. 3, Vol. 2

ISSN 2310-712X (online)

series

LINGUISTICS

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала
«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика»:
Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

————— Выходит 6 раз в год —————

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Ощепкова В. В. — д. филол. н., проф., МГОУ

Заместитель главного редактора:

Жирова И. Г. — д. филол. н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь:

Максименко О. И. — д. филол. н., проф., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Виколова Л. Г. — д. филол. н., проф., Московский городской педагогический университет;

Гринев-Гриневиц С. В. — д. филол. н., проф., Университет в Белостоке (Республика Польша);

Епифанцева Н. Г. — д. филол. н., проф., МГОУ;

Карпова О. М. — д. филол. н., проф., Ивановский государственный университет;

Коста Петер — доктор философских наук, профессор, Университет Потсдам (Федеративная Республика Германия);

Левченко М. Н. — д. филол. н., проф., МГОУ;

Маслова В. А. — д. филол. н., проф., Витебский государственный университет им. П. М. Машерова (Республика Беларусь);

Николаева О. В. — д. филол. н., доц., Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток);

Пан Кё Ён — д. филол. н., проф., Университет иностранных языков Хангук (Республика Корея);

Пешкова Н. П. — д. филол. н., проф., Башкирский государственный университет;

Прошина З. Г. — д. филол. н., проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Скуратов И. В. — д. филол. н., доц., МГОУ;

Сулейманова О. А. — д. филол. н., проф., Московский городской педагогический университет;

Филиппова И. Н. — д. филол. н., доц., МГОУ;

Хухуни Г. Т. — д. филол. н., проф., МГОУ

ISSN 2310-712X (online)

ISSN 2072-8379 (print)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика» — печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по теории языка, сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкознанию, теории и практике перевода, германистике, романскому языкознанию.

Журнал адресован учёным-лингвистам, преподавателям вузов, аспирантам, магистрантам, учителям-исследователям, переводчикам.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73342.

**Индекс серии «Лингвистика»
по Объединённому каталогу «Пресса России» 40713**

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY). Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. — 2022. — № 3. Т. 2. — 102 с.

© МГОУ, 2022.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal
"Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics":
Moscow Region State University

————— Issued 6 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

V. V. Oshchepkova – Doctor in Philological Sciences, Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

I. G. Zhirova – Doctor in Philological Sciences, Professor, MRSU

Executive secretary of the series:

O. I. Maksimenko – Doctor in Philological Sciences, Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

L. G. Vikulova – Doctor in Philological Sciences, Professor, Moscow City University;

S. V. Grinev-Grinevich – Doctor in Philological Sciences, Professor, Bialystok University (Poland);

N. G. Yepifantseva – Doctor in Philological Sciences, Professor, MRSU;

O. M. Karpova – PhD in Philological Sciences, Professor, Ivanovo State University;

Kosta Peter – Professor Dr. Phil. Habil, University of Potsdam (Germany)

M. N. Levchenko – Doctor in Philological Sciences, Professor, MRSU;

V. A. Maslova – Doctor in Philological Sciences, Professor, Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Republic of Belarus;

O. V. Nikolaeva – Doctor in Philological Sciences, Associate Professor, Far Eastern Federal University (Vladivostok);

Pang Gyo-Youn – Doctor in Philological Sciences, Professor, Hankuk University of Foreign Studies (Korea);

N. P. Peshkova – Doctor in Philological Sciences, Professor, Bashkir State University;

Z. G. Proshina – Doctor in Philological Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University;

I. V. Skuratov – Doctor in Philological Sciences, Associate Professor, MRSU;

O. A. Suleimanova – Doctor in Philological Sciences, Professor, Moscow City University;

I. N. Filippova – Doctor in Philological Sciences, Associate Professor, MRSU;

G. T. Khukhuni – Doctor in Philological Sciences, Professor, MRSU

ISSN 2310-712X (online)

ISSN 2072-8379 (print)

The reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scientists about the theory of language, comparative-historical, typological and comparative linguistics, the theory and practice of translation, Germanic and Romance linguistics.

The journal's target audience is linguists, university professors, graduate students, undergraduates, research teachers, translators.

The series "Linguistics" of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ no.ФС77-73342.

Index of the series "Linguistics" according to the Union catalog "Press of Russia" 40713

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Bulletin of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of "Bulletin of the Moscow Region State University" is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY). The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics. – 2022. – no. 3, vol. 2. – 102 p.

© MRSU, 2022.

The Editorial Board address:

10A, build. 2, Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: В. МАТЕЗИУС И ПРАЖСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КРУЖОК (К ЮБИЛЕЮ УЧЕНОГО)

- Валуицева И. И., Хухуни Г. Т.* Пражская лингвистическая школа: основатель и коллеги. 6
- Стекольников И. В., Николаева Т. Ю.* История фонологических исследований XIX века в освещении В. Матезиуса 14
- Раренко М. Б.* Учение об актуальном членении предложения и его значение для развития теории и практики перевода на современном этапе 22
- Зененко Н. В.* Категориальная вариативность и частеречная классификация в языке. .34
- Фадеева Г. М.* Идеи пражской школы в стилистике профессора Э. Г. Ризель: антропоцентрический и деятельностный подходы 42
- Федосюк М. Ю.* Принципы исторической чистоты и прямолинейной регулярности в концепции В. Матезиуса и при определении норм русского литературного языка наших дней 51
- Карасик В. И.* Дискурсивная точность: функциональные характеристики. 61
- Максименко О. И., Беляков М. В.* Опосредованный диалог с позиций функциональной лингвистики. 72
- Изотов А. И.* Чешский национальный корпус как основной итог развития традиций пражского лингвистического кружка в чешской лингвистике в XX веке . . 80
- Ахренова Н. А., Милякова В. В.* Микроблог как разновидность рекламного интернет-дискурса. 87

CONTENTS

**THEME OF THE ISSUE:
V. MATEZIUS AND PRAGUE LINGUISTIC CIRCLE:
TO THE ANNIVERSARY OF THE SCIENTIST**

<i>I. Valuitseva, G. Khukhuni.</i> Prague Linguistic School: Founder and His Colleagues.	6
<i>I. Stekolshchikova, T. Nikolaeva.</i> Nineteenth-Century Phonological Research in Works of Vilem Mathesius	14
<i>M. Rarenko.</i> The Doctrine of Actual Division of the Sentence and its Significance for the Development of the Theory and Practice of Translation at the Present Stage	22
<i>N. Zenenko.</i> Varieties of the Categories and Classification of Parts of Speech in a Language	34
<i>G. Fadeeva.</i> Ideas of the Prague School in Professor E. Rizel's Stylistics: Anthropocentric and Activity Approaches.	42
<i>M. Fedosyuk.</i> Principles of Historical Purity and Straightforward Regularity in the Conception of V. Mathesius and in Determining Norms of the Russian Literary Language of Our Days	51
<i>V. Karasik.</i> Discourse Precision: Functional Characteristics.	61
<i>O. Maksimenko, M. Belyakov.</i> Mediated Dialogue From the Point of View of Fuctional Linguistics	72
<i>A. Izotov.</i> The Czech National Corpus as the Main Result of the Development of the Traditions of the Prague Linguistic Circle in Czech Linguistics in the XX Century . .	80
<i>N. Akhrenova, V. Milyakova.</i> Microblogging as a Kind of Internet Advertising Discourse . .	87

УДК 81.366

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-2-6-13

ПРАЖСКАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ШКОЛА: ОСНОВАТЕЛЬ И КОЛЛЕГИ

Валуицева И. И., Хухуни Г. Т.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. В статье анализируются некоторые вопросы, относящиеся к деятельности Пражской лингвистической школы. Отмечается, что, хотя ей уделялось достаточно большое внимание в трудах отечественных и зарубежных учёных, некоторые существенные аспекты её функционирования и той роли, которую она сыграла в развитии языкознания XX в., не раскрыты в достаточной степени, что определяет актуальность темы статьи. Обосновывается положение о том, что ситуация в ней отличается от большинства случаев, когда именно основатель научной школы рассматривается в качестве наиболее крупного её представителя, вокруг которого группируются ученики и последователи.

Процедура и методы. Применяется метод историко-филологического анализа источников и их сопоставления.

Результаты. Хотя В. Матезиус не может считаться «учителем» русских представителей Пражской школы, внёсших наиболее заметный вклад в её деятельность, это не умаляет той роли, которую он сыграл в становлении и развитии ПЛК, поскольку во многом именно благодаря его деятельности и организаторским способностям Прага стала центром одного из наиболее значительных течений в языкознании XX в., пользовавшимся мировой известностью. Влияние разрабатывавшихся в ней идей продолжилось и после прекращения её существования в организационном плане.

Теоретическая и практическая значимость. Представленный в статье фактический материал и полученные авторами выводы вносят вклад в лингвистическую историографию, теорию языка, а также могут быть использованы в учебных курсах по истории лингвистических учений, общему языкознанию, основам языкознания.

Ключевые слова: Пражская лингвистическая школа, В. Матезиус, структурализм, основатель, фонология, грамматика, литературный язык

PRAGUE LINGUISTIC SCHOOL: FOUNDER AND HIS COLLEAGUES

I. Valuitseva, G. Khukhuni

Moscow Region State University

Very Voloshinoy ulitsa 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. The paper deals with some questions connected with the activity of the Prague Linguistic School. Despite many works dedicated to it both in Russia and abroad, many important aspects of its activity and role are not known in necessary degree. The thesis is proved according to which the latter is characterized with one specific feature. Whereas the founder of the school mostly is treated as the leading figure around whom are grouped his disciples and followers, the situation in Prague School looks somehow different.

Methodology. The methods of historical and philological analysis have been used.

Results. Vilem Mathesius cannot be treated as a 'teacher' of Russian linguists with whom the main contribution of the Prague School in the science of language are connected. At the same time, this fact does not diminish the role of V. Mathesius, because his activity and leadership fostered greatly the conversion of Prague to the center of the one of the main trends in 20th century linguistics. Its influence remained even after its existence as a separate organization had ceased.

Research implications. Both the factual material presented in the article and the conclusions made by the authors may be used in the development of the historiography of linguistics and theory of language as well as in teaching of the history of linguistics, general linguistics, introduction to linguistics.

Keywords: Prague School, Mathesius, structuralism, founder, phonology, grammar, literary language

Введение

Хотя Пражской лингвистической школе посвящено большое количество трудов как в отечественном, так и в зарубежном языкознании (см., в частности, [3; 14; 17] и др.), ряд связанных с ней моментов до сих пор не получил однозначного решения. В их числе можно назвать и вопрос, насколько к ней может быть применено традиционное понимание «школы» как подразумевающее, в первую очередь, наличие в ней фигуры «учителя», идеи которого дополняют и развивают его ученики. В предлагаемой статье содержится попытка с опорой на ряд источников осветить некоторые аспекты, прежде всего по отношению к деятельности русских учёных Н. С. Трубецкого, Р. О. Якобсона и С. И. Карцевского.

Пражский лингвистический кружок и Пражская лингвистическая школа: разграничение терминов

Говоря о месте, которое отводится Вилему Матезиусу в большинстве отечественных курсов и учебных пособий по истории лингвистических учений, можно отметить присущую им определённую парадоксальность.

С одной стороны, его практически единодушно называют основоположником и инициатором создания *Пражского лингвистического кружка*, сыгравшим ведущую роль в его формировании (см., например [1, с. 178]), иными словами – фактическим основоположником одного из наиболее ярких и значительных течений в языкознании XX столетия – *Пражской*

лингвистической школы (второе наименование появилось несколько лет спустя после первого, причём представляет собой не самообозначение, а название, впервые использованное в 1932 г. голландским лингвистом Й. Схрейненем).

Чёткую границу между этими двумя понятиями провести достаточно сложно, и часто они употребляются параллельно. На наш взгляд, первое название целесообразно применять к определённому организационному объединению, представлявшему собой «дисциплинированную организацию с точными программными установками и собственным уставом» [3, с. 49]), а второе – к тем теоретическим положениям и принципам, которые были выработаны его членами и объединяли их в научном отношении. Это не исключало расхождений учёных во взглядах по тем или иным вопросам, что дало основание одному из наиболее видных «пражцев» Й. Вахеку заметить о своих коллегах: “... the work of each one of them always had its particular and individual character, and the unity never degenerated into uniformity” [17, p. 31].

«Основоположник» и «учитель»: совпадающие или пересекающиеся понятия?

Статус «основоположника» той или иной научной (да и, вероятно, не только научной) школы обычно подразумевает несколько моментов.

Во-первых, чаще всего именно он рассматривается как наиболее авторитетный её представитель («Учитель»), имя кото-

рого воспринимается как олицетворяющее соответствующее течение в целом. Так, характеризуя историю отечественного языкознания, говорят о Харьковской школе А. А. Потебни, Московской школе Ф. Ф. Фортунатова, Казанской и Петербургской школах И. А. Бодуэна де Куртенэ. Несколько забегаю вперёд, отметим, что о «Пражской школе В. Матезиуса» историки нашей науки, как правило, не говорят.

Во-вторых, в большинстве случаев предполагается, что костяк школы составляют ученики и последователи основателя, развивающие выдвинутые им положения и применяющие их в своей исследовательской и педагогической деятельности. Это не исключает возможности их отражения в трудах учёного, непосредственно к таковым не относящегося. Так, например, В. В. Виноградов отмечал: «Наиболее верен Потебне оказался идеологически и методологически далёкий от Потебни лингвист, учёный совсем другой школы – проф. Д. Н. Кудрявский» [4, с. 648]). Также возможен отход тех или иных учеников, иногда наиболее выдающихся, от идей учителя: это произошло с синтаксической концепцией А. А. Шахматова, весьма резко разошедшегося в посмертно изданном «Синтаксисе русского языка» с установками своего учителя Ф. Ф. Фортунатова, крупнейшим учеником которого он считался на протяжении практически всей жизни, начиная ещё с гимназического возраста. Но принципиально подобные случаи общей тенденции всё же не меняют.

В-третьих, именно основателю той или иной научной школы принадлежит постановка проблемы, оказавшей наибольшее влияние на современное состояние науки и её дальнейшее развитие. Так обстояло дело с синтаксическими идеями А. А. Потебни, учением о форме слова Ф. Ф. Фортунатова, разработкой теории фонемы И. А. Бодуэном де Куртенэ.

Сказанное должно быть отнесено и к деятельности создателя Пражского линг-

вистического кружка. Однако при рассмотрении Пражского лингвистического кружка и Пражской лингвистической школы необходимо учитывать присущую этому феномену специфику.

Пражцы и «пражцы»

Пражский лингвистический кружок, сложившийся к середине 20-х гг. XX века, получил европейскую известность благодаря событию, о котором Н. С. Трубецкой писал следующее: «На Первом международном конгрессе лингвистов в Гааге (1928) трое русских ученых (из которых по чистой случайности ни один не принадлежал к школе Бодуэна де Куртенэ) выступили с краткой программой ... Это были Р. Якобсон, С. Карцевский и автор настоящей работы. Программа нашла отклик. Многие ученые разных стран присоединились к ней» [12, с. 11]. Несколько видоизменённый вариант программы, известный как «Тезисы Пражского лингвистического кружка», был год спустя представлен на Первом международном съезде славистов в Праге. Именно этот текст обычно воспроизводится в существующих научных и учебных работах. Возвращаясь к разграничению между понятиями Пражского лингвистического кружка и Пражской лингвистической школы, следует вспомнить слова Й. Вахека: “It is not easy to answer the question when it is possible to speak of the existence of an actual school, i.e. of a research group scientifically well organized and with clear cut characteristics, attractive for, and exercising an influence on, a generation of scholars in the process of formation. ... Perhaps the most convenient way of dating the beginning of the Prague School is by the appearance of the first collective linguistic works produced by this group” [17, p. 31]. И здесь опять даётся ссылка на «Тезисы».

В работах по истории лингвистики обращали внимание на связь «Тезисов» с тезисами Р. О. Якобсона и Ю. Н. Тынянова, опубликованными в Советском Союзе в журнале «Новый ЛЕФ» [13] также в

1928 г., т. е. в год появления первого варианта пражских тезисов. Таким образом, с *формальной* точки зрения ни сам основоположник Пражского лингвистического кружка, ни его непосредственные ученики не могут считаться авторами основного программного документа, положившего начало Пражской лингвистической школе, что противоречит классическому пониманию научной школы.

В. Матезиус и развитие фонологии

Тезисы Р. О. Якобсона и Ю. Н. Тынянова действительно во многом пересекаются с пражскими в общетеоретическом отношении (системно-структурный подход к объекту, разграничение языка и речи, иная чем у Ф. де Соссюра трактовка проблемы взаимоотношения синхронии и диахронии и др.), но в них отсутствуют пункты, посвящённые вопросам фонологии. А как заметил сам В. Матезиус, «плодотворность и гибкость новой точки зрения и новых методов проверяется прежде всего на звуковой стороне языка, и фонология становится ведущей дисциплиной в области функциональной, а также структурной лингвистики, подобно тому как историческая фонетика стала главным полем и гордостью исследования младограмматиков» [7, с. 82–83].

И здесь мы вновь сталкиваемся с ситуацией, когда ведущую роль в разработке «ведущей дисциплины» отводят – практически единодушно – не основоположнику Пражского лингвистического кружка и не кому-либо из его учеников, а учёному, представлявшему совершенно иную научную и национальную традицию, – Н. С. Трубецкому. Ему принадлежит и большинство опубликованных фонологических работ, он же подвёл итог этому направлению в своих «Основах фонологии», изданных уже посмертно» [11, с. 328]. Поскольку указанный факт является общеизвестным, приведём только следующие высказывания зарубежных и отечественных авторов, начиная от В. Брёндаля: «Заслуга Трубецкого

заключается в создании и разработке структуралистического учения о фонологических системах» [2, с. 97], и кончая А. А. Реформатским: «Лидером этой фонологии, бесспорно, был Трубецкой» [11, с. 328]. А в начале 50-х гг. XX столетия один из американских лингвистов, говоря об этапах формирования фонологии, употребил выражение “the Trubetzkoy’s phase”» [15, р. 342]. Не лишено интереса, что в вышедшей в 60-е гг. прошлого века отечественной работе, посвящённой данному направлению, оно было передано как «Пражская фаза» [3, с. 47].

Указанное обстоятельство даже дало основание некоторым авторам, «вывести» создателя Пражского лингвистического кружка из числа учёных, внёсших вклад в наиболее важную для его идеологии область. Весьма показательны в этой связи слова о том, что «... западную фонологию нужно начинать с Пражской школы, потому что именно в Праге силами прежде всего Трубецкого и Якобсона, которые экспортировали теорию фонемы из России, из Советского Союза, стала разрабатываться на Западе теория фонемы, фонология, которая и была колыбелью структурализма в целом» [5, с. 81], относящиеся к 60-м гг. XX века. А. А. Реформатский, чья оценка Н. С. Трубецкого как лидера пражской фонологии была приведена выше, счёл необходимым критически откликнуться на приведённое утверждение: «Пожалуй, здесь только несколько умалчивается вклад в фонологию чехов, и в первую очередь патриарха Пражского лингвистического кружка – Матезиуса» [10, с. 102–103].

Действительно, говоря о предпосылках формирования фонологии как научной дисциплины, вспоминают и небольшую статью В. Матезиуса «О потенциальности языковых явлений», напечатанную по-чешски за несколько лет до выхода в свет «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра, когда Н. С. Трубецкой был ещё студентом, а Р. О. Якобсон – гимназистом. Характерно, что, перечисляя

«ревностных сторонников новых идей», сам Н. С. Трубецкой подчеркнул: «Среди них прежде всего следует назвать ... Вилема Матезиуса, опубликовавшего еще в 1911 г. свою *замечательную* (курсив наш – Г. Х., И. В.) статью» [12, с. 11]. Два с лишним десятилетия спустя Й. Вахек, касаясь данного вопроса, отмечал: “We find a number of theses which had been proclaimed in the works of Prague School members for many years, sometimes, as in the case of Vilem Mathesius, several decades before the name Prague School came into existence” [17, p. 31].

Разумеется, о зависимости («ученичества») Н. С. Трубецкого и Р. О. Якобсона по отношению к В. Матезиусу говорить не приходится. Во-первых, к моменту возникновения Пражского лингвистического кружка оба названных учёных период «ученичества» уже прошли и являлись сложившимися исследователями; во-вторых, в специальной литературе неоднократно отмечалось, что Р. О. Якобсона (использовавшего опыт существовавшего в 1915–1924 гг. Московского лингвистического кружка) следует считать одним из инициаторов создания Пражского лингвистического кружка фактически в равной степени с В. Матезиусом (см., например, [6, с. 5]). Но отрицать вклад чешского учёного в постановку фонологической проблематики тоже вряд ли будет справедливо.

Не только фонология

Сказанное можно распространить и на другие области науки о языке. Так, в сфере грамматической теории имя В. Матезиуса ассоциируется, в первую очередь, с разработкой концепции актуального членения предложения. Сам он отмечал её преэминентность по отношению к идеям языковедов последней четверти XIX века, различавшим психологическое подлежащее и психологическое сказуемое, выражая при этом сожаление, что «психологическая окраска обоих терминов привела ... к тому, что что вся эта пробле-

ма была вытеснена из поля зрения официальной лингвистики», вследствие чего «не было выяснено отношение актуального членения к формальному членению предложения» [9, с. 240]. Однако вклад основоположника Пражской лингвистической школы в грамматическую теорию не ограничивается только данным вопросом. Так, в специальной литературе указывалось, что сформулированная в Тезисах ПЛК концепция, подразделяющая грамматику на «теорию лингвистической номинации» и «теорию синтагматических способов», в рамках которой морфология, не будучи самостоятельной дисциплиной, перекрещивается с обеими, находит обоснование «в ряде работ В. Матезиуса, с именем которого она, по-видимому, связана в первую очередь» [3, с. 94]. Вопросы, относящиеся к литературному языку и его функционально-стилистической дифференциации и занимающие немало места в пражских тезисах, также нашли отражение в его трудах. В. Матезиус отмечал и важность типологических изысканий, особо выделяя в положительном ключе в наследии В. фон Гумбольдта то обстоятельство, что немецкий мыслитель «мало интересовался историческим развитием языка, а сравнивал различные языки с чисто аналитической точки зрения, не обращая внимания на их генетическое родство» [8, с. 144]. В данном пункте согласимся с утверждением В. М. Алпатова, заметившего, что для направления, связанного с именем В. фон Гумбольдта, данный момент являлся «далеко не самой главной идеей» [1, с. 179].

Разумеется, не во все сферы, на которые простирались интересы членов ПЛК, В. Матезиус внёс одинаковый вклад. Говоря о разработке вопросов поэтического языка, чаще вспоминают Р. О. Якобсона, что вполне понятно, учитывая преэминентную связь с русскими формалистами и «новолефовскими» тезисами, и Я. Мукаржовского. В области типологии большей известностью пользуются работы В. Скалички. В. Матезиус, в отли-

чие от Н. С. Трубецкого и Р. О. Якобсона, не имел непосредственного отношения к разработке идеи языковых союзов, ставшей своего рода «визитной карточкой» Пражской школы в области ареальных исследований, хотя само понятие им принималось. А по вопросу о возможности постулирования так называемого «среднеевропейского языкового союза» (*mitteleuropäische Sprachbund*) у него возникли серьёзные разногласия с одним из ведущих чешских германистов, придерживавшимся младограмматической традиции (*junggrammatisch orientierten*), – Й. Янко (J. Janko), что могло объясняться не только научными, но и политическими причинами, связанными с ситуацией в межвоенной Чехословакии (подробнее см. [16]). Но, независимо от конкретного вклада в ту или иную область, остаётся бесспорной ведущая роль, которую играл в деятельности ПЛК человек, бывший, по выражению А. А. Реформатского, «хозяйном» кружка» и удостоившийся от представителя Московской фонологической школы эпитета «неутомимый» [11, с. 328]).

Говоря о В. Матезиусе, нельзя не упомянуть, что в значительной степени благодаря ему Пражский лингвистический кружок стал в 20–30-е гг. XX в. несомненным центром европейской, а для

того периода это значило и мировой лингвистики, а его «Труды» (*Travaux du Cercle linguistique de Prague*) были наиболее авторитетным научным изданием, где печатались учёные из самых разных стран (У. Джоунз, В. Дорошевский, К. Бюлер и др.). Творческий контакт с членами ПЛК поддерживали и советские учёные (Г. О. Винокур, Б. В. Томашевский, Н. Н. Дурново, Е. Д. Поливанов). В этом отношении можно сказать, что репутация межвоенной Праги как места пересечения различных национальных традиций, языков и культур нашла в деятельности возглавляемой В. Матезиусом организации одно из наиболее ярких воплощений.

Заключение

Подводя итоги, можно заметить следующее. Формально Пражский лингвистический кружок прекратил своё существование в начале 50-х гг. (подробнее об этом см. [14]). Однако большинство идей, выдвинутых и развивавшихся в недрах Пражской лингвистической школы, продолжают сохранять актуальность и непреходящую ценность, хотя структурализм, олицетворением которого она была, стал достоянием истории науки.

Дата поступления в редакцию 31.03.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В. М. История лингвистических учений. М.: Языки славянской культуры, 2001. 368 с.
2. Брэндал В. Структуральная лингвистика // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Часть II. М.: Просвещение, 1965. С. 94–100.
3. Булыгина Т. В. Пражская лингвистическая школа // Основные направления структурализма / отв. ред. М. М. Гухман, В. Н. Ярцева. М.: Наука, 1964. С. 46–126.
4. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под. ред. Г. А. Золотовой; 4-е изд. М.: Русский язык, 2001. 720 с.
5. Зиндер Л. Р. Основные фонологические школы // Вопросы общего языкознания: материалы Республиканского семинара преподавателей общего языкознания. Л.: Издательство ЛГПИ, 1967. С. 80–88 (Серия: Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. Т. 354).
6. Кондрашов Н. А. Предисловие // Пражский лингвистический кружок / сост.-ред. Н. А. Кондрашов. М.: Прогресс, 1967. С. 5–16.
7. Матезиус В. Задачи сравнительной фонологии // Пражский лингвистический кружок / сост.-ред. Н. А. Кондрашов. М.: Прогресс, 1967. С. 70–83.
8. Матезиус В. Куда мы пришли в языкознании // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Часть II. М.: Просвещение, 1965. С. 141–146.

9. Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок / сост.-ред. Н. А. Кондрашов. М.: Прогресс, 1967. С. 226–238.
10. Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия. М.: Наука, 1970. 530 с.
11. Реформатский А. А. Н. С. Трубецкой и его «Основы фонологии» // Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. С. 328–381.
12. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 372 с.
13. Тынянов Ю. Н., Якобсон Р. О. Проблемы изучения литературы и языка // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 330–336.
14. Čermak P. A Few Notes on the History of the Classical Prague Linguistic School // *La Linguistique*. 2014. Vol. 50, Fasc. 1, Le Cercle linguistique de Prague – I: Perspective historique. P. 75–92.
15. Hockett Ch. Phonology as functional phonetics: Three lectures delivered before the University of London in 1946 by André Martinet // *Language*. 1951. Vol. 27. No. 3. P. 333–342. DOI: 10.2307/409758.
16. Nekula M. Sprachbund und Sprachtyp // *Prager Strukturalismus: Methodologische Grundlagen / Prague Structuralism. Methodological Fundamentals* / ed. M. Nekula. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2003. S. 79–103.
17. Vachek J. Preface to the original edition // Vachek J. *Dictionary of the Prague school of Linguistics* / in collaboration with J. Dubsky. Amsterdam – Philadelphia; John Benjamins Publishing Company, 2003. P. 31–36.

REFERENCES

1. Alpatov V. M. *Istoriya lingvisticheskikh ucheniy* [History of linguistic teachings]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2001. 368 p.
2. Brøndal V. [Structural linguistics]. In: Zvegintsev V. A. *Istoriya yazykoznaniya XIX–XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh. Chast' II* [The history of linguistics in the 19th–20th centuries in essays and extracts. Part II]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1965, pp. 94–100.
3. Bulygina T. V. [Prague linguistic school]. In: *Osnovnyye napravleniya strukturalizma* [Main directions of structuralism]. Moscow, Nauka Publ., 1964, pp. 46–126.
4. Vinogradov V. V. *Russkiy yazyk (Grammaticheskoye ucheniye o slove)* [Russian language (Grammatical doctrine of the word)]. Moscow, Russkiy yazyk publ., 2001. 720 p.
5. Zinder L. R. [The main phonological schools]. In: *Voprosy obshchego yazykoznaniya: materialy Respublikanskogo seminara prepodavateley obshchego yazykoznaniya* [Questions of general linguistics: materials of the Republican seminar of teachers of general linguistics]. Leningrad, Leningrad State Pedagogical Institute Publ., 1967, pp. 80–88 (Series: Scientific Notes of the Leningrad State Pedagogical Institute named after A. I. Herzen. Vol. 354).
6. Kondrashov N. A. [Foreword]. In: *Prazhskiy lingvisticheskiy kruzhok* [Prague Linguistic Circle]. Moscow, Progress Publ., 1967, pp. 5–16.
7. Mathesius V. [Tasks of Comparative Phonology]. In: *Prazhskiy lingvisticheskiy kruzhok* [Prague Linguistic Circle]. Moscow, Progress Publ., 1967, pp. 70–83.
8. Mathesius V. [Where have we come in linguistics]. In: Zvegintsev V. A. *Istoriya yazykoznaniya XIX–XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh. Chast' II* [The history of linguistics in the 19th–20th centuries in essays and extracts. Part II]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1965, pp. 141–146.
9. Mathesius V. [On the so-called actual division of the sentence]. In: *Prazhskiy lingvisticheskiy kruzhok* [Prague Linguistic Circle]. Moscow, Progress Publ., 1967, pp. 226–238.
10. Reformatskiy A. A. *Iz istorii otechestvennoy fonologii. Ocherk. Khrestomatiya* [From the history of Russian phonology. Essay. Chrestomathy]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 530 p.
11. Reformatskiy A. A. [N. S. Trubetskoy and his “Fundamentals of Phonology”]. In: Trubetskoy N. S. *Osnovy fonologii* [Fundamentals of Phonology]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoy literatury Publ., 1960, pp. 328–381.
12. Trubetskoy N. S. *Osnovy fonologii* [Fundamentals of Phonology]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoy literatury Publ., 1960. 372 p.
13. Tynyanov Yu. N., Jakobson R. O. [Problems of studying literature and language]. In: Tynyanov Yu. N. *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of literature. Movie]. Moscow, Nauka Publ., 1977. pp. 330–336.

14. Čermak P. A Few Notes on the History of the Classical Prague Linguistic School. In: *La Linguistique*, 2014, vol. 50, Fasc. 1, Le Cercle linguistique de Prague – I: Perspective historique, pp. 75–92.
15. Hockett Ch. Phonology as functional phonetics: Three lectures delivered before the University of London in 1946 by André Martinet. In: *Language*, 1951, vol. 27, no. 3. pp. 333–342. DOI: 10.2307/409758.
16. Nekula M. Sprachbund und Sprachtyp. In: Nekula M., ed. *Prager Strukturalismus: Methodologische Grundlagen. / Prague Structuralism. Methodological Fundamentals*. Heidelberg, Universitätsverlag Winter, 2003, pp. 79–103.
17. Vachek J. Preface to the original edition. In: Vachek J. (in collaboration with J. Dubsy) *Dictionary of the Prague school of Linguistics*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2003, pp. 31–36.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Валуи́цева Ирина Ивановна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики лингвистического факультета Московского государственного областного университета;
e-mail: irinaiv-v@yandex.ru;

Хухуни Георгий Теймуразович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики лингвистического факультета Московского государственного областного университета;
e-mail: khukhuni@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina I. Valuitseva – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Language Theory, English Studies and Applied Linguistics, Moscow Region State University;
e-mail: irinaiv-v@yandex.ru;

Georgy T. Khukhuni – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Language Theory, English Studies and Applied Linguistics, Moscow Region State University;
e-mail: khukhuni@mail.ru;

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Валуи́цева И. И., Хухуни Г. Т. Пражская лингвистическая школа: основатель и коллеги // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 3. Т. 2. С. 6–13.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-2-6-13

FOR CITATION

Valuitseva I. I., Khukhuni G. T. Prague linguistic school: founder and his colleagues. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 3, vol. 2, pp. 6–13.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-2-6-13

УДК 81-119

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-2-14-21

ИСТОРИЯ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ XIX ВЕКА В ОСВЕЩЕНИИ В. МАТЕЗИУСА

Стекольщикова И. В., Николаева Т. Ю.

Московский городской педагогический университет

129226, г. Москва, 2-ой Сельскохозяйственный проезд, д. 4, Российская Федерация

Аннотация

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы проанализировать научные труды представителя Пражского лингвистического кружка Вилема Матезиуса, посвящённые истории фонологических исследований второй половины XIX – начала XX в., сравнить фонологические воззрения самого Вилема Матезиуса и других лингвистов XIX в., выявить сходства и различия во взглядах чешского учёного и лингвистов натуралистического направления.

Процедура и методы. Ведущие методы исследования, применённые в данной статье, – описательно-аналитический и сравнительно-сопоставительный.

Результаты. В настоящей статье рассмотрены следующие вопросы: истоки появления науки фонологии, область исследования фонологии, её отличия от науки фонетики, фонологические признаки звуков, понятие о структурном фонологическом анализе, понятие исторической фонологии. Выявлены сходства и различия во взглядах учёных второй половины XIX – начала XX в. на фонологические проблемы. Авторы статьи дополняют исторические изыскания Вилема Матезиуса найденными в трудах как упомянутых Вилемом Матезиусом учёных (В. фон Гумбольдта, Ф. де Соссюра, И. А. Бодуэна де Куртене), так и не названных им лингвистов XIX в. (К. Беккера, М. Мюллера, У. Д. Уитни, Э. Ренана) фактами, определениями и высказываниями на вышеозначенную тему.

Теоретическая значимость настоящего исследования состоит в пополнении системы знаний об истории науки фонологии второй половины XIX – начала XX в., о Пражском лингвистическом кружке и одном из его представителей – Вилеме Матезиусе, а также о связи учения В. Матезиуса с лингвистическим натурализмом.

Ключевые слова: языкознание, фонетика, фонология, фонема, синхрония, диахрония, Пражский лингвистический кружок, Вилем Матезиус

NINETEENTH-CENTURY PHONOLOGICAL RESEARCH IN WORKS OF VILEM MATHESIUS

I. Stekolshchikova, T. Nikolaeva

Moscow City University

Vtoroy Selskohoziaystvenny proezd 4, 129226 Moscow, Russian Federation

Abstract

Aim. The purpose of this study is to examine scientific works of Vilém Mathesius – a prominent member of the Prague Linguistic Circle – dedicated to the history of phonological research in the second half of the 19th and early 20th centuries, to compare phonological views of Vilém Mathesius himself with those of other linguists of the 19th century, and to identify similarities and differences between the position of Vilém Mathesius and the representatives of linguistic naturalism.

Methodology. The main researched methods utilized in the study are descriptive-analytical and comparative analysis.

Results. The article elaborates on such questions as the origins of phonology as a science as well as its field of study, differences between phonology and phonetics, phonological characteristics of distinct sounds, and the concepts of structural phonological analysis and historical phonology. The authors reveal similarities and differences between views of scientists having conducted their research in the second half of the 19th and early 20th centuries on phonological issues and expand on the points made by Vilém Mathesius by considering relevant facts, definitions, and arguments found in works of 19th century linguists, both those referred to by V. Mathesius (Wilhelm von Humboldt, Ferdinand de Saussure, J. N. I. Baudouin de Courtenay) and those unmentioned by him (Karl Becker, Max Müller, William Dwight Whitney, Ernest Renan).

Research implications. Theoretical significance of the current study is motivated by it contributing to research on the history of phonology in the second half of the 19th and early 20th centuries, the Prague Linguistic Circle as a whole and Vilém Mathesius as one of its representatives, and the connection between the teachings of Vil m Mathesius and linguistic naturalism as an ideology.

Keywords: linguistics, phonetics, phonology, phoneme, synchrony, diachrony, Prague Linguistic Circle, Vilem Mathesius

Введение

Чешский лингвист В. Матезиус (1882–1945), один из инициаторов создания (в 1929 г.) и первый председатель Пражского лингвистического кружка, известен, прежде всего, своими грамматическими концепциями. Интересны и его взгляды на историю языкознания. В статье «Куда мы пришли в языкознании» (опубликованной в 1931 году), он чётко обозначает два направления в языкознании XIX века [7, с. 189–191]:

1. «Историческое и генетическое» направление, идущее от Ф. Боппа и Р. Раска. Труды А. Шлейхера названы относящимися к «генетическому и палеонтологическому» направлению.

2. «Аналитическое», идущее от В. фон Гумбольдта и Х. Штейнталя.

Отдельно от этих двух направлений он выделяет отечественного лингвиста И. А. Бодуэна де Куртенэ и швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра, подчёркивая самобытность их взглядов и особое значение для науки [7, с. 192–193]. Такое деление лингвистов XIX века будет важным и для других работ учёного, как мы увидим в дальнейшем.

Что касается фонологических исследований, то они рассмотрены в нескольких его трудах, в той или иной степени.

Мы обратимся к двум из них, показавшихся нам наиболее любопытными:

1) «О потенциальности языковых явлений» [7, с. 3–30];

2) «Задачи сравнительной фонологии» [7, с. 134–147].

Вопросы фонологии, рассмотренные в работе В. Матезиуса «О потенциальности языковых явлений»

В первой работе (1911) В. Матезиус рассматривает несколько фонетических вопросов. Во-первых, это проблема самостоятельности слова, которая решалась в том числе, Ф. Миклошичем, И. Рисом, Г. Суитом, Э. Зиверсом, П. Пасси, А. Мейе. Последний приводит в качестве доказательства самостоятельности индоевропейского слова особый характер конечных звуков и единое ударение, как правило, в определённом месте. А такие учёные, как Жан-Пьер Руссело и Э. А. Мейер (представители экспериментальной фонетики), например, наоборот, доказывали, что слов как самостоятельных единиц в устной разговорной речи не существует.

Сам В. Матезиус занимает более нейтральную позицию и придерживается точки зрения, что темп речи влияет на

членение предложений, а также первичность или вторичность высказывания: «Когда я медленно стилизую какое-либо предложение, я ставлю обычно аналитические местоимения и глагольные формы после слова, к которому они относятся. Когда же я перечитываю такие предложения, то всегда, перемещая их, ставлю их перед словами, к которым они относятся. Иными словами, когда я впервые составляю предложение, то расчленяю его на отдельные отрезки, и поскольку с энклитики не может начинаться каждый такой отрезок предложения, то она по необходимости ставится за словом, к которому относится; однако, когда я повторяю уже составленное предложение, то воспринимаю его больше как целое и энклитика передвигается непосредственно к первому слову целого предложения» [7, с. 17]. Кроме того, В. Матезиус отмечал, что границы потенциальности – и, следовательно, самостоятельности слова, – неодинаковы в различных языках и на разных этапах исторического развития языков (в качестве примера В. Матезиус приводит новоанглийское удвоение слов, применяющееся для подчёркивания значения слова: *very very often*).

Следующий вопрос, поднятый им в первой работе, – имеют ли отдельные части речи собственные ступени ударения (что особенно важно при исследовании ритма языка и его влияния на порядок слов). В. Матезиус приводит точку зрения Франца Зарана, утверждающего, что нет никакой связи между ступенью ударения и частью речи, с одной стороны, и мнения Карла Филиппа Морица и Редерика Бенедикса, построивших шкалу по степени ударности слов, в зависимости от части речи и условий контекста, с другой стороны. В. Матезиус не соглашается ни с одной из приведённых точек зрения, а предлагает промежуточный вариант, утверждая, что отношение между ударением и различными частями речи проявляется в виде тенденций, которые одновременно как не полностью абсолютны,

так и не полностью размыты: «... ступень ударения каждого слова, хотя и является более или менее потенциальной, но отношение между ударением и различными частями речи проявляется в виде тенденций, которые, конечно, не столь абсолютны, как полагали Мориц и Бенедикс, но все-таки более четки, чем думает Заран» [7, с. 18] (выделения В. Матезиуса).

Завершает свою работу Вилем Матезиус обзором взглядов учёных XIX в. непосредственно на потенциальность фонетических явлений, начиная с предшественников сравнительно-исторического языкознания (Я. Гримма, А. Шлейхера), а затем – аналитического направления (В. фон Гумбольдта, В. Вундта, О. Эсперсена, К. Фосслера).

В. Матезиус делает вывод, что «оторванность речи от говорящего индивидуума» [7, с. 25] становится определяющей чертой лингвистических исследований XIX века, то есть язык рассматривался как нечто «объективное, стабильное» для заданного времени и места [7, с. 25]. Связано это, по мнению В. Матезиуса, с историзмом, восходящим к Я. Гримму, а также с естественнонаучным подходом к языку А. Шлейхера, приведшим к вере в закономерность языковых изменений, в том числе, у младограмматиков (см. [3; 11]).

Лингвисты психологического направления (В. фон Гумбольдт, Х. Штейнталь, В. Вундт), по словам В. Матезиуса, несмотря на более внимательное отношение к изменчивости языка, тем не менее, чересчур склонялись к общественному характеру языка [7, с. 26] (см. также [4]). Тем не менее, зарождение мыслей об индивидуальности языка в фонетическом аспекте нам удалось найти у В. фон Гумбольдта. В звуках языка, по мнению исследователя, проявляется его индивидуальность, уникальность, самобытность: «... в его звуках вместе с родным языком мы воспринимаем как бы частичку нашей самости» [5, с. 80].

Со своей стороны, мы бы добавили примечание, что ряд лингвистов XIX в.,

относящихся к представителям лингвистического натурализма и близких к ним, как раз наоборот, подчёркивали индивидуальность языка, то, что язык живёт в человеке и умирает с каждым сказанным словом [9, с. 112]. Например, Макс Мюллер писал о том, что язык живёт, пока на нём говорят, и умирает с каждым словом, которое уже произнесено и уже не слышится более: "... it lives in being spoken, it dies with each word that is pronounced, and is no longer heard" [13, p. 52]. А У. Д. Уитни утверждал, что язык существует лишь в умах тех, кто его использует: "Language has, in fact, no existence save in minds and mouths of those who use it" [15, p. 35].

Карл Беккер говорил, что словесное выражение, как и другие проявления жизни, есть нечто, образующееся каждое мгновение [10]. Таким образом, слово – «индивидуальное проявление индивидуальной мысли» [1, с. 2]. Похожее суждение о том, что язык рождается не в определённый момент истории, а существует только «в момент речи» [9, с. 112], можно найти у Эрнеста Ренана: "Le langage n'est donc point apparu à un moment déterminé de l'histoire, comme les inventions de l'esprit humain; il naît à l'instant où l'on parle ..." [14, p. 33];

И. А. Бодуэн де Куртенэ сходитя в мнении с натуралистом М. Мюллером, что язык существует и функционирует лишь в человеке, то есть тоже выступает за индивидуальность языка: «Язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое общество» [2, с. 157]; «Индивидуальный язык прекращает свое существование только со смертью индивида ... Нет вовсе ни русского, ни немецкого, ни какого бы ни было национального или племенного языка. Существуют только индивидуальные языки...» [2, с. 217]. Однако все найденные нами высказывания были, скорее, исключениями в общем хоре голосов, говорящих об универсальности языка, не обозначенными, впрочем, В. Матезиусом.

Первым лингвистом, порвавшим с популярным мнением об универсальном характере языка и заговорившим об индивидуальности языка в целом и произношения в частности, по словам В. Матезиуса, был Н. Крушевский. Он отмечает неопределённость звука в физиологическом отношении, указывая, что «... нельзя в данное время установить, является ли звук в данную эпоху стабилизированный акустически отчетливо, стабилизированный также и в физиологическом плане» [7, с. 26]. Иными словами: «Звук неопределенен в физиологическом отношении, то есть его артикуляция может в известных пределах изменяться...» [7, с. 26], при этом человеческий слух не способен уловить тонкие оттенки его изменений.

В. Матезиус выделяет как защитников идей индивидуальности языка и произношения Гуго Шухардта, Отто Есперсена, Вильгельма Вундта, Франца Николауса Финка, и Рихарда Морица Мейера. Так, Г. Шухардт утверждал, что индивидуальное произношение – это «не просто обычное колебание», а «бесконечное смешение языка» [7, с. 27]. О. Есперсен заявлял, что «... никто никогда не может говорить точно так же, как другой (это касается как звуков, так и содержания связанного с этими звуками), речь может идти лишь о приблизительном совпадении» [7, с. 27]; при этом О. Есперсен ссылается на фонетику Эдуарда Зиверса, в которой подчёркивается неустойчивость лингвистических явлений. В свою очередь В. Вундт считал, что «... индивидуальность произношения является первопричиной индивидуальных звуковых изменений» [7, с. 28]; Ф. Н. Финка подчёркивал индивидуальный характер языковой деятельности; а Р. М. Мейер, обосновывая (на материале старонемецких звуков) положение о том, что «... звуковых изменений как таковых не существует, а существует лишь выбор между параллельными формами» [7, с. 29].

Фонологические вопросы, изложенные в работе В. Матезиуса «Задачи сравнительной фонологии»

Во второй работе, которую мы рассмотрим («Задачи сравнительной фонологии»), В. Матезиус рассуждает о зарождении фонологических исследований и выделяет учёных, с чьим именем он связывает начало развития фонологических исследований. К ним он относит Ф. де Соссюра и И. А. Бодуэна де Куртенэ [7, с. 134–135].

В. Матезиус говорит о том, что Ф. де Соссюр исключает фонетику из грамматики, разделяет фонетику и фонологию (о новаторстве Ф. де Соссюра см. [6; 12]). По словам Ф. де Соссюра, фонетика призвана изучать эволюцию звуков, тогда как фонология должна фокусироваться на их физиологических характеристиках. Находим соответствующие определения у Ф. де Соссюра: «Ибо фонетика первоначально означала и должна по-прежнему означать учение об эволюции звуков» [8, с. 52]; а «физиология звуков» должна отныне называться «фонологией» [8, с. 52]. Ф. де Соссюр подчёркивает диахронический характер фонетики и синхронический характер фонологии: «Фонетика – наука историческая; она анализирует события, трансформации и движется во времени. Фонология находится вне времени, так как механизм артикуляции всегда остается себе подобным» [8, с. 52].

С другой стороны, Матезиус критикует отсутствие систематичности в определении фонемы Ф. де Соссюром и указывает, что фонема означает у Ф. де Соссюра «то звук как явление артикуляционное или акустическое, то член функциональной звуковой системы» [7, с. 134–135]. Приведём соответствующие определения у Ф. де Соссюра: «Фонема есть сумма акустических впечатлений и артикуляционных движений – слышимой единицы и произносимой единицы, из коих одна обусловлена другой ...» [8, с. 57]; «... тот или иной звук имеет ту или иную функ-

цию, в зависимости от того, получает ли он «слоговое ударение» или не получает» [8, с. 52].

Отдельно признает В. Матезиус и достижения И. А. Бодуэна де Куртенэ – особенно в различении звука и фонемы. Так, относительно И. А. Бодуэна де Куртенэ В. Матезиус говорит следующее: «... уже к 80-х гг. пришел к ясному различению звука и фонемы» [7, с. 135]. Однако, недостатком теории фонемы И. А. Бодуэна де Куртенэ (по мнению В. Матезиуса) было понимание её исключительно как представления звука как такового – без учёта какого-либо функционального аспекта. Действительно, в определении И. А. Бодуэна де Куртенэ, мы не находим понятия функции, упор в нём делается на обобщённые свойства фонемы, а также на внутриязыковые и межъязыковые связи: «Фонема есть сумма обобщенных антропофонических свойств известной фонетической части слова, неделимая при установлении коррелятивных связей в области одного языка и корреспондентных связей в области нескольких языков» [2, с. 90].

В продолжение рассматриваемой темы В. Матезиус освещает тезисы программы, предложенные русскими лингвистами Р. Якобсоном, С. Карцевским и Н. С. Трубецким и принятые на Первом международном конгрессе лингвистов, происходящем в Гааге в 1928 г., анализ которых требует отдельного исследования.

Сам В. Матезиус фонемами называет «звуки, обладающие функциональной нагрузкой в исследуемой системе» [7, с. 137], а фонологическими признаками – «свойства отдельных звуков или звуковых групп, которые используются для различения двух слов, двух групп слов или двух фонем» [7, с. 137].

Фонология, по словам В. Матезиуса, позволяет установить, в каких позициях встречаются определённые сочетания звуков [7, с. 141]; какие комбинации звуков характерны для литературного, а какие – для простонародного произношения [7, с. 142]. Методом структурного

фонологического анализа, с точки зрения В. Матезиуса, можно установить различие между словом как целой единицей и группой слов (то есть решить вопрос о самостоятельности слова) [7, с. 142]. В. Матезиус также говорит об особой фонологической структуре междометий, других эмоционально окрашенных слов, звукоподражаний, иностранных слов [7, с. 142–143].

В. Матезиус (в отличие от Ф. де Соссюра) не противопоставляет диахроническую фонетику (и блестящие достижения в этой области младограмматиков) синхронной фонологии. Он говорит следующее: «Исторической фонетике младограмматиков должно соответствовать диахроническое фонологическое исследование» [7, с. 144], которое осуществляется с помощью синхронических исследований предшествующих языковых стадий. Таким образом, речь идёт уже об «исторической фонологии», которая «... должна заниматься двумя рядами проблем: фонологическим анализом более древних языковых стадий и вопросахми фонологического развития» [7, с. 144].

Заключение

Подводя итоги, ещё раз подчеркнём, что сам В. Матезиус определяет фонемы как обладающие функциональной нагрузкой звуки, а фонологические признаки – как различительные свойства отдельных звуков или звуковых групп. Соответственно, фонология как наука, по словам данного лингвиста, позволяет – среди прочего – установить, в каких позициях встречаются определённые

сочетания звуков, а также какие комбинации звуков характерны для определённых разновидностей произношения. Наконец, структурный фонологический анализ призван выявить различия между словом как целой единицей и группой слов как кластером (иными словами, решить вопрос о самостоятельности слова). Важно также отметить, что Вилем Матезиус (в отличие от Фердинанда де Соссюра) не противопоставляет диахроническую фонетику синхронной фонологии, а считает, что они должны дополнять друг друга, – мысль, которая приводит Матезиуса к идее «исторической фонологии», призванной заниматься как анализом более древних языковых стадий, так и вопросами актуального фонологического развития.

Таким образом, В. Матезиус продемонстрировал свой взгляд на науку фонологию и связанные с ней языковые проблемы, с позиции разных учёных, начиная с момента зарождения этой науки. Нашей целью было не только представить краткий обзор его исследований в этой области, но и подтвердить изложенные факты цитатами упоминаемых им лингвистов (В. фон Гумбольдта, Ф. де Соссюра, И. А. Бодуэна де Куртенэ), а также расширить исторический ракурс, приведя высказывания не рассмотренных В. Матезиусом лингвистов (К. Беккера, М. Мюллера, У. Д. Уитни, Э. Ренана), чьи мысли, по нашему мнению, заслуживают внимания и могут упоминаться в истории науки о языке.

Дата поступления в редакцию 04.04.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Беккер К. Организм языка (перевод) 1860 // Филологические записки. Воронеж: Типография В. Гольдштейна, 1860. № 1–6. С. 3–72.
2. Бодуэн де Куртенэ И. А. Общее языкознание. Избранные труды. М.: Юрайт, 2018. 329 с.
3. Валуйцева И. И. Дилемма описательного и исторического в научном подходе к языку // Военно-гуманитарный альманах. Серия «Лингвистика». Вып. 4. Т. 1. Язык. Коммуникация. Перевод: материалы X Международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации. М.: ИД «Международные отношения», 2019. С. 23–30.
4. Валуйцева И. И., Хухуни Г. Т. Индивидуальный и социальный аспекты языковых изменений в историческом языкознании // Язык в пространстве коммуникации и культуры: материалы VI

- Международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации (Военный университет, 29 июня 2012 г.). М.: Книга и бизнес, 2012. С. 10–18.
5. Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. М.: Прогресс, 2000. 400 с.
 6. Иванов Н. В. Две парадигмы языковой знаковости: Ф. де Соссюр и / или Ч. С. Пирс (философский и методологический аспекты) // Лингвистика после Ф. де Соссюра: итоги и перспективы (к 155-летию со дня рождения Ф. де Соссюра): материалы международной научной конференции. М.: МГОУ, 2013. С. 60–72.
 7. Матезиус В. Избранные труды по языкознанию. М.: Едиториал УРСС, 2010. 232 с.
 8. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / пер. с фр. М.: ЛИБРОКОМ, 2016. 256 с.
 9. Стеколыщикова И. В. Вопрос о сущности языка в трудах лингвистов натуралистического направления // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 20 (375). С. 110–116.
 10. Стеколыщикова И. В. Философско-лингвистические взгляды Карла Беккера в свете натуралистической концепции языкознания XIX в. // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 28 (282). С. 136–142.
 11. Хухуни Г. Т. Парадоксы младо-/неограмматизма: история и современность // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. 2013. № 1 (1). С. 11–19.
 12. Хухуни Г. Т. Фердинанд де Соссюр: традиции и новаторство // Лингвистика после Ф. де Соссюра: итоги и перспективы (к 155-летию со дня рождения Ф. де Соссюра): материалы международной научной конференции. М.: ИИУ МГОУ, 2013. С. 139–146.
 13. Müller M. Lectures on the Science of Language; 6-th ed. In two volumes. Vol. 1. London: Longmans, Green, and CO, 1871. 371 p.
 14. Renan E. De l'origine du langage; 3-ime edition. Paris: Michel Lévy Frères, Libraires-Éditeurs, 1859. 258 p.
 15. Whitney W. D. Language, and the study of language. Twelve lectures on the principles of linguistic science. London: Trübner and Co, 1867. 490 p.

REFERENCES

1. Becker K. [The organism of language (translation) 1860]. In: *Filologicheskiye zapiski* [Philological Notes]. Voronezh, Tipografiya V. Gol'dshteyna Publ., 1860. no. 1–6, pp. 3–72.
2. Baudouin de Courtenay I. A. *Obshcheye yazykoznanie. Izbrannyye Trudy* [General linguistics. Selected works]. Moscow, Yurayt Publ., 2018. 329 p.
3. Valuytseva I. I. [The dilemma of the descriptive and the historical in the scientific approach to the language]. In: *Voyenno-gumanitarnyy al'manakh. Seriya «Lingvistika». Vyp. 4. T. 1. Yazyk. Kommunikatsiya. Perevod: materialy X Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii po aktual'nyim problemam teorii yazyka i kommunikatsii* [Military-Humanitarian Almanac. Series “Linguistics”. Issue. 4. Vol. 1. Language. Communication. Translation: Proceedings of the X International Scientific Conference on Actual Problems of the Theory of Language and Communication] Moscow, ID «Mezhdunarodnyye otnosheniya» Publ., 2019, pp. 23–30.
4. Valuytseva I. I., Khukhuni G. T. [Individual and social aspects of language changes in historical linguistics]. In: *Yazyk v prostranstve kommunikatsii i kul'tury: materialy VI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii po aktual'nyim problemam teorii yazyka i kommunikatsii (Voyennyi universitet, 29 iyunya 2012 g.)* [Language in the space of communication and culture: materials of the VI International Scientific Conference on Actual Problems of the Theory of Language and Communication (Military University, June 29, 2012)]. Moscow, “Kniga i biznes” Publ., 2012, pp. 10–18.
5. Humboldt von W. *Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected works on linguistics]. Moscow, Progress Publ., 2000. 400 p.
6. Ivanov N. V. [Two paradigms of linguistic signs: F. de Saussure and / or Ch. S. Peirce (philosophical and methodological aspects)]. In: *Lingvistika posle F. de Sossyura: itogi i perspektivy (k 155-letiyu so dnya rozhdeniya F. de Sossyura): materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Linguistics after F. de Saussure: results and prospects (to the 155th anniversary of the birth F. de Saussure): materials of the international scientific conference]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2013, pp. 60–72.
7. Mathesius V. *Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected works on linguistics]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2010. 232 p.

8. Saussure F. de. *Kurs obshchey lingvistiki* [Course of general linguistics]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2016. 256 p.
9. Stekolshchikova I. V. [The problem of the essence of language in the scientific works of linguists of naturalistic conception]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2015, no. 20 (375), pp. 110–116.
10. Stekolshchikova I. V. [Philosophico-Linguistic Views of C. Bekker in the Light of Natural Conception of Language of the XIX Century]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2012, no. 28 (282), pp. 136–142.
11. Khukhuni G. T. [“The young-/neogrammarian paradox”: history and modern time]. In: *Uchenyye zapiski natsional'nogo obshchestva prikladnoy lingvistiki* [Proceedings of National Association of Applied Linguistics], 2013, no. 1 (1), pp. 11–19.
12. Khukhuni G. T. [Ferdinand de Saussure: traditions and innovation]. In: *Lingvistika posle F. de Sossyura: itogi i perspektivy (k 155-letiyu so dnya rozhdeniya F. de Sossyura): materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Linguistics after F. de Saussure: results and prospects (to the 155th anniversary of the birth F. de Saussure): materials of the international scientific conference]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2013, pp. 139–146.
13. Müller M. *Lectures on the Science of Language*; 6-th ed. In two volumes. Vol. 1. London, Longmans, Green, and CO, 1871. 371 p.
14. Renan E. *De l'origine du langage*; 3-ème edition. Paris, Michel Lévy Frères, Libraires-éditeurs, 1859. 258 p.
15. Whitney W. D. *Language, and the study of language. Twelve lectures on the principles of linguistic science*. London, Trübner and Co, 1867. 490 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Стекольщикова Ирина Витальевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры англистики и межкультурной коммуникации Московского городского педагогического университета;

e-mail: StekolshhikovaIV@mgpu.ru

Николаева Татьяна Юрьевна – ассистент кафедры англистики и межкультурной коммуникации Московского городского педагогического университета;

e-mail: NikolaevaTJ@mgpu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina V. Stekolshchikova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prof., Department of English Studies and Cross-Cultural Communication, Moscow City University;

e-mail: StekolshhikovaIV@mgpu.ru

Tatiana U. Nikolaeva – Assistant, Department of English Studies and Cross-Cultural Communication, Moscow City University;

e-mail: NikolaevaTJ@mgpu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Стекольщикова И. В., Николаева Т. Ю. История фонологических исследований XIX века в освещении В. Матезиуса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 3. Т. 2. С. 14–21.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-2-14-21

FOR CITATION

Stekolshchikova I. V., Nikolaeva T. U. Nineteenth-century phonological research in works of Vilem Mathesius. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 3, vol. 2, pp. 14–21.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-2-14-21

УДК 81'42

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-2-22-33

УЧЕНИЕ ОБ АКТУАЛЬНОМ ЧЛЕНЕНИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Раренко М. Б.

*Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук
117997, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель исследования – показать, что учение об актуальном членении предложения, некоторые аспекты которого были представлены ещё в работах французских грамматистов логического направления XVIII в., таких как Ц. Дюмарсэ, Н. Бозе, Ш. Бато, и обобщённые почти 100 лет спустя А. Вейлем, подробно описанное В. Матезиусом (1882–1946) на примере чешского языка, по-прежнему сохраняет свою актуальность в современных лингвистических исследованиях и находит отражение в разных аспектах изучения языка, например теории и практики перевода.

Процедура и методы. Автором проведён анализ работ современных исследователей, посвящённых разным аспектам учения об актуальном членении предложения, в том числе особое внимание уделялось работам по теории и практике перевода. Были использованы такие методы исследования, как описательный, сравнительный и сопоставительный.

Результаты. Проанализированы и обобщены данные, представленные в работах современных отечественных учёных по вопросам актуального членения предложения при переводе текстов с английского языка на русский. Использование положений В. Матезиуса об актуальном членении предложения (противопоставленному формальному членению предложения), дополненных впоследствии разработками отечественных учёных, позволяет сделать вывод о том, что учение В. Матезиуса имеет большое значение для теории и практики перевода и на современном этапе.

Практическая значимость проведённого исследования позволяет говорить о необходимости принимать во внимание при переводе с одного естественного языка на другой положения учения об актуальном членении предложения, учитывая синтаксические особенности каждого из языков, особое внимание следует уделять так называемому предпереводческому анализу текста, значение которого в настоящее время многими, особенно начинающими, переводчиками незаслуженно игнорируется.

Ключевые слова: Вилем Матезиус; актуальное членение предложения; Пражский лингвистический кружок; тема; рема; перевод; коммуникативная структура; контекст; порядок слов; функциональная лингвистика

THE DOCTRINE OF ACTUAL DIVISION OF THE SENTENCE AND ITS SIGNIFICANCE FOR THE DEVELOPMENT OF THE THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION AT THE PRESENT STAGE

M. Rarenko

*Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
Nakhimovsky Prospekt 51/21, Moscow 117997, Russian Federation*

Abstract

Aim. To show that the doctrine of the actual division of the sentence (some aspects of which were presented in the works of French grammarians of the logical direction of the XVIII century, such as César Chesneau Dumarsais, Nicolas Beauzée, Charles Bateau, and summarized almost 100 years later by Henri Weil) that was described in detail by Vil m Mathesius (1882–1946) on the example of the Czech language, still retains its relevance in modern linguistic research and is reflected in various aspects of language learning, for example, theory and practice of translation.

Methodology. The author analyzes the works of modern researchers devoted to various aspects of the doctrine of the actual division of the sentence, including those in which special attention is paid to the theory and practice of translation. Such research methods as descriptive and comparative were used.

Results. The data presented in the works of modern Russian scientists on the issues of actual sentence division when translating texts from English into Russian are analyzed and summarized. The use of V. Mathesius' provisions on the actual division of the sentence (opposed to the formal division of the sentence), supplemented subsequently by the developments of the Russian scientists, allows us to conclude that V. Mathesius' teaching is of great importance for the theory and practice of translation at the present stage.

Research implications. The practical significance of the conducted research suggests the need to take into account the provisions of the doctrine of the sentence actual division when translating from one natural language to another, considering the syntactic features of each of the languages, at the same time special attention should be paid to the so-called pre-translation analysis of the text, the meaning of which is currently being unfairly ignored by many translators, especially the novice ones.

Keywords: Vilém Mathesius; actual sentence division; Prague Linguistic Circle; topic; rhema; translation; communicative structure; context; word order; functional linguistics

Введение

В 2022 г. исполняется 140 лет со дня рождения чешского языковеда Вилема Матезиуса (1882–1946), известного широкому кругу российских и зарубежных лингвистов в связи с учением об актуальном членении предложения, а также как инициатора и одного из основателей Пражского лингвистического кружка¹. Нисколько не умаляя роль В. Матезиуса в разработке данной доктрины, отметим, однако, что ряд наблюдений касательно актуального членения предложения (не называя его так, конечно) были сделаны задолго до него – ещё в XVII в. французскими грамматистами логического направления (Ц. Дюмарсэ, Н. Бозе, Ш. Бато), а спустя почти 100 лет их обобщил А. Вейль (1819–1909). Всё это

только подчёркивает важность учения об актуальном членении предложения, несомненная заслуга в разработке которого принадлежит В. Матезиусу [14]. Основные положения теории актуального членения предложения, явившиеся существенным вкладом в развитие синтаксиса в целом, несмотря на то, что учёный описывал синтаксис чешского языка, были изложены В. Матезиусом в работах «О так называемом актуальном членении предложения» и «Основная функция порядка слов в чешском языке» [11; 12]. Основные идеи В. Матезиуса можно свести к следующим положениям: «Если формальное членение разлагает состав предложения на его грамматические элементы, то актуальное членение выясняет способ включения предложения в предметный контекст, на базе которого оно возникает. Основными элементами формального членения предложения являются грамматический субъект и грамматический предикат. Основные элементы

¹ Более подробно о В. Матезиусе и его исследовательской деятельности см.: Алпатов В. М. Матезиус В. // Энциклопедический словарь юного лингвиста / сост. М. В. Панов. М.: Наука, Флинта, 2006. С. 238–239.

актуального членения предложения – это исходная точка (или основа) высказывания, т. е. то, что является в данной ситуации известным или, по крайней мере, может быть легко понято и из чего исходит говорящий, и ядро высказывания, то есть то, что говорящий сообщает об исходной точке высказывания» [11, с. 239].

Актуальное членение, суть которого можно описать, как цель определить посредством чего (т. е. как) фраза (предложение) оказывается включённой в ситуацию (какое место и какую роль в ней занимает) и предметный контекст, на базе которого высказывание (фраза, предложение) возникает, В. Матезиус противопоставил широко распространённому и принятому так называемому формальному членению предложения – т. е. делению предложения на грамматические субъект и предикат. Используя термин «актуальное членение предложения» В. Матезиус подчёркивал то, что в предложении может быть выделена *начальная точка* (или иначе говоря, исходное положение, основа высказывания), т. е. та информация, которая в данной конкретной ситуации общения является известной коммуникантам, и *ядро* высказывания, т. е. некая новая информация, то, ради чего коммуникация и происходит (В. Матезиус исходил из того, что в процессе общения между коммуникантами происходит обмен «новой» информацией). Учение об актуальном членении, соответственно, по мысли исследователя, направлено на то, чтобы определить функцию предложения (фразы, высказывания в рамках предложения), под которой он подразумевал именно целевую установку речевого высказывания. Учёный исходил из представления об универсальности учения об актуальном членении предложения (сегодня некоторые исследователи подвергают это представление сомнению, хотя и не отрицают его возможный универсальный характер), поэтому полагал решение вопроса о соотношении актуального членения предложения и

формального как двух методов синтаксического анализа важным для всех естественных языков. (Напомним, однако, что сам В. Матезиус проводил свои исследования на своём родном, чешском, языке). Сегодня основную заслугу В. Матезиуса современные исследователи его научного наследия в целом и учения об актуальном членении предложения видят прежде всего в том, что «... он значительно углубил представления об основных понятиях актуального членения, но и в том, что он определил место этого учения в системе ономаσιологической (“функциональной”) грамматики в целом ... В. Матезиус противопоставлял актуальное членение предложения его формальному членению» [13, с. 92].

Как показывает обзор научных работ, учение о тема-рематическом членении по-прежнему остаётся актуальным для современного языкознания в целом [5–10; 15; 16; 18; 19; 21; 23; 24 и др.]. Как отмечает в разделе коллективной монографии «Актуальное членение предложения: от истории к современности» С. Г. Виноградова, «актуальное членение предложения является весьма привлекательной научной проблемой, поддерживающей стойкий интерес лингвистов» [5, с. 160]. Подчёркивается, что «проблема актуального членения предложения является одной из наиболее интересных и важных как с чисто теоретической, так и с прикладной точек зрения» [13, с. 94].

Роль актуального членения для теории перевода

Несмотря на многовековую практическую деятельность и отдельные теоретические работы (в основном размышления переводчиков-практиков на природу перевода и советы (нередко прямо противоположные) коллегам по ремеслу, как следует переводить и на что следует обращать внимание, чаще всего высказанные в полемическом ключе), теория перевода как научная дисциплина сложилась относительно недавно – в середине прошлого

столетия. Именно тогда были определены задачи, цели, принципы перевода, роль переводчика, статус переводного произведения, критерии «хорошего» и «плохого» перевода, которые и сегодня уточняются, опровергаются, пересматриваются, дискутируются, поскольку перевод – это не просто ремесло, это искусство, тем более, если речь идёт о переводе художественных произведений, основной функцией которых следует признать эстетическую, наряду, безусловно, с другими – дидактической, познавательной, воспитательной и проч.

Практическая значимость актуального членения предложения

Идеи В. Матезиуса в области исследования актуального членения получили непосредственное развитие как в самой Пражской школе, так и в других лингвистических традициях. Отмечается, что «актуальное членение явило собой новый уровень синтаксического анализа предложения / высказывания, который позволил установить соответствия между традиционным синтаксическим членением предложения на подлежащее и сказуемое и второстепенные члены и определением коммуникативных ролей отдельных частей высказывания» [5, с. 158], что следует признать особенно важным для предпереводческого анализа текста. Подчеркнём, что любой текст, а текст художественного произведения тем более, представляет собой особым образом выстроенное высказывание, основными характеристиками которого признаются информативность, целостность, связность, которые реализуются, в том числе, и посредством синтаксиса¹.

Любой естественный язык – самоорганизующаяся система, функционирующая согласно внутренним законам, способная к постоянному развитию, и учение В. Ма-

тезиуса об актуальном членении предложения – это ещё одно доказательство. Является установленным фактом, что в русском языке рема располагается преимущественно в конце фразы (предложения) (в устной речи рема выделяется интонацией, поэтому может располагаться в любой части предложения). Так, в предложении «Их первая встреча произошла в конце ноября» акцентируется время встречи, т. е. обстоятельство, в отличие от предложения «В конце ноября произошла их первая встреча», в котором подчёркивается подлежащее предложения. Взаимное расположение темы и ремы определяет причинно-следственные отношения в тексте, влияет на его целостность и связность, что необходимо принимать во внимание при работе над текстом.

В английском языке, в котором синтаксические отношения между членами предложения определяются порядком слов, тема-рематическое членение приобретает особую смысловую значимость. Сопоставим следующие два предложения: “*There was a big round wooden table in the middle of the room with four nice old-fashioned chairs*” и “*The table with four old-fashioned chairs was in the middle of the room*” (пример наш – М. Р.). В первом предложении акцентируется факт наличия большого круглого деревянного стола с четырьмя стульями посередине комнаты, а во втором – то, что стол со стульями располагался именно в середине комнаты. Может показаться, что смысловые различия не так и существенны, но они имеются, и отрицать их нельзя. Если рассматривать эти предложения с точки зрения тема-рематического членения, то темой в первом предложении будет “*There was*”, ремой – “*a big round table in the middle of the room with four old-fashioned chairs*”, что также формально подтверждается употреблением неопределённого артикля перед существительным. Во втором предложении тема – “*The table with four old-fashioned chairs was*”, рема – “*in the middle of the room*”.

¹ См.: Основные понятия переводоведения (Отечественный опыт): Терминологический словарь-справочник / отв. редактор М. Б. Раренко. М.: ИНИОН РАН, 2010. 260 с.

Важным направлением в изучении актуального членения предложения в современном английском языке следует признать определение позиционных способов выражения ремы и темы. Одним из наиболее хорошо изученных аспектов в этой связи является грамматическая инверсия, т. е. нарушение принятого порядка слов (подлежащее предшествует сказуемому), целью которой является выделение ремы предложения. Среди видов инверсий особого внимания заслуживают инверсия подлежащего в положение конца предложения, имеющего так называемое экзистенциальное значение, и инверсия в начальное положение при использовании оборота *it is (was) ... that (who, where, when* и т. д.) (более подробно см.: [22; 23; 25]).

В предложении с экзистенциальным значением в начальной позиции используется инверсия с вводящим *there*, чаще всего включающем в себя глаголы, имеющие значение существования, наличия, местоположения и месторасположения, движения, появления: *to be, to live, to exist, to stand, to stay, to sit, to occur, to happen, to appear, to take place, to settle, to seem, to move, to swim, to sail, to travel, to come, to arrive, to follow, to hang* и другие. Рассмотрим пример такого предложения: “*To everybody’s surprise there in the doorway stood Alex*” (пример наш – М. Р.). Подлежащее предложения – *Alex* – занимает в предложении конечную позицию, являясь рematicким центром высказывания. Подобные конструкции являются в английском языке частотными (особенно если целью высказывания является указание на наличие / отсутствие чего-либо или кого-либо: *There were many people in the room* (как вариант: *In the room there were many people*¹; *There wasn’t a pen on the table* (*On the table there wasn’t a pen*)) (пример наш – М. Р.), и используются в основном при описании локаций. С фор-

мальной точки зрения, подтверждением того, что подлежащее в предложениях с оборотом *there is (are, was, were* и проч.) выражает рему, является, во-первых, интонационное выделение подлежащего при помощи логического ударения; во-вторых, контекст, в рамках которого данное высказывание существует; в-третьих, наличие неопределённого артикля при подлежащем (если оно выражено нарицательным исчисляемым существительным в форме единственного числа). Также, специальный вопрос, заданный к предложению с оборотом *there is (are, was, were* и проч.), будет всегда обращён к подлежащему предложения.

Выделительный оборот *it is ... that* также довольно часто используется в современном английском языке в текстах самой разной стилистической направленности при возникающей необходимости подчеркнуть любой член предложения, кроме сказуемого. Примером употребления оборота в предложении может служить высказывание “*It was Peter that (who) told everybody Ann’s secret*” (пример наш – М. Р.), в котором акцентируется подлежащее предложения – *Peter*, помещённое внутрь оборота. Наличие рамочной структуры, безусловно, обращает на себя внимание слушающего (читающего), в устной речи заключённый в рамку член предложения (в данном случае подлежащее *Peter*) также принимает на себя логическое ударение, т. е. интонационно выделяется. Специальный вопрос к предложению также будет обращён к его синтаксическому члену, входящему в выделительный оборот. В примере “*It was the eastern part of London where Tom and his sister Madeleine were born*” (пример наш – М. Р.) ремой выступает обстоятельство образа места, включённое в выделительный оборот, которое также принимает на себя логическое ударение, является ответом на специальный вопрос, заданный к предложению.

Помимо того, что оба вида инверсии, описанные выше, выражают рему, они

¹ Обстоятельство места в английском предложении может занимать как начальную позицию, так и позицию конца предложения.

создают и поддерживают логическую связь между предшествующими и последующими предложениями текста: “*You are definitely wrong. I am not to blame. It was Peter who told everybody Ann’s secret. You should have known he is not the person who one can trust*” (пример наш – М. Р.).

Учение об актуальном членении предложения и перевод с английского языка на русский

Учение об актуальном членении предложения имеет важное значение для развития теории и практики перевода. «Перевод – один из видов речевой деятельности, целью которого является преобразование структуры речевого произведения, в результате которого, при сохранении неизменным плана содержания, меняется план выражения» [20]. А. А. Будылова, М. С. Гринева в статье «Актуальное членение предложения: Переводческий аспект» отмечают, что «в последние годы коммуникативный синтаксис становится важнейшей составной частью теоретического курса переводоведения» [4, с. 35], поскольку способствует достижению главных целей перевода – адекватности и эквивалентности. В статье «К вопросу о трансформациях актуального членения при переводе научно-популярного текста с английского языка на русский» подчёркивается, что «тема-рематическая организация текста зависит от его речевого жанра, функционального стиля и, в некоторых случаях, особенностей авторского стиля» [20, с. 148].

На примере русского и английского языков можно заметить, что не всегда порядок следования темы и ремы совпадает в разных языках (не следует, однако, и преувеличивать проблему, поскольку довольно часто наблюдается полное совпадение). Сам по себе этот факт не представляет сложности, однако при изучении иностранных языков, а также при переводе с одного языка на другой различия в способах выражения тема-рематических отношений следует иметь в виду.

Неоднократно подчёркивалось в специальной литературе, что предпереводческий анализ текста является необходимым условием качественного перевода (более подробно о предпереводческом анализе текста см.: [1–3; 17; 18]).

Рассмотрим случаи перевода фрагментов текста с английского языка на русский, когда тема-тематические контуры английского и русского высказываний не совпадают. В качестве иллюстративного материала мы обратились к повести «Поворот винта» (*The Turn of the Screw*¹, 1898) американского и европейского писателя Генри Джеймса (Henry James, 1843–1916), в равной степени известного как своими литературными трудами, так и критикой. В основе сюжета лежит история двух детей, оставшихся после смерти родителей на попечении их дяди, лондонского денди, который для их воспитания и образования нанимает гувернантку, юную девушку, которая, по прибытии в имение Блай, сталкивается со странным поведением детей – маленького Майлса и крошечной Флоры. Рассказ о гувернантке и её подопечных облечён в рамку: о событиях, с ними произошедших, читатель узнаёт не непосредственно от гувернантки, а от мистера Дугласа в пересказе повествователя. Повесть совмещает в себе и элементы готического романа (что, кстати, сам Г. Джеймс опровергал), и элементы детективного жанра (хотя писатель принципиально отрицал похожесть своей манеры повествования на письмо Э. По). Повесть исключительно интересна не только с точки зрения развития сюжета, но и с точки зрения перевода, поскольку многие события, происходящие в повести, предстают перед читателем не непосредственно, а в интерпретациях, которые накладываются одна на другую, подобно разноцветным стёклышкам в

¹ James H. *The Turn of the Screw* [Электронный ресурс] // Page By Page Books : [сайт]. URL: https://www.pagebypagebooks.com/Henry_James/The_Turn_of_the_Screw/ (дата обращения: 10.03.2022). Далее – James H. *The Turn of the Screw*.

калейдоскопе. Поэтому что и как именно было сказано, приобретает особую значимость. На русском языке существуют, по крайней мере, два перевода – перевод Н. Л. Дарузес (1974)¹ и перевод Н. С. Васильевой (1994)².

Обратим внимание, что Нина Леонидовна Дарузес (1899–1982) – известная советская переводчица английской и французской литературы, чьи переводы всегда отличаются высоким профессиональным уровнем и яркой художественностью. Например, её перевод (совместно с Н. А. Волжиной) романа Диккенса «Наш общий друг»³ Корней Чуковский назвал «блистательным». Нора Галь называет Н. Л. Дарузес «удивительно разносторонним переводчиком» и восторгается её богатейшей словесной палитрой и тонким вкусом. Таким образом, переводы Н. Л. Дарузес можно считать эталонными.

Рассмотрим несколько предложений из повести «Поворот винта» и их перевод на русский язык. Первое предложение повести вводит читателей в ситуацию повествования: **“The story had held us, round the fire, sufficiently breathless, but except the obvious remark that it was gruesome, as, on Christmas Eve in an old house, a strange tale should essentially be, I remember no comment uttered till somebody happened to say that it was the only case he had met in which such a visitation had fallen on a child”**⁴ – «Мы сидели перед камином и, затаив дыхание, слушали рассказчика, однако, помимо того что рассказ был страшный, как оно и полагается в старом доме накануне рождества, помнится, никаких комментариев на этот счет не последовало, пока кто-то не обронил за-

мечания, что он впервые слышит, чтобы такой призрак явился ребенку»⁵.

При переводе английского предложения происходит его реструктуризация, что обусловлено, с одной стороны, требованиями русского синтаксиса, а с другой, – стратегиями, принятыми в русском повествовательном дискурсе. Во второй половине предложения в акцентированной позиции оказывается фраза “the only case”, заключённая в выделительный оборот *it was ... that* (вторая часть оборота *that* в предложении опущена), которая в русском предложении переводится как «впервые» и также оказывается в сильной позиции. Несмотря на почти полную реструктуризацию английского предложения при переводе на русский, отметим, что переводчику удаётся сохранить не только коммуникативную функцию предложения, но и эстетический его аспект, поэтому следует признать, что переводческое решение было удачным.

При переводе следующего фрагмента текста: “The case, I may mention, was that of an apparition in just such an old house as had gathered us for the occasion – **an appearance, of a dreadful kind**, to a little boy sleeping in the room with his mother and waking her up **in the terror of it**; waking her not to dissipate his dread and soothe him to sleep again, but to encounter also, herself, before she had succeeded in doing so, the same sight that had shaken him”⁶ – «Упомяну, кстати, что речь шла о появлении призрака в точно таком же старом доме, в каком собрались мы. Маленькому мальчику, спавшему в одной комнате с матерью, явилось **самое ужасное привидение**; он разбудил мать – не для того чтобы она успокоила и снова убаюкала его, но чтобы она и сама, прежде чем успокоить ребенка, увидела то, что так его напугало»⁷, переводчик также исходил из принципа

¹ Джеймс Г. Поворот винта / перевод Н. Дарузес // Джеймс Г. Повести и рассказы. М.: Худож. лит-ра, 1983. С. 376–486. Далее – Джеймс Г. Поворот винта (перевод Н. Дарузес).

² Джеймс Г. Поворот винта / перевод Н. С. Васильевой // Шедевры английского готического рассказа. М.: Слово, 1994. Т. 1. С. 245–412.

³ Диккенс Ч. Наш общий друг. М.: Азбука, 2021. 356 с.

⁴ James H. The Turn of the Screw.

⁵ Джеймс Г. Поворот винта (перевод Н. Дарузес). С. 436.

⁶ James H. The Turn of the Screw.

⁷ Джеймс Г. Поворот винта (перевод Н. Дарузес). С. 401.

сохранения коммуникативного эффекта, целостности, логичности текста, поэтому принятое переводческое решение – членение оригинального английского предложения на два в переводе – представляется вполне оправданным. Перенос ремы в конец первого русского предложения способствует созданию определённой напряжённости повествования, соответствующей контексту. Сохранение (в целом) рема-тематической структуры второй части английского предложения в русском переводе также представляется удачным переводческим решением, поскольку ко всему прочему служит усилению логической связи со следующим предложением в тексте.

Выделительный синтаксический оборот предложения “**It was** this observation **that** drew from Douglas – not immediately, but later in the evening – a reply that had the interesting consequence to which I call attention”¹ в переводе реализуется лексическими средствами: «**Как раз** эти слова, не сейчас же, а позже вечером, вызвали у Дугласа реплику, на любопытное следствие которой я обращаю внимание читателя»². Как было сказано ранее, не всегда при переводе возникает необходимость изменять синтаксическую структуру фразы, поскольку рема-тематическое членение в предложениях совпадает. Примером такого совпадения может служить следующие предложения: “Someone else told a story not particularly effective, which I saw he was not following”³ – «Кто-то из нас рассказал еще одну, не слишком увлекательную историю, но, сколько я мог заметить, Дуглас ее не слушал»⁴; “**This I took for a sign** that he had himself something to produce and that we should only have to wait”⁵ – «**Судя по этому признаку, я решил**, что ему самому хочется что-то

рассказать, а слушателям остается только ждать, когда он начнет»⁶. Обратим внимание на то, что в последнем предложении в английском варианте присутствует инверсия, которая воспроизводится в переводном русском предложении в начальной позиции.

Заключение

И. Д. Попова, подчёркивая важность учения актуального членения для современных исследований, отмечает, что «лингвистические исследования последних лет отмечены повышенным интересом к этой проблеме, так как изучение функциональной перспективы предложения (актуального членения предложения) на сегодняшний день является важнейшим этапом в формировании коммуникативно-функциональной грамматики любого языка, составление которой продиктовано потребностями коммуникантов в адекватном владении языком, а не только анализе абстрактных примеров, как предлагают традиционные грамматики» [13, с. 92]. Н. В. Иванов настаивает на многостороннем подходе к феномену актуального членения предложения с точки зрения его возможной функциональной, смысловой, логической и структурно-выразительной природы и отмечает, что до сих пор исследователям не удаётся определить природу актуального членения, соотнести его по принципу родства или аналогии с другими явлениями в контексте языка, культуры, коммуникации. По мнению исследователя, «актуальное членение предложения – феномен множественной, многоаспектной природы, сущность которого не поддается прямому научному определению» [7]. Что касается теории и практики перевода, нет никаких сомнений в том, что учение об актуальном членении предложения сыграло большую роль при разработке теоретических положений те-

¹ James H. The Turn of the Screw.

² Джеймс Г. Поворот винта (перевод Н. Дарузес). С. 432.

³ James H. The Turn of the Screw.

⁴ Джеймс Г. Поворот винта (перевод Н. Дарузес). С. 433.

⁵ James H. The Turn of the Screw.

⁶ Джеймс Г. Поворот винта (перевод Н. Дарузес). С. 398.

ории перевода, предпереводческого анализа текста, а также основных вопросов, касающихся дидактики перевода.

В заключение отметим, что вопрос об актуальном членении и его формальных

аспектах по-прежнему находится в процессе обсуждения и не решён окончательно.

Дата поступления в редакцию 06.04.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева О. В., Качалов Н. А. Основные компоненты содержания обучения предпереводческому анализу профессионально-ориентированных текстов // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2007. № 4 (67). С. 108–113.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод (вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
3. Брандес М. П., Провоторов В. И. Предпереводческий анализ текста (для институтов и факультетов иностранных языков): учеб. пособие. М.: НВИ – ТЕЗАУРУС, 2001. 224 с.
4. Будылова А. А., Гринева М. С. Актуальное членение предложения: Переводческий аспект // Вестник Калужского университета. 2019. № 1. С. 35–38.
5. Виноградова С. Г. Актуальное членение предложения: от истории к современности // Профессиональная коммуникация: культурологические, лингвистические и дидактические аспекты исследования: коллективная монография / отв. ред. О. А. Дронова; Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина. Тамбов: Общество содействия образованию и просвещению Бизнес – Наука – Общество, 2012. С. 158–165.
6. Иванов Н. В. Актуальное членение предложения: на пути к новой парадигме теории // Проблемы и перспективы развития лингвистики, межкультурной коммуникации и лингводидактики. Вып. 3: сборник научных статей по материалам Международной конференции «История и теория языка. Принципы преподавания иностранных языков». Т. 1. М.: Резонанс, 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mgimo.ru/files/63216/63216.pdf> (дата обращения: 06.03.2022).
7. Иванов Н. В. Актуальное членение предложения: на пути к новой парадигме // Язык и текст: структура, дискурс, перевод: сборник трудов VI Международной научно-практической конференции (г. Москва, 22 апреля 2015). М.: Градиент, 2015. С. 61–72.
8. Идрисова И. Ф., Кобяков Ю. Ф. Средства выражения актуального членения в предложении и тексте на примере немецкого языка // Современные проблемы и перспективы развития естествознания: материалы национальной научно-практической конференции. Уфа: БГПУ, 2020. Т. III. С. 237–241.
9. Ким Су Хюн. Актуальное членение простого предложения в русском и корейском языках // Язык: категории, функции, речевое действие: материалы XII Международной научной конференции (Коломна, 11–12 апреля 2019). Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2019. С. 82–86.
10. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002. 424 с.
11. Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок: сборник статей. М.: Прогресс, 1967. С. 239–245.
12. Матезиус В. Основная функция порядка слов в чешском языке // Пражский лингвистический кружок: сборник статей. М.: Прогресс, 1967. С. 246–249.
13. Попова И. Д. Основные взгляды на проблему актуального членения предложения // Вестник Камчатского государственного технического университета. 2010. № 13. С. 92–95.
14. Раренко М. Б. Вилем Матезиус // Европейские лингвисты XX века: сборник обзоров / отв. ред. Ф. М. Березин. М.: Ин-т науч. информации по общественным наукам РАН, 2001. С. 8–22.
15. Сафина З. М., Авхадиева И. А. Проблема актуального членения предложения в переводе // Доклады Башкирского университета. 2018. Т. 3. № 1. С. 121–127.
16. Седельникова А. А. Позиционный способ выражения ремы в английском языке // Вестник Камчатского государственного технического университета. 2009. № 8. С. 157–162.
17. Стилистические аспекты перевода / под ред. О. А. Сулеймановой. М.: Академия, 2010. 176 с.
18. Стойкович Г. В., Кривошеева Ю. М. Особенности перевода английского сложного предложения в аспекте актуального членения // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2015. Т. 1. № 1 (23). С. 199–205.

19. Супрун В. И., Чеснокова П. Вилем Матезиус (Vilém Mathesius) – основатель и президент пражского лингвистического кружка, основоположник теории актуального членения предложения // *Славяне в мировой цивилизации: справочник для студентов, магистрантов, аспирантов и научных работников (по материалам Международной конференции «Славянский вклад в мировую цивилизацию», г. Волгоград, 16–19 октября 2017 г.)*. Волгоград: Волгоградский государственный социально-педагогический университет, 2017. С. 26–30.
20. Туркина Т. А., Каширина Н. А. К вопросу о трансформациях актуального членения при переводе научно-популярного текста с английского языка на русский // *Символ науки: международный научный журнал*. 2015. № 3. С. 147–150.
21. Тухватулина С. И. Актуальное членение предложения и способы его выражения // *Русская речь*. 2015. № 4. С. 41–46.
22. Цатурова И. А., Каширина Н. А. *Переводческий анализ текста: учеб. пособие*. СПб.: Союз, 2008. 296 с.
23. Шевякова В. Е. *Современный английский язык. Порядок слов, актуальное членение, интонация*. М.: Наука, 1980. 380 с.
24. Юсупова З. Р. Проблемные аспекты исследования теории актуального членения предложения и порядка слов // *Известия Академии наук Республики Таджикистан. Отделение общественных наук*. 2020. № 3 (260). С. 158–163.
25. Ponomarchuk Yu. V. On the study of the actual division of a sentence in the linguistics students training // *Язык в сфере профессиональной коммуникации: сборник материалов международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов и студентов (Екатеринбург, 29 апреля 2021 г.)*. Екатеринбург: ООО «Издательский Дом «Ажур», 2021. С. 295–299.

REFERENCES

1. Andreeva O. V., Kachalov N. A. [Basic Components of Teaching Pre-Translation Analysis of Professional Texts]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2007, no. 4 (67), pp. 108–113.
2. Barkhudarov L. S. *Yazyk i perevod (voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda)* [Language and translation (questions of general and private theory of translation)]. Moscow, Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 1975. 240 p.
3. Brandes M. P., Provotorov V. I. *Predperevodcheskiy analiz teksta (dlya institutov i fakul'tetov inostrannykh yazykov)* [Pre-translation analysis of the text (for institutes and faculties of foreign languages)]. Moscow, NVI – TEZAVURUS Publ., 2001. 224 p.
4. Budylova A. A., Grineva M. S. [Actual division of the sentence: translation perspective]. In: *Vestnik Kaluzhskogo universiteta* [The Kaluga University Bulletin], 2019, no. 1, pp. 35–38.
5. Vinogradova S. G. [Actual division of the sentence: from history to the present]. In: Dronova O. A., chief ed. *Professional'naya kommunikatsiya: kul'turologicheskiye, lingvisticheskiye i didakticheskiye aspekty issledovaniya* [Professional communication: cultural, linguistic and didactic aspects of research]. Tambov, Obshchestvo sodeystviya obrazovaniyu i prosveshcheniyu Biznes – Nauka – Obshchestvo Publ., 2012, pp. 158–165.
6. Ivanov N. V. [Actual division of the sentence: on the way to a new paradigm of theory]. In: *Problemy i perspektivy razvitiya lingvistiki, mezhkul'turnoy kommunikatsii i lingvodidaktiki. Vyp. 3: sbornik nauchnykh statey po materialam Mezhdunarodnoy konferentsii «Istoriya i teoriya yazyka. Printsipy prepodavaniya inostrannykh yazykov». T. 1* [Problems and prospects for the development of linguistics, intercultural communication and linguodidactics. Iss. 3: collection of scientific articles based on the materials of the International Conference “History and Theory of Language. Principles of teaching foreign languages. Vol. 1]. Available at: <http://www.mgimo.ru/files/63216/63216.pdf> (accessed: 06.03.2022).
7. Ivanov N. V. [Actual sentence division: on the way to a new paradigm]. In: *Yazyk i tekst: struktura, diskurs, perevod: sbornik trudov VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Moskva, 22 aprelya 2015)* [Language and text: structure, discourse, translation: Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference (Moscow, April 22, 2015)]. Moscow, Gradiyent Publ., 2015, pp. 61–72.
8. Idrisova I. F., Kobayakov Yu. F. [Means of expressing the topic-focus-articulation in a sentence and text in German]. In: *Sovremennyye problemy i perspektivy razvitiya yestestvoznaniya: materialy*

- natsional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Modern problems and prospects for the development of natural science: materials of the national scientific-practical conference]. Ufa, Bashkir State Pedagogical University Publ., 2020, vol. III, pp. 237–241.
9. Kim Su Khyun [Actual division of a simple sentence in Russian and Korean]. In: *Yazyk: kategorii, funktsii, rechevoye deystviye: materialy XII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Kolomna, 11–12 aprelya 2019)* [Language: categories, functions, speech action: materials of the XII International Scientific Conference (Kolomna, April 11–12, 2019)]. Kolomna, State University of Humanities and Social Studies Publ., 2019, pp. 82–86.
 10. Komissarov V. N. *Sovremennoye perevodovedeniye* [Modern Translation Studies]. Moscow, ETS Publ., 2002. 424 p.
 11. Mathesius V. [On the so-called actual division of the sentence]. In: *Prazhskiy lingvisticheskiy kruzhok* [Prague Linguistic Circle]. Moscow, Progress Publ., 1967, pp. 239–245.
 12. Mathesius V. [The main function of word order in the Czech language]. In: *Prazhskiy lingvisticheskiy kruzhok* [Prague Linguistic Circle]. Moscow, Progress Publ., 1967, pp. 246–249.
 13. Popova I. D. [Basic views on the problem of the actual division of the sentence]. In: *Vestnik Kamchatskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Kamchatka State Technical University], 2010, no. 13, pp. 92–95.
 14. Rarenko M. B. [Vilém Mathesius]. In: *Yevropeyskiye lingvisty XX veka: sbornik obzorov* [European linguists of the twentieth century]. Moscow, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences Publ., 2001, pp. 8–22.
 15. Safina Z. M., Avkhadiyeva I. A. [The problem of actual division of the sentence in translation]. In: *Doklady Bashkirskogo universiteta* [Reports of the Bashkir University], 2018, vol. 3, no. 1, pp. 121–127.
 16. Sedel'nikova A. A. [Positional way of expressing rhemes in English]. In: *Vestnik Kamchatskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Kamchatka State Technical University], 2009, no. 8, pp. 157–162.
 17. Suleymanova O. A., ed. *Stilisticheskiye aspekty perevoda* [Stylistic aspects of translation]. Moscow, Akademiya Publ., 2010. 176 p.
 18. Stoikovich G. V., Krivosheeva Yu. M. [Peculiarities of translation of an English compound sentence in terms of actual division]. In: *XXI vek: itogi proshlogo i problemy nastoyashchego plyus* [XXI Century: Resumes of the Past and Challenges of the Present plus], 2015, vol. 1, no. 1 (23), pp. 199–205.
 19. Suprun V. I., Chesnokova P. [Vilém Mathesius – founder and president of the Prague linguistic circle, founder of the theory of actual sentence division]. In: *Slavyane v mirovoy tsivilizatsii: spravochnik dlya studentov, magistrantov, aspirantov i nauchnykh rabotnikov (po materialam Mezhdunarodnoy konferentsii «Slavyanskiy vklad v mirovuyu tsivilizatsiyu», g. Volgograd, 16–19 oktyabrya 2017 g.)* [Slavs in world civilization: a reference book for students, undergraduates, graduate students and researchers (based on the materials of the International Conference “Slavic Contribution to World Civilization”, Volgograd, October 16–19, 2017)]. Volgograd, Volgograd State Socio-Pedagogical University Publ., 2017, pp. 26–30.
 20. Turkina T. A., Kashirina N. A. [On the issue of transformations of the actual division in the translation of a popular science text from English into Russian]. In: *Simvol nauki: mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal* [Symbol of science: international scientific journal], 2015, no. 3, pp. 147–150.
 21. Tukhvatulina S. I. [Actual articulation of the sentence and ways of its expression]. In: *Russkaya rech'* [Russian Speech], 2015, no. 4, pp. 41–46.
 22. Tsaturova I. A., Kashirina N. A. *Perevodcheskiy analiz teksta* [Translation analysis of the text]. St. Petersburg, Soyuz Publ., 2008. 296 p.
 23. Shevyakova V. Ye. *Sovremennyy angliyskiy yazyk. Poryadok slov, aktual'noye chleneniye, intonatsiya* [Modern English. Word order, actual articulation, intonation]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 380 p.
 24. Yusupova Z. R. [The problem of study the theory of actual member of a proposition and order of words]. In: *Izvestiya Akademii nauk Respubliki Tadjikistan. Otdeleniye obshchestvennykh nauk* [News of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan. Department of Social Sciences], 2020, no. 3 (260), pp. 158–163.
 25. Ponomarchuk Yu. V. On the study of the actual division of a sentence in the linguistics students training. In: *Yazyk v sfere professional'noy kommunikatsii: sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii prepodavateley, aspirantov i studentov (Yekaterinburg, 29 aprelya 2021 g.)*

[Language in the field of professional communication: a collection of materials from the international scientific and practical conference of teachers, graduate students and students (Yekaterinburg, April 29, 2021)]. Yekaterinburg, Azhur Publishing House, 2021, pp. 295–299.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Раренко Мария Борисовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела языкознания Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук;
e-mail: rarenco@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria B. Rarenko – Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher, Department for Linguistics, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: rarenco@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Раренко М. Б. Учение об актуальном членении предложения и его значение для развития теории и практики перевода на современном этапе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 3. Т. 2. С. 22–33.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-2-22-33

FOR CITATION

Rarenko M. B. The doctrine of actual division of the sentence and its significance for the development of the theory and practice of translation at the present stage. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2021, no. 3, vol. 2, pp. 22–33.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-2-22-33

УДК 81-116

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-2-34-41

КАТЕГОРИАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ И ЧАСТЕРЕЧНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ В ЯЗЫКЕ

Зененко Н. В.*Военный университет имени князя Александра Невского**Министерства обороны Российской Федерации**123001, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14, Российская Федерация*

Аннотация

Целью настоящего исследования является определение взаимообусловленности таких понятий, как «категория» и «часть речи», в функциональной динамике языка и в попытке создания утилитарной классификации частей речи / лексико-грамматических классов на базе ядерной грамматической категории.

Процедура и методы. В работе был применён системно-структурный метод анализа языка.

Результаты. По итогам исследования автор приходит к выводу о том, что целесообразно и необходимо учитывать взаимосвязь функционально релевантных грамматических категорий с категориями понятийно-семантического уровня в процессе классификации частей речи.

Теоретическая значимость исследования заключается в определении подхода к интерпретации внутриязыкового строя для создания утилитарной классификации частей речи / лексико-грамматических классов. **Практическая значимость** выражается в возможности применения результатов в курсах по общему языкознанию, теории функциональной лингвистики, основам теории языка в высших учебных заведениях.

Ключевые слова: онтологическая, понятийная, семантическая, грамматическая категории, часть речи, лексико-грамматический класс

VARIETIES OF THE CATEGORIES AND CLASSIFICATION OF PARTS OF SPEECH IN A LANGUAGE

N. Zenenko*Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation**Bolshaya Sadovaya ulitsa 14, Moscow 123001, Russian Federation*

Abstract

Aim. To determine the interdependence of the concepts of “category” and “part of speech” in the functional dynamics of a language and attempt to create a utilitarian classification of parts of speech / lexico-grammatical classes based on the core grammatical category.

Methodology. The author applied the systematic-structural method of language analysis.

Results. In the process of classifying parts of speech, it is advisable to take into account the relationship between functionally relevant grammatical categories and categories of the conceptual and semantic level.

Research implications. The author defined an approach to interpreting the intralinguistic structure to create a utilitarian classification of lexico-grammatical classes / parts of speech. The results of the

analysis can be applied in courses on general linguistics, the theory of functional linguistics, and the basics of the theory of language in higher educational institutions.

Keywords: ontological, conceptual, semantic, grammatical categories, part of speech, lexico-grammatical class

Введение

В языкознании как науке о языке есть темы, которые будут актуальными всегда. И в ряду таких тем проблема корреляции онтологических категорий с категориями языкового уровня – понятийными, семантическими, грамматическими, и как следствие поиск утилитарной классификации частей речи.

Глобальные догмы бытия и мышления интегрируются и синтезируют параметрические данные анализа во всех отраслях знания, становясь объектом исследования фундаментальной философской мысли. Любая наука использует в своих исследованиях категории, формирующие в совокупности категориальный аппарат. Философская наука определила категорию как форму и основную идею образа мышления, которая фиксирует характер отношения бытия и сознания¹. Лингвистика не являясь исключением, тем более что она в гносеологическом плане занимается не только разработкой теорий, методов и методологий, но и интерпретирует внутриязыковые процессы через информацию философского, социологического и психологического знания.

Системно-структурное устройство языка базируется на категориях понятийного, семантического и грамматического уровня. Мы отдаём себе отчёт, что «категория» как некая объективная реальность не существует; категория – это способ осмысления и систематизации «познаваемого» нашим сознанием и мышлением. Согласно философским постулатам, для того чтобы онтологизировать, объективировать и овеществить познание, нам надо классифицировать и структурировать познаваемое (субъекты, объекты, явления, свойства и т. д.), и

сформировать группы множеств, определив при этом место в числе уже зафиксированных ранее множеств². Онтологические категории, являясь связующим звеном между бытием и сознанием, – это необходимая составляющая знания о естественном языке.

Современная грамматика зиждется на системе концептов, понятий, категорий, заложенных античной лингвистической практикой. Известно, что понятия «часть речи» и «категория» напрямую связаны с историей языкознания, с логикой и философией. На присвоение категориального статуса слову в языковом строе влияет выбор применяемого исследователем подхода к частеречной классификации. Мы вслед за П. В. Гращенковым и Е. А. Лютиковой считаем, что для систематизации лексико-грамматических классов слов необходимо одновременно учитывать семантические и грамматические (морфологические и синтаксические) критерии [4].

В данной статье мы определим взаимоотношенность понятий «часть речи», «категория» и сфокусируем внимание на языковой репрезентации некоторых онтологических категорий – в этом состоит оригинальность нашего исследования. Научная ценность работы заключается в попытке создания утилитарной классификации частей речи / лексико-грамматических классов (ЛГК) слов на базе ядерной грамматической категории, в которой реализуется сущность конкретной понятийной категории.

Категория как фундаментальное меганаучное понятие

Категория, являясь неким заданным понятием, используется для систематиза-

¹ См.: Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. Энцикл., 1983. С. 251.

² См.: Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. Энцикл., 1983. С. 278.

ции научных теорий, методов, методологий и парадигм.

В рамках данной статьи мы будем развивать следующие термины: понятийная, семантическая, грамматическая категория. Это очень важные понятия для поиска утилитарной частеречной классификации. Под понятийной категорией принято считать определённый универсальный семантический признак, не учитывая при этом уровень его грамматикализации в функциональной динамике естественного языка¹.

Термин «понятийная категория» вошёл в научный обиход датский учёный О. Есперсен в книге «Философия грамматики» (*O. Jespersen. Essentials of English Grammar*²), которая вышла в свет в 1933 г., а в переводе на русский язык³ была издана в 1958 г. Труды этого лингвиста сыграли значительную роль в разработке теории о понятийной категории в языкознании. В своей «Философии» автор рассматривает взаимосвязь мыслительных, логических и грамматических категорий, иными словами речь идёт о связи между языком и мышлением. О. Есперсен ставит целью познание категорий мышления, которые находят отражение в грамматических категориях, а мы, вслед за ним, учитывая функциональную динамику языка, попытались выделить основополагающие грамматические категории, являющиеся ядерными для определённой части речи / лексико-грамматической группы слов.

Необходимо подчеркнуть, что проблема соотношения понятийных, семантических и грамматических категорий не является простой для решения. Эта тема многократно поднималась учёными разных лингвистических школ. В дан-

ном контексте необходимо упомянуть таких известных лингвистов XX века, как И. И. Мещанинов, С. Д. Кацнельсон, В. Н. Ярцева, М. М. Гухман и других, которые внесли неоценимый вклад в учение о категориях. Так, М. М. Гухман полагая, что понятийная категория, идентифицируясь с логической / мыслительной категорией, трактуется неопределённо и неточно [5]. А, например, И. И. Мещанинов, внёсший немалый вклад в изучение понятийных категорий в языке, допускает синонимические отношения между семантическими и понятийными категориями. Учёный полагал, что понятийные категории, выражая в языковой структуре механизмы сознания, служат связующим звеном между философскими, логическими и психологическими категориями и языком [11, с. 15]. О. С. Ахманова рассматривает понятийную категорию как внеязыковую, как «отвлеченное, обобщенное значение, находящее в данном языке то или иное выражение»⁴. Некоторые зарубежные лингвисты называли понятийные категории также философскими или логическими, например, Антуан Арно (*Antoine Arnauld*) и Клод Лансло (*Claude Lanson*) в грамматике Пор-Рояля 1660 года (*Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal*⁵). С другой стороны, например, младограмматик Герман Пауль (*Hermann Paul*) в своей пятитомной грамматике немецкого языка понятийные категории считал психологическими (*Deutsche Grammatik*, 1916–1920⁶). Отечественный лингвист С. Д. Кацнельсон в своём труде «Типология языка и речевое мышление», затрагивая многие фундаментальные вопросы, понятийные категории называет онтологическими,

¹ См.: Лингвистический энциклопедический словарь / ред.-сост. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990–2002. С. 216.

² Jespersen O. *Essentials of English Grammar*. London: G. Allen & UNWIN LTD, 1933. 340 p.

³ Есперсен О. Философия грамматики / пер. с англ. В. В. Пассека, С. П. Сафроновой; под ред. и с предисл. Б. А. Ильиша. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 329 с.

⁴ См.: Ахманова О. А. Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС, 2004. С. 192.

⁵ Арно А., Лансло К. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля / пер. с франц., коммент. и послесл. Н. Ю. Бокаторовой / общ. ред. и вступ. ст. Ю. М. Степанова. М.: Прогресс, 1990. 272 с.

⁶ Paul H. *Deutsche Grammatik*. Bd. 1–5. Halle, 1916–1920.

познавательными, семантическими, речемыслительными [9].

Вопросы корреляции мыслительных, понятийных, семантических и грамматических категорий находят отражение также в работах по сравнительной типологии В. Н. Ярцевой, В. А. Плунгяна, О. Ю. Шубиной, Ф. А. Литвина, Э. Ю. Галазова [3] и др.

Некоторые языковеды сомневаются в целесообразности противопоставления понятийных и семантических категорий, относя эту тему к терминологической вариативности, считая, что это разные грани одной сущности [10, с. 47].

В первое десятилетие XXI века оживился интерес к анализу понятийных, семантических и грамматических категорий. Интересна позиция Л. М. Васильева, который в поисках сходства и различия неязыковых (понятийных) и языковых (семантических и грамматических) категорий, полагал, что не все понятийные категории в отличие от семантических категорий имеют языковое воплощение [2]. Мы согласны с этим тезисом и в продолжение считаем, что семантические категории, являясь категориями языковыми, учитывая функционально-речевую эволюцию, находят смысловое выражение в грамматических категориях.

В представленном исследовании мы вполне разделяем точку зрения А. В. Бондарко, который считает, что понятийные и семантические категории – это разные показатели одной и той же сущности. Понятийные категории, соответственно тем или иным семантическим функциям, выполняемым ими в коммуникативной динамике языка, находят конкретную языковую и речевую реализацию [1, с. 65].

В данном контексте мы трактуем семантические категории как интерфейс между человеческим мышлением и языковым строем и считаем целесообразным называть их понятийно-семантическими [8].

Целью нашей работы является следующее: проследить связь категорий

понятийно-семантического и грамматического уровня и определить, какую роль играют грамматические категории в частеречной классификации слов языка, а также зафиксировать ключевую категорию у определённой части речи для создания утилитарной классификации. Мы, вслед за А. В. Бондарко, считаем, что в качестве грамматикализованного ядра понятийно-семантической категории выступает соответствующая ей грамматическая категория. Такой подход, полагаем, гармонично вписывается в современную антропологическую парадигму XXI века.

Способы частеречной систематизации грамматического строя языка

Все слова языка подразделяются на лексико-грамматические классы, называемые частями речи. Поисками единой частеречной классификации для индоевропейских языков занимались представители некоторых лингвистических течений (Д. Э. Розенталь, Л. Л. Иоффик, Н. Д. Гвишиани, А. М. Комарова, М. Ф. Лукин, М. В. Резунова и др.). Однако до настоящего времени универсальный способ систематизации слов естественного языка не признан научным сообществом. Пожалуй, как в общей теории языка, так и в научных исследованиях отдельных языков, тема создания утилитарной для всех языков классификации слов по частям речи остаётся проблематичной.

В лингвистической литературе неоднократно затрагивались вопросы о связи философских категорий и понятий с языком, начало этому было положено европейскими античными учёными. Общеизвестная теория Аристотеля¹ о категориях легла в основу деления всех слов языка по частям речи. Считается, что известный мыслитель, который фактически заложил фундамент для осмысления роли онтологических категорий в контексте языковых категорий, выделял четыре

¹ Аристотель. Категории. М.: Соцэкгиз, 1939. 124 с.

части речи (имя, глагол, местоимение, союз). Являясь системообразующей для многих классификаций лексико-грамматических классов слов индоевропейских языков, она, очевидно, не могла на протяжении веков оставаться неизменной.

Некоторые лингвисты в основу своей классификации закладывали морфологические признаки. Так, выше упомянутый О. Есперсен, группируя слова языка, отталкивался в своём анализе от того, что процесс и условия коммуникации заставляют слова выполнять функцию той или иной части речи, принадлежать к тому или иному лексико-грамматическому классу [6]. Согласно предложенной классификации датского исследователя целесообразно дифференцировать все слова естественного языка в зависимости от их значения, формы и выполняемой ими функции в коммуникации. А, например, Л. Блумфилд (*L. Bloomfield*), основатель дескриптивного направления структурной лингвистики, не учитывал значение слова при распределении языковых единиц по группам, делая акцент на синтаксический уровень языка (т. е. от синтаксической позиции языковой единицы в предложении зависит, к какой части речи её причислить). «Акт речи есть высказывание» – постулировал Блумфилд [цит. по 7, с. 325]. По его мнению, слова в высказывании употребляются безотносительно их значениям [7].

Датский лингвист, специалист по романскому и общему языкознанию В. Брёндаль (*V. Brøndal*) считал, что морфологическая характеристика языковой единицы не оказывает влияние на присоединение её к тому или иному лексико-грамматическому классу слов [14].

Американский лингвист Чарльз Фриз (*Ch. Fries*), структуролог второго поколения, не учитывая морфологические характеристики слова, признавал наличие категориального значения части речи и полагал, что синтаксическая позиция слова детерминирует принадлежность его к конкретной части речи [15].

Отечественные лингвисты не оставались равнодушными к теме систематизации языкового строя и внесли большой вклад в теорию частей речи. Целесообразно упомянуть некоторые знаковые работы в русле данного направления исследований, среди которых: «Российская грамматика» (1755 г.) М. В. Ломоносова; «Сокращенная русская грамматика Александра Востокова» (1843 г.) А. Х. Востокова; «Из записок по русской грамматике» (1905 г.) А. А. Потебни; «О грамматической природе сложного предложения» (1950 г.) Н. С. Поспелова; «Грамматическое учение о слове» (1939 г.) В. В. Виноградова.

Лингвисты конца XX–XXI вв. (А. В. Бондарко, В. Г. Гак, В. С. Храковский, И. П. Крылова, М. В. Резунова, Р. З. Мурясов, А. Г. Столярова [13] и др.), проводя глубокий анализ предшествующих научных работ, изучающих, так или иначе, принцип систематизации частей речи, выделяют три основных подхода: от значения слова к их грамматической форме; от грамматической формы слова к его значению; и третий – в основе классификации параллельно лежат значение слова и его грамматическая форма. Современное научное сообщество, по мнению М. В. Резуновой, признало последнюю классификацию, согласно которой термин «часть речи» означает лексико-грамматический разряд слов [12].

Итак, как мы уже отметили, попытки отечественных и зарубежных учёных создать единую классификацию частей речи потерпели неудачу. С одной стороны, это объясняется многофункциональностью слов в речевом узусе, а с другой стороны, с методологической точки зрения современный этап развития лингвистики подталкивает нас к анализу взаимодействия философских и понятийных категорий с грамматическими категориями языка. Результат такого анализа поможет понять, что грамматические категории участвуют в функциональном разграничении лексико-грамматических классов и

помогают классифицировать части речи в структуре естественного языка. Описание взаимозависимости философских, понятийных и грамматических категорий в масштабе явлений языковой грамматики, возможно, поможет создать утилитарную классификацию частей речи. В изучении процессов интерпретации информации о языке, о его позиции в фундаментальном гуманитарном знании теме обоснованных системно-структурных предпосылок функциональной динамики языка на уровне языковой грамматики отводится особое место.

Для нас грамматическая категория является ключевой, первостепенной важности для определённой части речи, если она несёт основную семантическую нагрузку. При вариативности грамматических категорий у отдельно взятого лексико-грамматического класса слов необходимо выделить некий инвариант, в котором отражены общие свойства данной группы слов. Так, у существительного основное семантическое наполнение грамматической категории рода – гендерное, у прилагательного – основная грамматическая категория (степени сравнения) имеет качественную семантику, у наречия – семантику образа действия (грамматическая категория степени сравнения), у числительного – количественную (грамматическая категория числа), у глагола – пространственно-временную модальность (грамматические категории наклонения, времени и аспектуальности) и т. д.

Заключение

Современная лингвистика, разрабатывая новые теории, методы и методологии, интерпретирует процессы внутриязыкового строя, используя информацию других областей научного знания. Для поиска единой частеречной классификации языка мы сочли целесообразным определить степень корреляции онтологических категорий с категориями язы-

кового уровня, начав с анализа понятия «категория». Подтвердив меганаучную сущность этого понятия, которое является неотъемлемой составляющей знания о естественном языке, мы провели небольшой исторический экскурс в теорию языковых категорий. Проведенный анализ позволил нам заключить, что функционально релевантные грамматические категории в их взаимосвязи соотносятся с категориями понятийно-семантического уровня и определяются ими. Грамматическая категория рода соотносится с понятийно-семантической категорией одушевлённости / неодушевлённости и является ключевой для формирования лексико-грамматического класса существительного. Грамматическая категория числа коррелируется с понятийно-семантической категорией единичности / множественности и является ядром ЛГК числительного. Грамматическая категория лица – с понятийно-семантической категорией личности, и она является базовой при формировании ЛГК личного местоимения. Грамматическая категория степени сравнения – с понятийно-семантической категорией качества (ЛГК прилагательного). Категория наклонения соответствует модальности. Категория внешнего времени соотносится с темпоральностью. Категория внутреннего времени с аспектуальностью. Категория временной соотнесённости (для нас это грамматическая категория синтаксической функции) соответствует таксису. Перечисленные грамматические категории являются ядерными для глагола.

Мы находим перспективной данную тематику для дальнейших полипарадигмальных исследований, т. к. в настоящем анализе мы не касались грамматических категориальных значений части речи, которые являются периферийными по отношению к основополагающей грамматической категории.

Дата поступления в редакцию 05.04.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализация. Таксис. М.: УРСС, 2001. 364 с.
2. Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика. М: КД. Либроком, 2009. 175 с.
3. Галазов Э. Ю. Грамматическая категория времени во взаимосвязях и взаимодействии с другими глагольными грамматическими категориями // *Lingua-universum*. 2018. № 3. С. 15–19.
4. Гращенков П. В., Лютикова Е. А. Прилагательные в типологии и теории языка // *Rhema*. Рема. 2018. № 4. С. 9–33. DOI: 10.31862/2500-2953-2018-4-9-33.
5. Гухман М. М. Понятийные категории, универсалии и типология // *Вопросы языкознания*. 1985. № 3. С. 3–26.
6. Есперсен О. *Философия грамматики* / пер. с англ. В. В. Пассека, С. П. Сафроновой; под ред. и с предисл. Б. А. Ильиша. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 329 с.
7. Звегинцев В. А. *История языкознания XIX–XX веков*. Ч. II. М.: Просвещение, 1965. 496 с.
8. Зененко Н. В. Генезис теоретической грамматики испанского языка // *Тенденции развития образования: педагог, образовательная организация, общество – 2019: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием*. Чебоксары: Издательский дом «Среда», 2019. С. 325–330.
9. Кацнельсон С. Д. *Типология языка и речевое мышление*. Л.: Наука, 1972. 217 с.
10. Литвин Ф. А. О семантических категориях синтаксиса // *Семантические категории языка и методы их изучения: тезисы докладов Всесоюзной научной конференции (28–30 мая 1985 г.)* / отв. ред. Л. М. Васильев. Уфа: Башкирский государственный университет, 1985. Ч. 1. С. 47–48.
11. Мещанинов И. И. *Члены предложения и части речи*. Л.: Наука, 1978. 248 с.
12. Резунова М. В. К проблеме частеречной классификации слов в языках // *Известия государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2005. Т. 5. № 11. С. 59–64.
13. Столярова А. Г. Грамматика как источник и составляющая концептосферы // *Современная парадигма преподавания и изучения русского языка как иностранного: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 15–16 февраля 2019 года)* / под общ. ред. С. А. Вишнякова. М.: МПГУ, 2019. С. 378–381.
14. Vrhndal V. *Morfologi og syntax: Nye bidrag til sprogets theory*. Kopenhagen: Gad, 1932. 108 p.
15. Fries Ch. *The structure of English. An introduction to the construction of English sentences*. New York: Harcourt, Brace, 1952. 304 p.

REFERENCES

1. Bondarko A. V. *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Vvedeniye. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizatsiya. Taksis* [Theory of functional grammar. Introduction. Aspectuality. Time localization. Taxis]. Moscow, URSS Publ., 2001. 364 p.
2. Vasil'yev L. M. *Sovremennaya lingvisticheskaya semantika* [Modern linguistic semantics]. Moscow, KD. Librokom Publ., 2009. 175 p.
3. Galazov E. Yu. [Grammatical category of tense in interrelation and interaction with other verbal grammatical categories]. In: *Lingua-universum*, 2018, no. 3, pp. 15–19.
4. Grashchenkov P. V., Lyutikova E. A. [Adjectives in typology and linguistic theory: semantics, distribution, derivation]. In: *ReMa* [Rhema], 2018, no. 4, pp. 9–33. DOI: 10.31862/2500-2953-2018-4-9-33.
5. Gukhman M. M. [Conceptual categories, universals and typology]. In: *Voprosy yazykoznaneya* [Topics in the Study of Language], 1985, no. 3, pp. 3–26.
6. Jespersen O. *The Philosophy of Grammar* (Russ. ed.: Pasek V. V., Safronova S. P., transl. *Filosofiya grammatiki*. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoy literatury Publ., 1958. 329 p.).
7. Zvegin'tsev V. A. *Istoriya yazykoznaneya XIX–XX vekov. Ch. II* [History of Linguistics XIX–XX centuries. Part II]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1965. 496 p.
8. Zenenko N. V. [The genesis of the theoretical grammar of the Spanish language]. In: *Tendentsii razvitiya obrazovaniya: pedagog, obrazovatel'naya organizatsiya, obshchestvo – 2019: sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem* [Trends in the development of education: teacher, educational organization, society - 2019: collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation]. Cheboksary, Izdatel'skiy dom «Sreda» Publ., 2019, pp. 325–330.

9. Katsnel'son S. D. *Tipologiya yazyka i rechevoye myshleniye* [Typology of language and speech thinking]. Leningrad, Nauka publ., 1972. 217 p.
10. Litvin F. A. [On the semantic categories of syntax]. In: *Semanticheskiye kategorii yazyka i metody ikh izucheniya: tezisy dokladov Vsesoyuznoy nauchnoy konferentsii (28–30 maya 1985 g.)* [Semantic categories of language and methods of their study: abstracts of reports of the All-Union Scientific Conference (May 28–30, 1985)]. Ufa, Bashkir State University Publ., 1985, Part 1, pp. 47–48.
11. Meshchaninov I. I. *Chleny predlozheniya i chasti rechi* [Members of the sentence and parts of speech]. Leningrad, Nauka Publ., 1978. 248 p.
12. Rezunova M. V. [A problem of parts of speech classification]. In: *Izvestiya gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 2005, vol. 5, no. 11, pp. 59–64.
13. Stolyarova A. G. [Grammar as a source and component of concept sphere]. In: *Sovremennaya paradigma prepodavaniya i izucheniya russkogo yazyka kak inostrannogo: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [The modern paradigm of teaching and learning Russian as a foreign language: materials of the International Scientific and Practical Conference]. Moscow, Moscow Pedagogical State University Publ., 2019, pp. 378–381.
14. Brøndal V. *Morfologi og syntax: Nye bidrag til sprogets theory*. Copenhagen, Gad, 1932. 108 p.
15. Fries Ch. *The structure of English. An introduction to the construction of English sentences*. New York, Harcourt, Brace, 1952. 304 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зененко Наталья Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романских языков факультета иностранных языков Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации;
e-mail: zenenko@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalya V. Zenenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Romance Languages, Faculty of Foreign Languages, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;
e-mail: zenenko@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Зененко Н. В. Категориальная вариативность и частеречная классификация в языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 3. Т. 2. С. 34–41.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-2-34-41

FOR CITATION

Zenenko N. V. Varieties of the categories and classification of parts of speech in a language. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 3, vol. 2, pp. 34–41.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-2-34-41

УДК 811.111

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-2-42-50

ИДЕИ ПРАЖСКОЙ ШКОЛЫ В СТИЛИСТИКЕ ПРОФЕССОРА Э. Г. РИЗЕЛЬ: АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЙ И ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОДЫ

Фадеева Г. М.

Московский государственный лингвистический университет
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, Российская Федерация

Аннотация

Целью настоящей статьи является рассмотрение связи теории стиля выдающегося филолога-германиста XX века Э. Г. Ризель с идеями Пражской лингвистической школы и, прежде всего, В. Матезиуса.

Процедура и методы. На основе историко-филологического анализа и сопоставления ряда публикаций Э. Г. Ризель и В. Матезиуса прослеживается определённое сходство их взглядов на язык и стиль, что проявляется не только в понимании стиля как комплексного феномена, но и в подходах к лингвостилистическому изучению слова с позиций микро- и макростилистики. В статье подчеркивается, что Э. Г. Ризель впервые применила к немецкому языку понятие функциональности, которое было тезисно сформулировано в работах членов Пражской лингвистической школы, а также детально разработала этот подход в своих научных изысканиях по стилистике немецкого языка, получивших широкое международное признание. Особой заслугой и вкладом Э. Г. Ризель в функциональную стилистику немецкого языка считается доказательство существования обиходного стиля.

Результаты. Изучение обозначенных вопросов позволяет сделать вывод о значимости вклада Э. Г. Ризель в становление антропоцентрической парадигмы в науке о языке и о связях её теории стиля с идеями основателя Пражского лингвистического кружка В. Матезиуса. Понимание стилистики в трудах Э. Г. Ризель базируется на антропоцентрическом и деятельностном подходах, так как в центре её внимания остаётся человек, использующий тот или иной язык для коммуникации.

Теоретическое и/или практическое значение. Рассмотрение динамики понятия «стиль» в исследованиях выдающихся учёных-языковедов прошлого помогает уточнить сущность понятий *дискурс* и *стиль* в современном языкознании, очертить границы дисциплин дискурсологии и стилистики. Для преподавания стилистики как академической дисциплины в языковом вузе данные вопросы имеют большое научно-практическое значение.

Ключевые слова: Пражская лингвистическая школа, функциональная стилистика, микро- и макролингвистика, антропоцентрический и деятельностный подходы, обиходный стиль, стиль и дискурс

IDEAS OF THE PRAGUE SCHOOL IN PROFESSOR E. RIZEL'S STYLISTICS: ANTHROPOCENTRIC AND ACTIVITY APPROACHES

G. Fadeeva

Moscow State Linguistic University

ulitsa Ostoshenka 38, Moscow 119034, Russian Federation

Abstract

Aim. The purpose of this article is to consider the connection between the style theory of the outstanding Germanist philologist E. Rizel and the ideas of the Prague School and of V. Mathesius in particular.

Methodology. Based on the analysis of the publications of E. Rizel and V. Mathesius, the similarity of their views on language and style is traced, and it is manifested not only in the understanding of style as a complex phenomenon, but also in the approaches to the linguo-stylistic study of the word from the positions of micro- and macro-stylistics. The article shows that E. Rizel was the first to apply the concept of functionality to the German language, that was formulated briefly in the works of the members of the Prague School of Linguistics. E. Rizel developed this approach in detail in her monographs on the style of the German language, which received international recognition. E. Rizel's special merit and contribution to the functional stylistics of the German language is the proof of the existence of everyday style.

Results. The study of the above-mentioned issues allows us to conclude about the contribution of E. Rizel to the formation of the anthropocentric paradigm of linguistics and the connection of her style theory with the ideas of V. Mathesius who was the founder of the Prague Linguistic Circle. The understanding of stylistics in the theory of E. Rizel is based on anthropocentric and activity approaches, since the person who communicates in a certain way with a certain purpose in one language or another remains the focus of her attention.

Research implications. Consideration of the dynamics of the "style" concept in the works of the prominent linguists of the past helps to clarify the essence of the terms "discourse" and "style" in the modern scientific paradigm, methodology and prospects of linguistic study development, to identify the agenda of modern academic paradigm, to outline the boundaries of discourse and stylistics as disciplines. It should be noted that teaching stylistics as academic discipline at a linguistic university has a great theoretical and practical significance.

Keywords: Prague Linguistic School; functional stylistics; micro and macro stylistics; anthropocentric and activity approaches; everyday style; style and discourse

Введение

Цель настоящей статьи – рассмотреть связи теории стиля выдающегося филолога-германиста Элизы Генриховны Ризель с идеями Пражского лингвистического кружка и его основателя Вилема Матезиуса.

Австрийско-советский учёный, языковед Э. Г. Ризель (1906–1989) создала на базе Московского государственного педагогического института иностранных языков им. Мориса Тореза (в настоящее время Московский государственный лингвистический университет) всемирно

известную научную школу, включающую несколько основных направлений исследований. Следует отметить, что Э. Г. Ризель по праву может считаться новатором и первопроходцем в целом ряде научных областей в языкознании, что отмечают и российские и зарубежные исследователи.

К основным направлениям деятельности Э. Г. Ризель и её научной школы относятся:

– разработка функциональной стилистики немецкого языка с детальным описанием всех функциональных стилей;

– теория стилистического значения и разработка модели стилистического значения / стилистической характеристики слова, словосочетания, синтаксической структуры;

– изучение национальных вариантов немецкого языка;

– разработка основ теории лингвистической интерпретации текста, объединяющей литературоведческие и лингвистические подходы [7; 8].

В рамках нашего исследования мы остановимся на нескольких аспектах многогранной научной деятельности Э. Г. Ризель: на функциональной стилистике, авторских подходах к изучению слова как объекта лингвистического исследования, а также на близости научно-исследовательских взглядов Э. Г. Ризель и В. Матезиуса по перечисленным аспектам.

Функциональный подход к изучению языка и стиля

Научный вклад Э. Г. Ризель в немецкую стилистику состоит, прежде всего, в том, что она одна из первых применила к лингвистическому исследованию немецкого языка понятие функциональности, введённое в дискурсе членов Пражского лингвистического кружка и тезисно сформулированное в трудах его основателя Вилема Матезиуса. Э. Г. Ризель развила и детально разработала представленный подход в своих научных статьях и монографиях, опубликованных в России и за рубежом и получивших международное признание научного сообщества. [11–13]. Подчеркнём, что Элиза Генриховна оценивается немецкими учёными-языковедами как самый именитый представитель функциональной стилистики в германистике [9; 10; 15; 16]. Кроме того, важно отметить, что свои теоретические взгляды Элиза Генриховна подтверждала анализом обширного практического материала, изучала масштабные корпусы текстов различных функциональных стилей.

Особого внимания заслуживает связь взглядов Э. Г. Ризель и основателя Пражского лингвистического кружка Вилема Матезиуса на язык и стиль. Эту взаимосвязь легко проследить в разработанных и представленных в её научных трудах категориях макро- и микростилистики. Так, В. Матезиус понимает под стилем *способ*, при помощи которого с определённой целью используются различные средства языка, и приходит к выводу о том, что стиль можно трактовать: а) как действительность, отражённую / отражающуюся в языке; б) как возможность, обусловленную конкретной ситуацией [3].

Элиза Генриховна предлагает рассматривать стилистику в следующих аспектах:

а) с позиций социолингвистики, стилистика – это наука о способах применения языка во всех сферах коммуникации и/или в различных коммуникативных ситуациях. Следовательно, можно заключить, что для Э. Г. Ризель стилистика – это, прежде всего, социолингвистическая наука;

б) с позиций прагмалингвистики, стилистика (по Э. Г. Ризель) есть наука, изучающая коммуникативную цепь: от коммуникативного намерения, импульса отправителя информации до (запланированного) воздействия данной информации (высказывания) на адресата [7; 8].

Таким образом, для обоих исследователей (Э. Г. Ризель и В. Матезиуса) стиль – в первую очередь *способ применения языка* (das Wie), а любую единицу языка с точки зрения исследователей можно и нужно рассматривать как в системе языка, так и в контексте (т. е. парадигматически и синтагматически). В соответствии с этим положением Э. Г. Ризель различает:

1) минимальный контекст (слово, словосочетание, предложение);

2) расширенный контекст (тематически, грамматически, интонационно связанные предложения);

3) макротекст, который трактуется как необходимое условие для адекватно-

го анализа и интерпретации единиц всех уровней языка, т. е. фактически как необходимое условие для точного понимания значения и стилистической значимости (значения) конкретных единиц [12, с. 397–398].

Особое внимание в своих научных трудах Э. Г. Ризель уделяла взаимодействию экстра- и интралингвистических факторов, влияющих на коммуникативный акт.

Одним из краеугольных для Э. Г. Ризель вопросов являлся вопрос о статусе стилистики в системе других лингвистических наук, который привлекал внимание также и таких видных зарубежных учёных-языковедов, как К. Фосслер и Л. Шпитцер. В отечественной науке о языке эту проблему изучали Г. О. Винокур и В. В. Виноградов.

Г. О. Винокур обосновывает особое, уникальное место стилистики в системе лингвистических дисциплин, исходя из того, что:

1) стилистика изучает язык по всему разрезу его структуры сразу;

2) стилистика с особой точки зрения изучает материал, который рассматривается в рамках других дисциплин по отдельным частям;

3) стилистика принципиально отличается комплексным характером своего предмета исследования;

4) в силу того, что стилистика имеет комплексный характер и охватывает все системы, исследователи имеют дело с качественно новым явлением (функциональным стилем, индивидуально-авторским стилем, стилем эпохи и т. д.).

По мнению Г. О. Винокура, в результате совокупности отличительных черт, своеобразных особенностей стилистики переход к стилистическим исследованиям происходит сразу от всех лингвистических дисциплин, которые рассматриваются как единое целое. Этот факт и создаёт собственный предмет стилистики [1, с. 221–223]. Отметим, что Э. Г. Ризель полностью поддерживала взгляды

Г. О. Винокура на задачи, предмет, особый статус лингвистической стилистики и на её комплексный характер [7, с. 457; 8, с. 109].

В серии научных статей и монографий Элиза Генриховна Ризель предлагает и обосновывает модель описания всех функциональных стилей немецкого языка как комплексного многоаспектного явления. Свой подход к исследованию стилей она представляет в итоговом, обобщённом виде в научной монографии «Теория и практика лингвостилистической интерпретации текста»¹. В самом начале своего труда, в преамбуле, автор пишет, что предлагаемая ею теория анализа и интерпретации текста основывается на разграничении категорий микро- и макростилистики, трактуемых следующим образом:

– микростилистика исследует стилистическую характеристику языковых единиц различных уровней (например, звук, слово, предложение), включая стилистические фигуры речи, а также их стилистический потенциал в минимальном контексте;

– макростилистика приводит исследователей к изучению стилистики текста и устанавливает связи между экстралингвистическими факторами и лингвистическими данностями [7, с. 453].

Э. Г. Ризель отмечает, что именно эти связи и обуславливают определённый способ языкового выражения со стороны отправителя информации и реакцию адресата. Как мы можем видеть, Э. Г. Ризель излагает свои взгляды по данному вопросу в русле и лингвистической прагматики и теории текста, особо подчёркивая необходимость включения в анализ и интерпретацию текста экстралингвистической информации. Экстралингвистическая информация об участниках и условиях коммуникативной ситуации представляется исследователю важней-

¹ Riesel E. Theorie und Praxis der linguostilistischen Textinterpretation. М. : Высшая школа, 1974. 184 с.

шей составляющей процесса коммуникации, где можно проследить следующую цепочку: отправитель – текст – адресат [7]. Интересно, что об этих же компонентах коммуникативного процесса пишет и Вилем Матезиус, отмечая в своих трудах, что ситуация, определяющая стиль, включает помимо языкового материала, ещё личность говорящего / пишущего и цель коммуникации [3].

Развитие и детальная, многоаспектная разработка вышеперечисленных вопросов позволили Э. Г. Ризель обосновать систему (модель) пяти функциональных стилей в немецком языке. Особо важно подчеркнуть, что исследователь предложила не только саму модель, но и научный аппарат описания, продемонстрировав на обширном языковом материале методику анализа функциональных стилей. Модель, разработанная Э. Г. Ризель, считается самой известной в стилистике немецкого языка [15].

По единодушному мнению отечественных и зарубежных учёных особое достижение и научная смелость Элизы Генриховны состоит в том, что она включила в модель пяти функциональных стилей обиходный стиль, полностью описав его, хотя в то время даже существование такого стиля подвергалось сомнению [13] или вовсе отрицалось. Не удивительно, что многие филологи-германисты считают разработку обиходного стиля личным вкладом Э. Г. Ризель в лингвистику. Так, в 2006 году (фактически спустя 40 лет после выхода в свет монографии “Der Stil der deutschen Alltagsrede” («Стиль немецкой обиходно-разговорной речи»)¹) выдающийся исследователь немецкой стилистики У. Фикс пишет, что данная монография о немецком обиходном стиле и на сегодняшний день является уникальным и актуальным новаторским трудом. Инновацией, вызвавшей оживлённую научную дискуссию, и

огромной личной заслугой Э. Г. Ризель в стилистику было, по мнению У. Фикс, то, что понятие стиля было системно применено не только и не столько к литературному материалу, но и, например, к письменным текстам делового жанра. Но самой важной и неожиданной инновацией было убедительное и безоговорочное доказательство того, что само понятие «стиль» может применяться к устному обиходному общению [9, с. 42].

Возможную перспективу исследований функциональных стилей как сложно устроенных иерархических систем Э. Г. Ризель усматривала в развитии стилистики текста и дискурса, таким образом заложив основы дискурсологии. В статье «Об иерархии стилевых систем и основных текстологических единиц» это предположение было продемонстрировано на материале официального стиля общения [4].

Безусловно, трудно переоценить личный вклад исследователя Э. Г. Ризель в разработку категории *стилевая черта*, которая играет важнейшую роль в разработанной ею теории функциональных стилей. Сама Э. Г. Ризель понимает *стилевую черту* как внутренние качественные признаки любого функционального стиля и/или подстиля, или типа текста. Силевые черты обусловлены в первую очередь социальной спецификой конкретного речевого акта и, в свою очередь, обуславливают применение определённой микросистемы языковых средств всех уровней, которые и реализуют, репрезентируют ту или иную стилевую черту [7].

Так, развивая идеи и положения Пражской лингвистической школы, Э. Г. Ризель смогла теоретически обосновать и убедительно доказать и на языковом материале необходимость распространения лингвистических исследований на все области применения языка.

¹ Первое издание монографии: Riesel E. Der Stil der deutschen Alltagsrede. М.: «Высшая школа», 1964. 316 с.

Слово как объект изучения лингвистилистики

Вилем Матезиус рассматривает данный вопрос в статье «Язык и стиль» (раздел «Языковое наименование: символическая значимость»), отмечая, что у разных предметов есть какое-то особое свойство, которое воспринимается как их постоянный, отличительный признак. Зачастую предмет становится символом этого свойства, выраженного признаком, т. е. можно утверждать, что соотношение предмета и признака меняется. В таком случае языковое наименование предмета также приобретает символическую значимость [3].

Чешский исследователь В. Матезиус убедительно иллюстрирует свои предположения: например, девушка может характеризоваться как тростинка (от чеш. *proutek*) или как спичка (от чеш. *sírka*). Общим признаком данных предметов (тростинки и спички) является тонкость. Именно этот признак и послужил базой для соответствующей метафоры и/или сравнения. В обоих случаях речь идёт о тонкой, стройной, худощавой фигуре девушки, но само слово «тростинка» символизирует гибкость, стройность, упругость, в то время как «спичка» указывает скорее на худобу, не вызывая в сознании представления о красоте и изяществе [там же].

Родственный взглядам чешского исследователя подход к изучению словарного состава языка, языкового наименования, его символизма, эмоциональной окраски слова можно без труда проследить и в стилистике Э. Г. Ризель. Отметим, что речь идёт, прежде всего, о трудах, где представлена её модель стилистической характеристики (или стилистической окраски / маркированности / стилистического значения) слова, словосочетания или синтаксической структуры [14], а также о её научных статьях, посвящённых понятию коннотации [5; 6]. Здесь следует в первую очередь назвать статью «*Stilistische Bedeutung und stilistischer Aus-*

druckswert des Wortes als paradigmatische und syntagmatische Kategorie» («Стилистическое значение и стилистическая значимость слова как парадигматическая и синтагматическая категория»). Именно в данной статье Э. Г. Ризель впервые представляет разработанную авторскую модель стилистической характеристики (стилистического значения) [14].

Согласно предложенной модели как абсолютное, так и контекстуальное стилистическое значение языковой единицы состоит из триединства следующих компонентов: а) функционального; б) нормативного; в) экспрессивного. Функциональный компонент указывает на принадлежность слова к конкретной функциональной сфере употребления, определённому функциональному стилю. Нормативный компонент, в свою очередь, уточняет место слова на нормативной шкале стилистических уровней:

а) нулевой уровень с нормативной характеристикой «нейтральная, нулевая окраска»;

б) вниз по шкале от нулевого (нейтрального) уровня к стилистическим уровням с нормативными характеристиками «литературно-разговорное», «разговорное», «просторечное», «фамильярное» и так до низших точек шкалы с характеристиками «грубое» или «вульгарное».

в) вверх по шкале от нулевого (нейтрального) уровня к нормативным характеристикам стиля «высокий», «приподнятый», «возвышенный», «высокопарный».

Что касается экспрессивно-оценочного компонента стилистической окраски, то он характеризует слово / словосочетание по признаку наличия / отсутствия повышенной выразительности и эмоциональности, что напрямую связано с оценочностью.

Как справедливо указывает Э. Г. Ризель, главное и наиболее важное различие между абсолютным и контекстуальным (парадигматическим и синтагматическим) значением заключается в следующем: абсолютное стилисти-

ческое значение (абсолютная стилистическая маркированность) обусловлено самой системой языка и прочно закреплено в ней. Это эксплицитная, кодифицированная величина, которая является дополнительной семантической информацией к основному или референциальному значению слова (лексическому значению слова). Абсолютная стилистическая маркированность служит необходимой предпосылкой для адекватного применения всех языковых средств при их реализации в речевой коммуникации, т. е. в контексте [6]. Так, возвращаясь к примеру В. Матезиуса о «спичке» и «тростинке», модель стилистического значения (маркированности) этих слов будет различной в зависимости от наличия и особенностей контекста. Само слово «спичка» вне контекста, т. е. как название определённого предмета (парадигматически), имеет нейтральную стилистическую окраску по всем трём компонентам. В то же время в контексте определённой речевой коммуникации (например, для характеристики внешнего вида девушки) это слово приобретает стилистическую окраску: обиходный *стиль* – *разговорное* – *экспрессивно-оценочное*. Таким образом, лингвистическая характеристика слова в парадигматическом аспекте (т. е. вне контекста) и в синтагматическом аспекте (т. е. в контексте) могут и совпадать, и различаться.

Э. Г. Ризель не разделяла мнение учёных, что коннотативные значения входят в лексико-семантическую структуру слова, но при этом она признавала, что существует коннотация в факультативном периферийном слое расширенной структуры слова [14]. Поскольку вокруг лингвистических категорий стилистического значения и коннотации развернулась оживлённая научная дискуссия, Э. Г. Ризель неоднократно возвращалась к этому вопросу в своих статьях от 1978 г. «К вопросу о коннотации» [5] и 1980 г. «Стилистическое значение и коннотация» [6], где поясняла свою концепцию, подчёрки-

вая, что в этом вопросе она поддерживала мнение В. В. Виноградова, также различавшего стилистическое значение на уровне языка и на уровне речи.

Заключение

Проведённое исследование ряда положений из теории стиля филолога-германиста Э. Г. Ризель и идей основателя Пражского лингвистического кружка В. Матезиуса позволяет утверждать, что взгляды этих выдающихся учёных на *стиль* и *слово* как объекты лингвистистики во многом близки и базируются на антропоцентрическом и деятельностном подходах. В центре внимания В. Матезиуса и Э. Ризель остаётся человек, общающийся на том или ином языке с определённой целью и в определённом контексте.

Личный вклад Э. Г. Ризель в формирование антропоцентрической парадигмы в науке о языке состоит не только в том, что она детально изучила, разработала и представила научной общественности свою концепцию стиля в виде стройных завершённых теорий, но и в том, что она убедительно доказала их обоснованность, оставив новым поколениям учёных многочисленные образцы тончайших стилистических исследований немецкого языка. Именно за эти достижения Э. Г. Ризель была присуждена в 1963 г. премия им. Ф. К. Вайскопфа Немецкой академии искусств в Берлине [7; 8].

Изучение динамики понятия *стиль* в трудах выдающихся исследователей прошлого позволяет уточнить сущность терминов «дискурс» и «стиль» в современной научной парадигме, определить методологию и перспективы развития, очертить границы академических дисциплин дискуртологии и стилистики, их соотношение. Проблемы в рассмотрении теории дискурса и теории стилей состоят, по мнению многих учёных, которое мы разделяем, в том, что термин «дискурс» понимается сегодня очень широко.

Одновременно с этим термин «дискурс» порой вытесняет и заменяет традиционные термины: язык, речь, стиль, текст, – в связи с чем вопрос о месте дискурса в ряду этих понятий приобретает особую актуальность [2; 8].

Для преподавания стилистики в лингвистическом вузе данные вопросы имеют большое научно-практическое значение.

Дата поступления в редакцию 29.04.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Винокур Г. О. О задачах истории языка // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1959. С. 207–226.
2. Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты: коллективная монография / под ред. Г. Я. Солганика, Н. И. Клушиной, Н. В. Смирновой. М.: Флинта: Наука, 2014. 268 с.
3. Матезиус В. Язык и стиль // Пражский лингвистический кружок. сборник статей / сост. и ред. Н. А. Кондрашов. М.: Изд-во Прогресс, 1967. С. 444–523.
4. Ризель Э. Г. К вопросу об иерархии стилистических систем и основных текстологических единиц // Из научного наследия профессора Э. Г. Ризель: к 100-летию со дня рождения / сост.-ред. Н. В. Любимова, Г. М. Фадеева. М.: МГЛУ, 2006. С. 67–81.
5. Ризель Э. Г. К вопросу о коннотации // Вопросы романо-германской филологии. М.: МГПИИЯ им. М. Торезы, 1978. С. 9–19.
6. Ризель Э. Г. Стилистическое значение и коннотация // Лингвостилистические проблемы текста. М.: МГПИИЯ им. М. Торезы, 1980. С. 134–142.
7. Фадеева Г. М. Элиза Генриховна Ризель // Отечественные лингвисты XX века / отв. ред. В. В. Потапов. М.: Издательский дом ЯСК, 2017. С. 453–472.
8. Фадеева Г. М. О месте стилистики в системе лингвистических наук. Функциональная стилистика и дискурсология // Научные школы Московского государственного лингвистического университета. Факультет немецкого языка: коллективная монография: в 2 ч. / под общ. ред. проф. Г. Б. Ворониной. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019. Ч. 1. С. 105–115.
9. Fix U. Die Stilistik von Elise Riesel // Из научного наследия профессора Э. Г. Ризель: к 100-летию со дня рождения / сост.-ред. Н. В. Любимова, Г. М. Фадеева. М.: МГЛУ, 2006. С. 34–44.
10. Heinemann W. Text und Stil. Textlinguistik versus Funktionalstilistik. Zum 100. Geburtstag von Elise Riesel // Из научного наследия профессора Э. Г. Ризель: к 100-летию со дня рождения / сост.-ред. Н. В. Любимова, Г. М. Фадеева. М.: МГЛУ, 2006. С. 25–33.
11. Riesel E. Abriss der deutschen Stilistik. Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1954. 403 S.
12. Riesel E. Stilistik der deutschen Sprache. Moskau: Staatsverlag «Hochschule», 1963. 488 S.
13. Riesel E. Der Stil der deutschen Alltagsrede. Leipzig: Reclam, 1970. 336 S.
14. Riesel E. Stilistische Bedeutung und stilistischer Ausdruckswert als paradigmatische und syntagmatische Kategorie // Deutsch als Fremdsprache. 1967. H. 6. S. 323–331.
15. Sanders W. Das neue Stilwörterbuch. Darmstadt: WBG, 2007. 265 S.
16. Sowinski B. Stilistik. Stuttgart: Verlag J. B. Metzler, 1999. 248 S.

REFERENCES

1. Vinokur G. O. [On the tasks of the history of language]. In: Vinokur G. O. *Izbrannyye raboty po russkomu yazyku* [Selected works on the Russian language]. Moscow, Gosudarstvennoye uchebno-pedagogicheskoye izdatel'stvo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR Publ., 1959, pp. 207–226.
2. Solganik G. Ya., Klushina N. I., Smirnova N V., eds. *Diskurs i stil': teoreticheskiye i prikladnyye aspekty* [Discourse and style: theoretical and applied aspects]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2014. 268 p.
3. Mathesius V. [Language and style]. In: Kondrashov N. A., comp., ed. *Prazhskiy lingvisticheskiy kruzhok* [Prague Linguistic Circle]. Moscow, Progress Publ., 1967, pp. 444–523.
4. Riesel E. G. [On the question of the hierarchy of stylistic systems and basic textological units]. In: Lyubimova N. V., Fadeyeva G. M., comps., eds. *Iz nauchnogo naslediya professora E. G. Rizel': k 100-letiyu so dnya rozhdeniya* [From the scientific heritage of Professor E. G. Riesel: on the 100th anniversary of his birth]. Moscow, Moscow State Linguistic University Publ., 2006, pp. 67–81.

5. Riesel E. G. [On the question of connotation]. In: *Voprosy romano-germanskoy filologii* [Issues of Romano-Germanic Philology]. Moscow, Maurice Thorez Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages Publ., 1978, pp. 9–19.
6. Riesel E. G. [Stylistic meaning and connotation]. In: *Lingvostilisticheskiye problemy teksta* [Linguistic and stylistic problems of the text]. Moscow, Maurice Thorez Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages Publ., 1980, pp. 134–142.
7. Fadeyeva G. M. [Eliza Genrikhovna Riesel]. In: *Otechestvennyye lingvisty XX veka* [Domestic linguists of the XX century]. Moscow, YaSK Publishing House, 2017, pp. 453–472.
8. Fadeyeva G. M. [On the place of stylistics in the system of linguistic sciences. Functional stylistics and discursology]. In: *Nauchnyye shkoly Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Fakul'tet nemetskogo yazyka: kollektivnaya monografiya: v 2 ch.* [Scientific schools of the Moscow State Linguistic University. Faculty of the German language. In 2 Parts]. Moscow, Moscow State Linguistic University Publ., 2019, Part 1, pp. 105–115.
9. Fix U. Die Stilistik von Elise Riesel. In: Lyubimova N. V., Fadeyeva G. M., comps., eds. *Iz nauchnogo naslediya professora E. G. Rizel': k 100-letiyu so dnya rozhdeniya* [From the scientific heritage of Professor E. G. Riesel: on the 100th anniversary of his birth]. Moscow, Moscow State Linguistic University Publ., 2006, pp. 34–44.
10. Heinemann W. Text und Stil. Textlinguistik versus Funktionalstilistik. Zum 100. Geburtstag von Elise Riesel. In: Lyubimova N. V., Fadeyeva G. M., comps., eds. *Iz nauchnogo naslediya professora E. G. Rizel': k 100-letiyu so dnya rozhdeniya* [From the scientific heritage of Professor E. G. Riesel: on the 100th anniversary of his birth]. Moscow, Moscow State Linguistic University Publ., 2006, pp. 25–33.
11. Riesel E. Abriss der deutschen Stilistik. Moskau, Verlag für fremdsprachige Literatur, 1954. 403 S.
12. Riesel E. Stilistik der deutschen Sprache. Moskau, Staatsverlag «Hochschule», 1963. 488 S.
13. Riesel E. Der Stil der deutschen Alltagsrede. Leipzig, Reclam, 1970. 336 S.
14. Riesel E. Stilistische Bedeutung und stilistischer Ausdruckswert als paradigmatische und syntagmatische Kategorie. In: *Deutsch als Fremdsprache*, 1967, H. 6, S. 323–331.
15. Sanders W. Das neue Stilwörterbuch. Darmstadt, WBG, 2007. 265 S.
16. Sowinski B. Stilistik. Stuttgart, Verlag J. B. Metzler, 1999. 248 S.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фадеева Галина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка Московского государственного лингвистического университета;

e-mail: galina_fadeeva@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Galina M. Fadeeva – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Lexicology and Stylistics of the German Language, Moscow State Linguistic University;

e-mail: galina_fadeeva@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Фадеева Г. М. Идеи Пражской школы в стилистике профессора Э. Г. Ризель: антропоцентрический и деятельностный подходы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 3. Т. 2. С. 42–50.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-2-42-50

FOR CITATION

Fadeeva G. M. Ideas of the Prague School in Professor E. Riesel's Stylistics: Anthropocentric and Activity Approaches. Discourse precision: functional characteristics. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 3, vol. 2, pp. 42–50.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-2-42-50

УДК: 81-114.2

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-2-51-60

ПРИНЦИПЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЧИСТОТЫ И ПРЯМОЛИНЕЙНОЙ РЕГУЛЯРНОСТИ В КОНЦЕПЦИИ В. МАТЕЗИУСА И ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ НОРМ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА НАШИХ ДНЕЙ

Федосюк М. Ю.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель статьи – проанализировать взгляды В. Матезиуса и других членов Пражского лингвистического кружка на критерии определения нормы литературного языка и оценить эти взгляды, с одной стороны, в контексте современных проблем нормализации языка, а с другой стороны – с позиций теоретических концепций современной лингвистики.

Процедура и методы. Статья содержит, во-первых, синтез различных высказываний пражских лингвистов о критериях литературной нормы, а во-вторых, попытку применения результатов этого синтеза при рассмотрении спорных вопросов нормализации некоторых явлений русского языка наших дней. При реализации этой попытки используются методы функционального и системного анализа языка.

Результаты. Результатом проведённого исследования является выделение четырёх критериев определения литературной нормы и определение иерархических отношений между ними. Выделяются критерии: (1) исторической чистоты языка, (2) регулярности моделей построения языковых единиц, (3) языковой практики и, наконец, (4) соответствия определённых вариантов языковой единицы коммуникативным потребностям носителей языка на данном этапе его развития. Показано, что с большой долей вероятности именно варианты, соответствующие коммуникативным потребностям носителей языка, с течением времени вытеснят все прочие варианты.

Теоретическая значимость выполненного исследования состоит в том, что оно вносит вклад в современную теорию нормализации языка. **Практическая значимость** работы связана с возможностью применения полученных результатов при составлении нормативных словарей, справочников по культуре речи и пособий по литературному редактированию, а также в рамках школьного и вузовского преподавания лингвистических дисциплин.

Ключевые слова: критерии литературной нормы, историческая чистота, прямолинейная регулярность, языковая практика, функциональность

PRINCIPLES OF HISTORICAL PURITY AND STRAIGHTFORWARD REGULARITY IN THE CONCEPTION OF V. MATHESIUS AND IN DETERMINING NORMS OF THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE OF OUR DAYS

M. Fedosyuk

*Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. The purpose of the article is to analyze the views of V. Mathesius and other members of the Prague Linguistic Circle based on the criteria for determining the literary language norm and evaluate these views, on the one hand, in the context of modern problems of language normalization, and on the other hand, from the standpoint of theoretical concepts of modern linguistics.

Methodology. The article contains, firstly, a synthesis of various statements of Prague linguists about the criteria of the literary norm, and secondly, an attempt to apply the results of this synthesis when considering controversial issues of normalizing some phenomena of the Russian language of our days. When implementing this attempt, methods of functional and system analysis of the language are used.

Results. The result of the study is the selection of four criteria for determining the literary norm and the definition of hierarchical relationships between them. These criteria are: (1) the historical purity of the language, (2) the regularity of models for constructing language units, (3) language practice, and, finally, (4) the correspondence of certain variants of a language unit to the communicative needs of native speakers at a given stage of language development. It is shown that, with a high degree of probability, the variants corresponding to the communicative needs of native speakers will eventually displace all other variants.

Research implications. The theoretical significance of the study is that it contributes to the modern theory of language normalization. The practical significance of the work is related to the possibility of applying the results obtained in the preparation of normative dictionaries, reference books on the culture of speech and manuals on literary editing, as well as in the practice of school and university teaching of linguistic disciplines.

Keywords: literary norm criteria, historical purity, straightforward regularity, language practice, functionality

Введение

Важным вкладом В. Матезиуса и других членов Пражского лингвистического кружка в развитие лингвистики является разработанная ими теория литературного языка, и в частности определение принципов «культуры языка» – термин, который не следует путать с термином «культура речи». Если под культурой речи в русистике традиционно понимается в первую очередь «владение нормами литературного языка ... в его устной и письменной форме, а также умение использовать выразительные средства языка в соответствии с целями и содержанием речи»¹, то культура языка – это, скорее, комплекс требований, которым должна отвечать норма литературного языка.

В задачи настоящей статьи входит рассмотрение представлений В. Матезиуса и других членов Пражского кружка

о критериях литературной нормы. Эти представления будут рассмотрены, с одной стороны, в контексте современных проблем нормирования языка, а с другой – с учётом актуальных концепций современной лингвистики.

1. Критерии исторической чистоты, регулярности и языковой практики при определении литературной нормы

«Под культурой литературного языка, – писал В. Матезиус, – мы понимаем сознательную обработку литературного языка. Она может осуществляться следующими путями: 1) с помощью теоретических работ по лингвистике; 2) при обучении языку в школе; 3) в процессе писательской практики» [8, с. 210].

Как показал В. Матезиус, при определении литературной нормы в культуре языка нередко противостоят две тенденции – «принцип исторической чистоты языка» и «принцип прямолиней-

¹ Шмелев А. Д. Культура речи // Русский язык: Энциклопедия / под общ. ред. А. М. Молдована. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. С. 295–296.

ной регулярности». «Когда речь идет о языковой правильности, – читаем мы у В. Матезиуса, – сторонники исправления языка выдвигают на первый план идею **исторической чистоты языка**. По их мнению, в современном литературном чешском языке лишь то бесспорно, что употреблялось в языке еще до начала XVII в., да и то *mutatis mutandis* лишь в той форме и в той функции, какие были свойственны древнему языку» [8, с. 195].

О противоположной тенденции – принципе прямолинейной регулярности – В. Матезиус пишет так: «Хорошо известно, что язык стремится к регулярности в формах своих выразительных средств, но вместе с тем мы знаем, что он никогда не может достичь этой регулярности, так как данная тенденция сталкивается с противодействием. Поборники прямолинейной регулярности ссылаются лишь на первый из этих факторов. Исходя из этого, они предъявляют литературному языку требование строгой регулярности языковых явлений и возводят эту регулярность на уровень критерия языковой правильности. В тех случаях, когда язык не достиг подобной регулярности или утратил ее, они навязывают ему последнюю силой» [8, с. 200].

Как видим, каждый из только что упомянутых принципов определения литературной нормы оперирует своими критериями. С одной стороны, речь идет о **критерии исторической чистоты**, а с другой – о **критерии регулярности**. Путь разрешения конфликта между этими двумя критериями В. Матезиус видит в обращении к третьему критерию, который можно назвать **критерием языковой практики**. Учёный пишет: «Принцип исторической чистоты и требование прямолинейной регулярности не могут быть, следовательно, ни каждый в отдельности, ни оба вместе надежной базой для установления стабильности в литературном чешском языке. Если чересчур полагаться на них, то в конце концов нарушается

уже достигнутая стабильность, а тем самым подрывается одно из главных условий языковой отшлифованности. Если мы действительно хотим добиться стабильности нашего литературного языка, то мы должны опереться на единственно оправданную базу, то есть на современную норму чешского литературного языка. Эту норму, поскольку нет какого-либо кодекса разговорной речи, можно установить, исходя из языковой практики хороших чешских авторов, представленной чешской литературой последнего пятидесятилетия, литературой в самом широком смысле слова – художественной и научной» [8, с. 202].

Понятно, что приведённые выше рассуждения В. Матезиуса имели непосредственное отношение к конкретным проблемам определения нормы в чешском литературном языке первых десятилетий XX века [7, с. 138–141]. Однако принципы, которые лежат в их основе, нельзя не признать актуальными для теории литературного языка в целом и применительно к нормализации русского языка наших дней в частности. При этом, однако, бросается в глаза, что и последний из упомянутых критериев – критерий языковой практики, предложенный В. Матезиусом в качестве ведущего, не представляется достаточно надёжным. Неясно, как применять этот критерий, например, (1) если разные исследователи будут считать «хорошими» разных авторов, (2) если в произведениях авторитетных авторов будут с приблизительно одинаковой частотой встречаться два различных варианта рассматриваемой языковой единицы и, наконец, (3) если потребуется определить степень нормативности новой единицы, которая пока ещё не получила отражения в текстах авторов последних десятилетий.

2. Критерий функциональности при определении литературной нормы

Учитывая сказанное, представляет- ся целесообразным добавить к трём вышеупомянутым критериям литератур-

ной нормы, которые были предложены В. Матезиусом, ещё один – **критерий функциональности**. Этот критерий очевидным образом вытекает из «Тезисов Пражского лингвистического кружка», которые начинаются со следующего утверждения: «Являясь продуктом человеческой деятельности, язык вместе с последней обладает целевой направленностью. Анализ речевой деятельности как средства общения показывает, что самой обычной целью говорящего, которая обнаруживается с наибольшей четкостью, является выражение. Поэтому к лингвистическому анализу нужно подходить с функциональной точки зрения. С этой точки зрения язык есть система средств выражения, служащая какой-то определенной цели» [13, с. 17]. В последующем тексте «Тезисов» читаем: «В науках, имеющих дело с эволюцией, к числу которых принадлежит и историческая лингвистика, представление о произвольном и случайном характере возникновения явлений (даже если они реализуются с абсолютной регулярностью) постепенно уступает место понятию связи согласно законам развивающихся явлений (номогенез). Точно так же в объяснении грамматических и фонологических изменений теория конвергирующей эволюции отодвигает на второй план представление о механическом и случайном характере распространения явлений» [13, с. 19].

Заметим, что это положение Пражского лингвистического кружка является конкретизацией и развитием утверждения В. фон Гумбольдта о том, что своеобразии устройства любого языка бывает обусловлено особенностями «национального духа» данного народа. Как известно, В. фон Гумбольдт писал о языке: «Он всеми тончайшими нитями своих корней сросся ... с силой национального духа, и чем сильнее воздействие духа на язык, тем закономерней и богаче развитие последнего. Во всем своем стройном сплетении он есть лишь продукт языкового сознания нации (Wirkung des nationellen

Sprachsinns), и поэтому на главные вопросы о началах и внутренней жизни языка, – а ведь именно тут мы подходим к истокам важнейших языковых различий, – вообще нельзя должным образом ответить, не поднявшись до точки зрения духовной силы и национальной самобытности» [5, с. 47]. Необходимо добавить, что в XX в. это положение получило ещё большую конкретизацию в трудах по системной типологии языков Г. П. Мельникова и его последователей. Как утверждает Г. П. Мельников, особенности устройства каждого из языков бывают обусловлены типичными коммуникативными потребностями коллектива его носителей [9; 10].

Если солидаризироваться с утверждением чешских лингвистов об обусловленности языковых явлений функциями языка, то легко прийти к выводу о том, что ещё одним критерием литературной нормы должно быть соответствие рассматриваемого варианта языковой единицы тем коммуникативным потребностям носителей рассматриваемого языка, которые характерны для данного этапа развития этого языка. Учёт этого критерия, критерия функциональности, может быть очень полезен в тех случаях, когда критерий исторической чистоты и критерий языковой практики не дают однозначных результатов, например в тех ситуациях, когда необходимо определить степень нормативности новой формы, которая пока ещё не получила статистического перевеса над формой, подкреплённой традицией.

Проиллюстрируем сказанное двумя примерами.

Пример первый – развивающаяся на протяжении последних примерно пятидесяти лет тенденция к несклоняемости в русском языке географических названий на *-ин(о)*, *-ов(о)*. Вместо *Я живу в Медведкове*, *Я вернулся из Останкина* многие носители русского языка (например, современные студенты) не только предпочитают говорить *Я живу в Медведково*, *Я*

вернулся из *Останкино*, но ещё и настаивают на неправильности тех вариантов высказываний, в которых географические названия рассматриваемого типа склоняются [2; 4, с. 138–140].

Если при определении того, какой из приведённых выше вариантов принадлежит норме, руководствоваться критериями исторической чистоты и регулярности, то придётся признать нормативными варианты типа *Я живу в Медведково*. Если же руководствоваться критерием языковой практики, то похоже, что близок к победе вариант *Я живу в Медведково*.

Представляется, что ясность в этот вопрос может внести рассматриваемый нами критерий функциональности. Дело в том, что традиционные варианты типа *Я живу в Медведково* не полностью соответствуют коммуникативным потребностям современных носителей русского языка. Поскольку эти варианты неоднозначны, они не дают возможности определить, какова начальная форма топонима: называется ли населенный пункт, который упоминает говорящий, *Медведков* или *Медведково*?

Может возникнуть вопрос: а в первой половине XX в. и, тем более, в XIX в. старая норма склонения топонимов на *-ин(о)*, *-ов(о)* коммуникативным потребностям носителей русского языка соответствовала? Представляется, что на этот вопрос следует дать положительный ответ. Коммуникативные потребности, а следовательно, и литературные нормы стали меняться в связи с изменением характера русского языкового коллектива, а именно вследствие роста его неоднородности, который был обусловлен усилением внутренней миграции российского населения. Данный процесс начался на рубеже XIX и XX вв., когда многие крестьяне стали переезжать в города и становиться промышленными рабочими, и усилился после революции 1917 г. В этом отношении очень интересна та глава книги А. М. Селищева «Язык революционной эпохи», где автор описы-

вает элементы разных диалектов русского языка, сохранявшиеся в начале XX в. в речи рабочих московских заводов и фабрик [12, с. 198–209]. Неоднородность русского языкового коллектива продолжала увеличиваться во второй половине XX в., и в результате у говорящих стала вырабатываться потребность учитывать, что знания адресатов могут не полностью совпадать с их собственными знаниями.

Если исходить из этого тезиса, то логично утверждать, что до начала XX в., когда русскому языковому коллективу была свойственна высокая степень однородности, норме соответствовали склоняемые формы топонимов на *-ино*, *-ово*. В то время москвич-адресат, слыша фразу *Я живу в Останкине*, хорошо понимал, что начальная форма данного топонима – *Останкино*. Однако позднее, с активизацией внутренней миграции, достаточно типичными стали ситуации, когда коммуниканты, выходцы из разных регионов страны, слыша, например, фразу *Я родом из Рязанской области: родился в Захарове, а детство провёл в Михайлове*, едва ли могли понять, что речь идёт о расположенных в Рязанской области селе Захарово (ср. р.) и городе Михайлов (м. р.). Естественно, что во избежание недоразумений говорящий, скорее всего, либо должен был добавлять к каждому из упомянутых топонимов видовое наименование (*Я родился в селе Захарово, а детство провёл в городе Михайлов*), либо вынужден был употреблять существительное среднего рода *Захарово* в форме именительного падежа (*Я родился в Захарово, а детство провел в Михайлове*) [ср. 15].

Принимая во внимание взаимодействие критериев языковой практики и функциональности (хотя и не упоминая этот последний), современные грамматика и учебные пособия обычно квалифицируют как соответствующие норме оба варианта падежных форм топонимов типа *Медведково* и *Останкино*. Вот как написано об этом, например, в учебном

пособии И. Б. Голуб: «Учитывая динамику и активность процесса закрепления в речи перечисленных топонимов в неизменяемой форме, практическая стилистика санкционирует такое их употребление в разговорной речи, в специальной литературе, не рекомендуя, однако, несклоняемые формы для строгого литературного употребления. Но если наименование на -о заключено в кавычки, то в письменной речи оно должно употребляться без изменения: *В совхозе «Шарапово», неподалеку от Подольска, под одной крышей разместятся две тысячи коров (из газ.)*» [3, с. 236].

Похожую оценку мы находим и в «Русской грамматике – 1980», где говорится: «Географические названия на -ово, -ево и -ино, -ыно: *Иваново, Бирюлево, Кунцево, Сараево, Болдино, Бордино, Голицыно* и под. в современной разговорной, профессиональной, газетной речи обнаруживают тенденцию к неизменяемости. Несмотря на это в письменной речи, в соответствии с действующими грамматическими правилами, географические названия на -ов(о), -ёв(о), -ев(о), -ин(о), -ын(о) склоняются: *В небе над Тушином (газ.); Речь идет об аэропорте в Шереметьеве (газ.)*. Несклоняемость географических наименований нормальна в следующих случаях:

1. Если такое наименование является приложением к одному из следующих обобщающих слов: *село, деревня, посёлок, станция, становище, реке – город: в селе Васильково, в поселке Пушкино, в деревне Белкино, на станции Гоголево.*

2. Если населённый пункт назван собственным именем известного лица: *около Репино (назв. поселка под Ленинградом), недалеко от Лермонтово (назв. небольшого города около Пензы)*» [11, с. 505–506].

Обратимся к рассмотрению второго примера. В последнее десятилетие, подосознательно руководствуясь принципом прямолинейной регулярности, некоторые носители русского языка (как правило, приверженцы «любительской

лингвистики» [6]) призывают дополнить русский язык «недостающими» феминативами (в другой терминологии феминативами) – существительными женского рода, образованными от существительных мужского рода и обозначающими женщин по профессии, должности или званию, например *авторка, юристка или режиссёрка* (см об этом [1; 16]).

Однако, с точки зрения научной лингвистики, пары слов типа *автор – авторка* находятся в том типе отношений, который Н. С. Трубецкой (между прочим, тоже член Пражского лингвистического кружка) именовал привативными оппозициями. «**Привативными**, – писал он, – называются оппозиции, один член которых характеризуется наличием, а другой – отсутствием признака, например “звонкий – незвонкий”, “назализованный – неназализованный”, “лабиализованный – налабиализованный” и т. д. Член оппозиции, который характеризуется наличием признака, называется “**маркированным**”, а член оппозиции, у которого признак отсутствует, – “**немаркированным**”» [14, с. 82–83].

В рассматриваемых нами случаях феминативы типа *авторка* являются маркированными членами оппозиции, поскольку противопоставлены существительным мужского рода типа *автор* наличием добавочной семы – ‘женский пол’. При этом существительные мужского рода гендерной информации, как правило, не несут. Таким образом, если слово *автор* означает ‘человек, создавший какое-либо произведение’, то слово *авторка* значит ‘человек, создавший какое-либо произведение и при этом женщина’.

Однако всегда ли отправители речи испытывают потребность в добавлении к профессиональному статусу человека ещё и информации о его гендере? Очевидно, что нет. Не случайно авторы словаря «Грамматическая правильность русской речи» пишут: «В строгом стиле письменной речи, в деловых документах, публицистике, научной прозе, отчасти и

в разговорной речи развивается тенденция к использованию существительных мужского рода для названия женщин. Даже в тех случаях, когда легко образуется суффиксальная параллель женского рода, предпочитается “мужской” вариант с обобщенным значением деятеля безотносительно к полу названного лица: Поездка в Советский Союз была полезной и очень приятной, заявила общественный деятель Филиппин супруга президента Филиппин Имельда Маркос (Известия, 28 марта 1972); Татьяна Талева – *учитель-библиотекарь* – окончила ненецкое отделение педучилища (Сов. Россия, 13 февр. 1968); Женщина – *постановщик* художественного фильма вообще не столь частое явление в кинематографии (Лит. газета, 15 марта 1972); Выступившая на нем *председатель* Всенародного комитета болгаро-советской дружбы, член Политбюро ЦК БКП Цола Драгойчева говорила об огромной и решающей роли СССР в подготовке болгарских кадров (Известия, 17 марта 1972) и мн. др.» [4, с. 103].

Сторонники порождения новых феминативов полагают, что их отсутствие свидетельствует о осознанном или подсознательном принижении социальной роли женщин. Вот что утверждает, например, автор, охарактеризованный в интернете как «социальный исследователь и критик культуры», Марина Симанова: «Как правило, в русском языке те профессии, которые принято связывать с высоким статусом и ответственностью, имеют только мужскую форму – директор, автор, председатель, пилот и т. д. На это можно возразить, сказав, что все эти слова имеют иностранное происхождение, но подобное возражение ничего не объясняет: тот факт, что у профессии не нашлось женского аналога (не выработалось в процессе ассимиляции слова) или не было принято вместе с мужской версией из иностранного языка (если он там имеется), определённым образом говорит о той или иной культуре. Очевидно, что большинство людей, стоящих на

позициях гендерного равенства, видит в этом проблему. Принудительное введение феминитивов в речь представляет собой один из способов её разрешения»¹.

Утверждение о высоком статусе и ответственности тех профессий, обозначения которых не имеют феминитивов, может быть подтверждено и следующим наблюдением: «В литературном употреблении отмечен обширный разряд наименований лица в мужском роде, к которым нет параллельных соответствий женского рода. К ним относятся следующие существительные: официальные, административные и должностные, названия типа *премьер-министр, президент, министр, дипломат, посол, директор, адвокат, эксперт, референт, агент, фармацевт, врач* и т. д.; обозначения ученых степеней и званий типа *доктор наук, кандидат наук, профессор, доцент*; социально-оценочные характеристики и наименования типа *товарищ, член* (партии, профсоюза, правительства), *лауреат, герой, вождь, борец*; названия лиц по военным специальностям и служебным званиям типа *боец, воин, офицер, пилот, сержант, майор, минер, капитан* и мн. др.» [4, с. 100].

Однако, если исключить из рассмотрения наименования таких должностей и званий, которые долгое время были чисто мужскими (*сержант, майор, капитан*), и названия, для которых образование феминативов вызывает затруднения чисто словообразовательного характера (*электрик, машинист, пилот*), то отсутствие феминативов для многих профессий легко можно объяснить тем, что обозначения этих профессий редко употребляются в речи с целью вызывать в сознании адресатов образы конкретных людей.

¹ Пророкова М. Психология свободы: Насколько «авторка» и другие феминитивы вписываются в правила русского языка? [Электронный ресурс] // Furfur : [сайт]. URL: <http://www.furfur.me/furfur/freedom/howitworks/217475-feminitivy> (дата обращения: 18.03.2022).

Сравним следующие два ряда примеров:

(1) *В концерте примет участие солистка Государственного академического Большого театра; Сегодня мне надо принять отработки у одной нашей студентки; Я долго не мог купить бутылку воды, потому что буфетчица куда-то отлучилась.*

(2) *Наш терапевт посоветовала мне обратиться к кардиологу; Сегодня по радио выступит автор этой книги; Вы уже прочитали последний приказ ректора?*

Совершенно очевидно, что наименования людей из первого ряда примеров, как правило, используются для обозначения конкретных людей и, чтобы возбудить в сознании адресатов их образы, важна информация о гендере этих людей. В свою очередь, наименования должностей и статусов из второго ряда примеров гораздо чаще обозначают не реально наблюдаемых людей, а неких субъектов, существование которых предполагается наличием медицинского учреждения, книги или университета. Возбуждение в сознании адресатов конкретных образов этих людей, как правило, не требуется, и потому у носителей языка нет потребности в существовании в литературном языке слов **терапевтка*, **кардеологиня*, **авторка* или **ректорка*.

Заключение

В трудах В. Матезиуса и в других работах, посвящённых принципам определения норм литературного языка, перечисляется несколько критериев, позволяющих считать ту или иную языковую единицу соответствующей литературной норме. Это критерии исторической чистоты, регулярности и языковой практики. Однако относительная значимость каждого из этих критериев чётко не определена. В результате разные исследователи, придавая высокую значимость разным критериям, могут признавать нормативными различные варианты одной и той же языковой единицы: те варианты, которые соответствуют исторической традиции, варианты, реализующие регулярность языковых явлений, либо, наконец, варианты, отражающие языковую практику последних десятилетий. Представляется, однако, что наиболее значимым следует считать ещё один критерий – критерий соответствия варианта языковой единицы коммуникативным потребностям носителей рассматриваемого языка на данном этапе его развития. Есть основания ожидать, что именно варианты, соответствующие коммуникативным потребностям носителей языка, с течением времени вытеснят все прочие варианты.

Дата поступления в редакцию 13.04.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Архангельская А. Сексизм в языке: Мифы и реальность. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2011. 328 с.
2. Гловинская М. Я. Активные процессы в грамматике // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 185–267.
3. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. М.: АЙРИС-пресс, 1997. 448 с.
4. Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М.: Наука, 1976. 456 с.
5. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 400 с.
6. Зализняк А. А. Из заметок о любительской лингвистике. М.: Русский Мир; Московские учебники, 2009. 240 с.
7. Кондрашов Н. А. Славянские языки. М.: Просвещение, 1986. 239 с.
8. Матезиус В. Избранные труды по языкознанию. М.: УРСС, 2003. 232 с.
9. Мельников Г. П. В чем состоит своеобразие русского языка и какими факторами оно обусловлено // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 13–20.
10. Мельников Г. П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели. М.: Наука, 2003. 395 с.

11. Русская грамматика. В 2-х томах. Том I / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. 784 с.
12. Селищев А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917–1926). М.: Editorial URSS, Librokom, 2017. 250 с.
13. Тезисы Пражского лингвистического кружка (пер. В. А. Матвеевко) // Пражский лингвистический кружок / сост. и ред. Н. А. Кондрашов. М.: Прогресс, 1967. С. 17–41.
14. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. 372 с.
15. Федосюк М. Ю. «Недаром помнит вся Россия про день ... Бородино», или Почему перестают склоняться топонимы на *-ино*, *-ово* // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С. 333–341. DOI: 10.18384/2310-7278-2019-5-333-341
16. Фуфаева И. В. Как называются женщины: Феминитивы: история, устройство, конкуренция. М.: Corpus, 2020. 304 с.

REFERENCES

1. Arkhangel'skaya A. *Seksizm v yazyke: Mify i real'nost'* [Sexism in language: Myths and reality]. Olomouc, Univerzita Palackého v Olomouci Publ., 2011. 328 p.
2. Glovinskaya M. Ya. [Active processes in grammar]. In: *Sovremennyy russkiy yazyk: Aktivnyye protsessy na rubezhe XX–XXI vekov* [Modern Russian language: Active processes at the turn of the XX–XXI centuries]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008, pp. 185–267.
3. Golub I. B. *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of the Russian language]. Moscow, AYRIS-press, 1997. 448 p.
4. Graudina L. K., Itskovich V. A., Katlinskaya L. P. *Grammaticheskaya pravil'nost' russkoy rechi: Opyt chastotno-stilisticheskogo slovary variantov* [Grammatical correctness of Russian speech: Experience of the frequency-stylistic dictionary of variants]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 456 p.
5. Humboldt W. von. *Izbrannyye trudy po yazykoznaniyu* [Selected works on linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1984. 400 p.
6. Zaliznyak A. A. *Iz zametok o lyubitel'skoy lingvistike* [From Notes on Amateur Linguistics]. Moscow, Russkiy Mir; Moskovskiyе uchebniki Publ., 2009. 240 p.
7. Kondrashov N. A. *Slavyanskiye yazyki* [Slavic languages]. Moscow, Prosveshcheniyе Publ., 1986. 239 p.
8. Mathesius V. *Izbrannyye trudy po yazykoznaniyu* [Selected works on linguistics]. Moscow, URSS Publ., 2003. 232 p.
9. Mel'nikov G. P. [What is the originality of the Russian language and what factors determine it]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2012, no. 2 (40), pp. 13–20.
10. Mel'nikov G. P. *Sistemnaya tipologiya yazykov: Printsipy, metody, modeli* [System typology of languages: Principles, methods, models]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 395 p.
11. Shvedova N. Yu., ed. *Russkaya grammatika. V 2-kh tomakh. Tom I* [Russian grammar. In 2 volumes. Volume I]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 784 p.
12. Selishchev A. M. *Yazyk revolyutsionnoy epokhi. Iz nablyudeniye nad russkim yazykom (1917–1926)* [The language of the revolutionary era. From Observations on the Russian Language (1917–1926)]. Moscow, Editorial URSS Publ., Librokom Publ., 2017. 250 p.
13. Matveenko V. A., transl. [Abstracts of the Prague Linguistic Circle]. In: Kondrashov N. A., comb., ed. *Prazhskiy lingvisticheskiy kruzhok* [Prague Linguistic Circle]. Moscow, Progress Publ., 1967, pp. 17–41.
14. Trubetskoy N. S. *Osnovy fonologii* [Fundamentals of phonology]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoy literatury Publ., 1960. 372 p.
15. Fedosyuk M. Yu. ["Nedarom pomnit vsya rossiya pro den' ... Borodino", or why toponyms ending on *-ino*, *-ovo* stop to be declined]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2019, no. 5, pp. 333–341. DOI: 10.18384/2310-7278-2019-5-333-341
16. Fufayeva I. V. *Kak nazyvayutsya zhenshchiny: Feminitivy: istoriya, ustroystvo, konkurentsia* [What are women called: Femininitives: history, structure, competition]. Moscow, Corpus Publ., 2020. 304 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Федосюк Михаил Юрьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры сопоставительного изучения языков Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; e-mail: m.fedosyuk@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Michail Yu. Fedosyuk – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Comparative Language Studies, Lomonosov Moscow State University; e-mail: m.fedosyuk@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Федосюк М. Ю. Принципы исторической чистоты и прямолинейной регулярности в концепции В. Матезиуса и при определении норм русского литературного языка наших дней // Вестник московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 3. Т. 2. С. 51–60. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-2-51-60

FOR CITATION

Fedosyuk M. Yu. Fedosyuk M. Yu. Principles of historical purity and straightforward regularity in the conception of V. Mathesius and in determining norms of the Russian literary language of our days. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 3, vol. 2, pp. 51–60. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-2-51-60

УДК 81'27

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-2-61-71

ДИСКУРСИВНАЯ ТОЧНОСТЬ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Карасик В. И.

*Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина
117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6, Российская Федерация*

Аннотация

Целью работы является анализ категории коммуникативной лингвистики «дискурсивная точность».

Процедура и методы. Используются методы дефиниционного, контекстуального и интерпретативного анализа.

Основные результаты исследования состоят в выделении признаков дискурсивной точности, понимаемой как функционально обусловленное соотношение содержания речи и целей коммуникативной ситуации. Точность является градуальной категорией общения и специфична для разных его типов. Охарактеризованы особенности проявления дискурсивной точности и отклонения от неё в обиходном, художественном, деловом и научном дискурсе. Отклонения от дискурсивной точности могут быть намеренными и помимовольными, они состоят в нарушении уместности использования тех или иных способов и средств коммуникации, в отклонениях от принципов кооперации и вежливости общения, произвольном толковании содержания используемых знаков, содержательной рекурсивности информации (в банальности и тавтологичности), в неуместной транспозиции жанров, в логической несостоятельности высказываний, превращающих коммуникацию в абсурд. Обиходная неточность в речи обычно компенсируется паравербальными способами общения, в художественном дискурсе это характеристика речи персонажей либо признак низкого уровня произведения. Неточность в институциональном дискурсе приводит к потере значимости коммуникации в целом. Нарушения точности обозначения в деловом дискурсе делает договоры недействительными и рекламные тексты неэффективными. Неточность в научном тексте свидетельствует о непрофессионализме его авторов.

Теоретическая и практическая значимость. Теоретическая значимость работы состоит в уточнении категориального аппарата дискурсологии, её практическая ценность заключается в возможности применения полученных результатов в курсах коммуникативной лингвистики и теории дискурса. Представленный в статье фактический материал и полученные автором выводы вносят вклад в теорию языка, дискурсологию, а также могут быть использованы в учебных курсах по общему языкознанию, основам языкознания.

Ключевые слова: дискурсивная точность, обиходная коммуникация, художественная коммуникация, деловая коммуникация, научная коммуникация

DISCOURSE PRECISION: FUNCTIONAL CHARACTERISTICS

V. Karasik

Pushkin State Russian Language Institute

ulitsa Akademika Volgina 6, Moscow 117485, Russian Federation

Abstract

Aim. To analyze the category of communicative linguistics “discourse precision”.

Methodology. The methods of definitive, contextual and interpretative analysis have been applied.

Results. The main results of the research is a description of discourse precision treated as functionally determined correlation between the contents of speech and aims of communication. Such precision is a gradual category specific for different discourse types. The paper characterizes peculiarities of manifestation of discourse precision and its deviation in habitual, artistic, institutional and scientific communication. Deviations from discourse precision may be intentional and not deliberate. They consist in inappropriate use of various ways and means of communication, in digression from communication principles of cooperation and politeness, in arbitrary treating the signs used, in banalities and tautology and similar recursive sentences, in bizarre transposition of genres, in logical inconsistency which makes communication absurd. Habitual non-precision in speech is usually compensated by paraverbal means of communication, while non-precision in artistic creations is either a deliberate description of characters or evidence of the low level of the text. Deviation in institutional discourse makes the communication irrelevant, e.g. contracts turn out to be inoperative and advertisement ineffective. Non-precision in the scientific text indicates the lack of professionalism of its authors.

Research implications. The theoretical significance of the paper consists in the definition of discourse theory categories, its practical value may be presented as an opportunity to apply the results obtained in the courses of communication theory and discourse theory. Both the factual material presented in the article and the conclusions made by the author may be used in the development of the theory of linguistics, theory of discourse analysis, as well as in teaching of the general linguistics, introduction to linguistics.

Keywords: discourse precision, habitual communication, artistic communication, institutional communication, scientific communication

Введение

Вопрос о функциях языка неоднократно привлекал к себе внимание лингвистов. Основные подходы к решению этого вопроса сводятся к выделению коммуникативной, кумулятивной и структурно-семиотической функций, т. е. к признанию языка средством общения и вытекающим отсюда выделением воздействия, информирования и самовыражения, средством хранения культурно значимого опыта и средством означивания реальности.

Дискурсивное осмысление языковых функций представляет собой развитие коммуникативного подхода к пониманию и описанию языка и включает век-

торы ситуации, её участников и используемого кода, т. е. речи, погруженной в жизнь, по Н. Д. Арутюновой¹, или текста, погруженного в культурно релевантные обстоятельства [1–7; 9–11].

Ситуативный вектор использования языка сориентирован на достижение взаимопонимания между участниками общения и предполагает установление контакта и определение значимых характеристик тональности и режима коммуникации. Персональный вектор использования языка характеризует статусные, ролевые и индивидуальные признаки

¹ См.: Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.

участников общения. Текстуально-кодовый вектор предписывает помимовольный и намеренный выбор уместного способа общения и соответствующих ему языковых средств.

Функциональные типы коммуникации

Представляется возможным охарактеризовать использование языка с учётом основных типов коммуникации – обиходной, художественной, деловой и научной.

Назначение обиходной коммуникации – поддержание эмоционально-информационной интеракции между людьми, решающими конкретные вопросы целесообразной деятельности, по Ю. Хабермасу [8]. Эти социальные действия стремятся к минимальному использованию языковых средств. Такое общение в значительной степени строится на междометиях и их эквивалентах, дейктических знаках и формульных клишированных выражениях разговорной речи.

Назначение художественной коммуникации – эмоционально-образное воздействие на адресатов, направленное на возбуждение индивидуальных переживаний, имеющих трансцендентный смысл, который выходит за рамки повседневного обиходного опыта. Важнейшей характеристикой такого общения является фасцинация – очарование, возникающее в ходе эстетически и этически значимого восприятия реальности. Художественная коммуникация строится на использовании широкого диапазона различных языковых знаков и сложных ассоциаций, имеющих символическую ценность для участников общения.

Назначение деловой коммуникации в широком смысле слова – обеспечение выполнения целей, связанных с функционированием социума – это политический, педагогический, медицинский, военный, юридический, рекламный и другие типы дискурса. Важнейшей характеристикой такой коммуникации является её институциональная природа. Такая коммуни-

кация неизбежно включает ритуально значимые социальные действия, выполняемые как знаки принадлежности их участников определённой группе общества. Применительно к использованию языка такие знаки сводятся к клишированным формульным выражениям в их типичных жанровых разновидностях.

Назначение научной коммуникации – познание объективной действительности, объяснение связей между явлением и сущностью, построение моделей и различных прогностических инструментов преобразования реальности, закрепление установленных закономерностей в понятиях и терминах.

Выделенные типы коммуникации представляют собой одну из возможных исследовательских моделей, предназначенных для объяснения сущности языка. В рамках каждой модели можно выделить наиболее существенные понятия, которые позволяют целостно охарактеризовать тот или иной подход к изучению реальности. К числу таких понятий в науке о языке, рассматриваемой в коммуникативном ключе, относится точность.

Точность и неточность в обиходном общении

Объяснение точности в Большом толковом словаре русского языка включает четыре основных смысла прилагательного «точный»:

1. Строго, не приблизительно измеренный, вычисленный; максимально приближенный в своём числовом выражении к объективным данным (противопол.: приблизительно); || Характеризуемый строгостью, устанавливающий объективное число, количество и т. п. чего-либо. 2. Максимально, в деталях и подробностях исчерпывающий какое-либо объективное содержание, характеризующийся строгим, не приблизительным соответствием с ним. 3. Исполняемый в строгом, не приблизительном соответствии с расчётом; такой, как предусмотрен, намечен и т. п. 4. Имеющий ис-

*черпывающе определенный, конкретный смысл, значение и т. п.; строго обозначенный, недвусмысленный*¹.

Можно заметить, что эти смыслы характеризуют соизмеримость явлений, полноту их описания, соответствие исполнения замыслу, конкретность. Интегративным признаком этих смыслов является соотносительность объектов и их идеальных вариантов.

С позиций теории дискурса можно выделить основные разновидности точности и неточности применительно к четырём типам коммуникации.

Обиходная точность в общении состоит в уместности коммуникативного поведения. Вспомним, что Цицерон считал уместность важнейшим принципом общения. Следовательно, нарушения такой уместности будут выражаться как неточность. Например:

Сын: Мама, я вернулся!

Мама (не отрываясь от компьютера): Ну и где ж ты шлялся?

Сын: Мама, я из армии вернулся ... (пример наш – В. К.)

В этом абсурдном анекдоте показано существенное нарушение уместности использования разговорно-сниженной реплики в ответе матери. К подобным нарушениям можно отнести все отклонения от принципа кооперации, по П. Грайсу, или принципа вежливости, по Дж. Личу.

Такая неточность может быть стилистическим приёмом, предназначенным для привлечения внимания адресата:

– Девушка, вы уронили!

– ?

– Вы уронили моё сердце (пример наш – В. К.).

Молодой человек использует программируемый способ установления контакта с незнакомкой.

Обиходная неточность может быть выражена с помощью неуместного ис-

пользования слова. Например, в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»² одному из второстепенных персонажей задают вопрос, на который ожидается осмысленный краткий ответ, но вместо этого он произносит нечто странное:

– Ваше политическое кредо? – Всегда!

Первый вариант интерпретации этого ответа – говорящий не знает семантики слова «кредо» и воспринимает его как некую парольную речевую единицу со значением готовности к чему-либо. Второй вариант интерпретации – предельно свёрнутое эллиптическое высказывание, рематическим компонентом которого в ответе является акцентированная поддержка своих собеседников.

Достаточно интересны примеры общения только с помощью дейктических единиц:

Муж: Слушай, ты не знаешь, где это?

Жена: А ты там посмотри.

Муж: Ой, правильно! (пример наш – В. К.)

Такой диалог возможен между людьми, которые понимают друг друга практически без слов. Отсюда вытекает вывод о вторичности вербальных знаков общения в некоторых типах обиходного общения.

Точность и неточность в художественном общении

Художественная точность представляет собой яркое образное обозначение эстетически значимого переживаемого фрагмента реальности. Таковы строки Арсения Тарковского³:

*И если в дерево впиивается пила,
И око Божие затравленного зверя,
Как мутная вода, подвергивает мгла,
И мается дитя, своим врачам не веря,*

² Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. М.: Текст, 2022, 416 с.

³ Тарковский А. Дума [Электронный ресурс] // Аскбука литературы: [сайт]. URL: <https://www.askbooka.ru/stihi/arseniy-tarkovskiy/duma.html> (дата обращения: 10.03.2022).

¹ См.: Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. С. 902.

*И если изморозь ложится на хлеба,
Тайга безбрежная пылает предо мною,
Я не могу сказать, что такова судьба,
И горько верить мне, что я тому виною.*

Череда образов обречённых жертв (мёртвое железо и живое дерево, предсмертные муки затравленного зверя, страдания больного ребёнка, иней, уничтожающий колосья, лесной пожар) предшествует признанию поэта, который считает себя виновным за всё происходящее в мире зло.

Примеры художественной неточности весьма многочисленны и отчётливо показаны в пародиях на неудачные опыты стихотворцев. Показателен текст известного пародиста Александра Иванова¹:

*Стиляжьи штиблеты модерна
Порой не натянешь никак.
Но служит спокойно и верно
Разношенный ямба башмак.
(Осип Колычев)*

*Пусть помнят стилиаги и монстры,
Как, дверь запирая на крюк,
Ношу я свободно и просто
Поношенный ямба сюртук.
Пусть те, кто бесстыдно поносит
Меня за излюбленный штамп,
Поймут, что хотя я и Осип,
Но все-таки не Мандельштам!
Пусть те, кто не знает России,
Увидят меня за столом
В портах амфибрахия синих,
С нахмуренным гневно челом.
Извечный противник модерна,
Я с классикой с детства дружу.
С тех пор я спокойно и верно
В галоше хорея сижу!*

Неудачное в семантическом и фонетическом планах словосочетание «ямба башмак» получило насмешливую интер-

претацию в тексте пародиста. Критику вызвала идея странного сопоставления стихотворных размеров и одежды и обуви. Отметим, что странным в этом тексте является упоминание о Мандельштаме, но пародист прав, отметив использование штампа в исходном тексте. В тексте пародиста башмак превращается в галошу. Исходный и пародируемый тексты написаны трёхстопным амфибрахией, семантический ореол которого включает ассоциации спокойного размеренного движения, к которым по воле пародиста примкнули порты (т. е. штаны) синего цвета.

В наши дни возможности сетевого электронного общения вызвали к жизни поток стихотворных произведений, качество которых весьма сомнительно. Например:

*В нашей жизни всякое случается,
Многое мы помним, как сейчас.
Хоть с друзьями мы порой прощаемся,
Но других встречаем мы не раз (NN).*

*Конечно, разобраться в жизни сложно,
Но есть закон, и он для всех таков:
В любом краю, везде, где только можно,
Умело выбирай друзей или врагов (NN)².*

Художественная точность противоположна банальности. Констатация того, что в жизни всякое случается, уместна для утешения в бытовой ситуации. Автор напрасно вынес на суд общественности свои наблюдения, предельно бедные рифмы усиливают такое впечатление. Неудачным следует признать и второе четверостишие. Нарушения ритма подчёркивают содержательную несостоятельность такой псевдопоэзии.

Точность и неточность в деловом общении

Точность делового общения в его разных дискурсивных модусах заключается

¹ Иванов А. Пародии [Электронный ресурс] // Дневник Ника Туманова на LiveInternet: [сайт]. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/4676123/post245294002/> (дата обращения: 10.03.2022).

² Jayrin K. Wild. Примеры плохих стихов [Электронный ресурс] // Арда на куличках: [сайт]. URL: <http://www.kulichki.com/tolkien/forum/showthread.php?t=2263> (дата обращения: 10.03.2022).

в соблюдении жанрового канона. Так, в рекламном дискурсе, продвигающем тот или иной товар или стиль жизни, должны быть показаны яркие запоминающиеся характеристики рекламируемого продукта, определены его достоинства, при этом выполнены те предписания, нарушение которых вызовет санкции со стороны контролирующих организаций и общественности. Нельзя в рекламном тексте давать информацию, понижающую статус продуктов, производимых иными компаниями, такое действие повлечёт за собой судебный иск. Нежелательно перечислять слишком много характеристик продвигаемого продукта, такая информация не запомнится. Нужно отметить, что в ряде случаев копирайтеры намеренно нарушают некоторые нормы рекламного общения, например, допуская пошлые ассоциации или оскорбляя население. Например: *Вольво – автомобиль для тех, кто мыслит* (пример наш – В. К.).

В наши дни получил широкое распространение дисклеймер – правовая оговорка, отказ от ответственности или ограничение ответственности. Например, в продвижении какого-либо лекарства: *«Имеются противопоказания. Перед применением проконсультируйтесь с врачом»*. Или другие примеры: *«Данное видео носит исключительно развлекательный характер и не имеет цели кого-то оскорбить, все мнения высказанные автором являются оценочными суждениями и не направлены на оскорбление, уничижение достоинства человека»*, *«Все события в данном видео вымышленные. Любое сходство с реальными событиями случайно»*¹. Отметим, что этот жанр деловой коммуникации возник в англосаксонской юридической практике как попытка уйти от ответственности за размещение той или иной информации, которая мог-

ла принести кому-либо ущерб. В нашей стране такие оговорки не имеют юридической силы и не дают освобождения от ответственности. Интересны примеры шуточного обыгрывания дисклеймера: *«При создании электронного игрового продукта не было нанесено ущерба ни одному пикселю»* (пиксель – это точка, используемая для отображения изображения на экране или в печатном виде; видна аллюзия к дисклеймерам экологической тематики).

Договор – соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей – в обязательном порядке должен включать следующие пункты: 1) название договора; 2) дата оформления договора; 3) ФИО участников или организаций, составляющих договор; 4) описание сути – предоставляемые услуги, трудовые взаимоотношения, купля-продажа; 5) обязанности сторон; 6) права сторон; 7) гарантии; 8) форс-мажорные обстоятельства; 9) ответственность сторон; 10) реквизиты участников. Отсутствие любого из названных компонентов либо случайное или умышленное их искажение делает договор недействительным.

Случайный или намеренный перенос жанровых особенностей обиходного дискурса в институциональный превращает общение в абсурд:

— Доктор, я заболел! Что делать?

— Выздоровливайте скорее!

— Спасибо, доктор! (пример наш – В. К.).

Стандартное благопожелание в его формульном выражении вполне уместно в обиходном дискурсе, но от специалиста ждут профессиональной рекомендации.

Точность и неточность в научном общении

Точность в научном общении в максимальной степени соответствует требованиям объективности полученных знаний, их измеримости и доказательности.

¹ Каржин М. Дисклеймер. Что это такое. Объяснения и примеры [Электронный ресурс] // Dramtezi.ru: Блог рекламиста : [сайт]. URL: <https://dramtezi.ru/zametki/diskleymer.html> (дата обращения: 10.03.2022).

Прежде всего, точность относится к определениям. Покажем различие между обиходным и научным определениями понятия «объяснение»:

«Объяснение – 1. Сообщение кому-л. информации, которая делает что-л. ясным, понятным или более лёгким для понимания, использования и т. п., а также слова, текстовый отрезок, содержащие такую информацию. 2. Указание причины чего-л., а также сама эта причина, ее существо; вообще причина чего-л., вызывающая вопросы, непонимание, интерес. 3. Разговор с кем-л. с целью внести ясность относительно своих поступков, поведения, спорных моментов во взаимоотношениях (в ситуациях напряженности, разлада в отношениях)»¹.

«Объяснение – познавательная процедура, направленная на обогащение и углубление знаний о явлениях реального мира посредством включения этих явлений в структуру определенных связей, отношений и зависимостей, дающей возможность раскрыть существенные черты данного явления. ... В структуре объяснения как познавательной процедуры можно выделить следующие элементы: 1) исходное знание об объясняемом явлении (т. н. экспланандум), 2) знания, используемые в качестве условия и средства объяснения, позволяющие рассмотреть объясняемое явление в контексте определенной системы или структуры (т. н. основания объяснения, или, эксплананс), 3) познавательные действия, позволяющие применить знания, выступающие в качестве оснований объяснения, к объясняемому явлению»².

«Объяснение – функция познания, науки, научной теории, реализуемая через логико-методологическую процедуру экспликации сущности одного предмета,

явления, события, действия и т. д. (объясняемое, “новое”) через другое (объясняющее, “наличное”), имеющее статус достоверного, “очевидного”, понимаемого. Противостоит пониманию. ... Научное О. должно отвечать, как минимум, двум требованиям: 1) адекватности – его аргументы и характеристики должны иметь непосредственное отношение к предметам, явлениям, событиям, которые они объясняют; 2) принципиальной проверяемости (непосредственно или через свои следствия). По своей логической структуре О. представляет рассуждение или умозаключение, посылки которого содержат информацию, необходимую для обоснования такого рассуждения (умозаключения)»³.

В обиходном общении объяснение толкуется как коммуникативное действие, направленное на достижение понимания чего-либо, и средства, с помощью которых это действие осуществляется. В научном дискурсе определяются существенные признаки объяснения как способа познания, включающие: 1) сопоставление сущностей, 2) использование прежнего знания для получения нового, 3) установление релевантности новой информации, 4) доказательство проверяемости этой информации, 5) определение рассуждения как логической формы этого типа познания. Обратим внимание на то, что для научного определения объяснения существенным оказывается его противопоставление пониманию (процесс противопоставлен результату). В обиходном дискурсе акцентируются внешние признаки объяснения, в научном – его внутренние существенные признаки. Эти признаки образуют формульную структуру научного знания.

Проиллюстрируем признак релевантности в интерпретации результатов научных исследований. Заслуживает внимания понятие «ограничение» (limitation),

¹ Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. С. 711.

² Швырев В. С. Объяснение // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2010. С. 137.

³ Абушенко В. Л. Объяснение // Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Минск: Изд-во В. М. Скакун, 1998. С. 451.

активно используемое в изложении научных наблюдений в англоязычной академической традиции. Приведу пример формулировки ограничений в одной из диссертаций:

“The CDA research method limits the study because it is a subjective process relying on the researcher’s experience and knowledge of the methodology, skill at critiquing the data, and awareness and management of his biases. The inherent limitation of CDA is a deliberate absence of neutrality. The researcher is looking for evidence of discourses of power. The approach leaves the methodology open to criticism that the analyst can or will identify data supporting his or her hypotheses. Additionally, small sample sizes often make it difficult to generalize findings to a larger population” [10, p. 10]. – *Метод критического дискурса-анализа накладывает ограничение на исследование, поскольку является субъективным процессом, относящимся к опыту исследователя, его знаниям методологии, умениям критически анализировать материал и пониманию возможных искажений в интерпретации. Критическому анализу дискурса внутренне присуще ограничение, которое заключается в намеренном отсутствии нейтральности. Исследователь ищет основания для выявления дискурса силы. Такой подход делает эту методологию открытой для критики, состоящей в том, что аналитик может приводить данные, подтверждающие его или её гипотезу. В дополнение к этому малое количество примеров часто приводит к затруднениям при формулировке выводов, относящихся к широким массам населения (перевод наш – В. К.).*

Принято считать, что научное рассмотрение любого вопроса должно быть максимально беспристрастным для построения объективной картины мира. Этот принцип является аксиомой в точных и естественных науках, однако в гуманитарных исследованиях исключение наблюдателя из описания положения дел не всегда осуществимо, а в определённых областях знания вряд ли возможно. В

приведённом отрывке автор перечисляет те условия наблюдения, которые ограничивают такую объективность описания.

Точность формулировок в научном дискурсе приводит к использованию определённых языковых способов, например, разграничиваются простые и категоричные условия: с одной стороны, «если», с другой – «если, и только если».

Неточность в научном дискурсе обычно строго осуждается. Приведу пример неточного определения:

«Пространство определяется нами как понятийная языковая категория и результат отражения взаимодействия объективного мира с человеческим сознанием, репрезентирующая реальную действительность в понятиях, которые трансформируются в знаки языка» (NN) (пример наш – В. К.).

В этой формулировке можно увидеть тавтологию (понятийная категория – отражение действительности в понятиях – сознание, репрезентирующее действительность в понятиях). Если в обиходном общении рекурсивность, т. е. повторение сказанного без выражения новой информации, может в определённых ситуациях быть уместной, то в научном дискурсе такая коммуникативная практика вызывает критику, поскольку подобные фразы не содержат прироста нового знания.

Существенным недостатком в научном дискурсе является произвольный субъективный отбор материала исследования. Приведу выдержку из рецензии на одну из статей, присланных в научный журнал:

«Рецензируемая статья посвящена описанию способов выражения эмоции страха в художественном тексте.

В статье выделены и проиллюстрированы следующие типы страха: страх перед социумом, перед нарушителями норм социума, перед вышестоящими, перед сверхъестественным, перед свободой действия, перед тюрьмой, а также страх тишины.

Автор не объясняет, почему именно эти причины страха рассматриваются

в проанализированном романе и что они контекстуально уточняют по сравнению с содержательным минимумом, фиксирующим эту эмоцию в словарных дефинициях.

Складывается впечатление о субъективности и произвольности отбора приведённых характеристик страха. Не объясняется, почему названные причины страха рассматриваются как прагматические.

Статья лишена теоретической структуры, представляет собой перечисление текстовых примеров и нуждается в существенной доработке.

Резюме: *Не рекомендую статью к публикации» (NN) (пример наш – В. К.).*

Перечисленные в статье типы страха в определённой мере напоминают известную классификацию животных в рассказе Х. Л. Борхеса «Аналитический язык Джона Уилкинса»: «а) принадлежащих Императору, б) набальзамированных, в) прирученных, г) молочных поросят, д) сирен, е) сказочных, ж) бродячих собак, з) включённых в эту классификацию, и) бегающих как сумасшедшие, к) бесчисленных, л) нарисованных тончайшей кистью из верблюжьей шерсти, м) прочих, н) разбивших цветочную вазу, о) похожих издали на мух»¹. Перед нами перечисление, представляющее собой откровенную насмешку над классификацией как таковой либо эпикриз как диагностическое свидетельство шизофрении.

Неуместное смешение научного или академического и обиходного типов дискурса превращает общение в абсурд:

Умерла пожилая преподавательница ленинградского филфака. На похоронах попросили выступить её ближайшую подругу. Старушка долго не могла начать от душивших её слез. Потом прерывающимся голосом сказала:

– Любовь Лазаревна была замечательным человеком ... Всю жизнь она посвятила изучению английских неправильных глаголов...

И тут голос её стал крепнуть:

– Английские неправильные глаголы можно разделить на следующие три основные категории ... (пример наш – В. К.).

Прощальное слово не должно превращаться в лекцию.

Заключение

Дискурсивная точность представляет собой функционально обусловленное соотношение содержания речи и целей коммуникативной ситуации, является градуальной категорией общения и специфична для разных его типов. В обиходном общении дискурсивная точность состоит в установлении однозначного понимания эмоционального состояния и интенций участников общения, в художественной коммуникации – в достижении фасцинативного воздействия на адресатов с помощью различных знаков, имеющих символический смысл, в деловом общении – в соблюдении жанровых канонов различных типов институционального взаимодействия, в научном дискурсе – в выявлении существенных характеристик познаваемой реальности и их закреплении в формульных знаках. Отклонения от дискурсивной точности могут быть намеренными и помимовольными, они состоят в нарушении уместности использования тех или иных способов и средств общения, произвольном толковании содержания используемых знаков, содержательной рекурсивности информации (в банальности и тавтологичности), в неуместной транспозиции жанров, в логической несостоятельности высказываний, превращающих коммуникацию в абсурд.

Дата поступления в редакцию 11.04.2022

¹ Борхес Х. Л. Аналитический язык Джона Уилкинса // Электронная библиотека RuLit. URL: <https://www.rulit.me/books/analiticheskij-yazyk-dzhona-uilkinsa-read-138140-1.html> (дата обращения: 10.03.2022).

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьева В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: монография. Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного технического университета, 2007. 288 с.
2. Демьянков В. З. *Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. Текст: Сборник статей к 70-летию Т. М. Николаевой / отв. ред. В. Н. Топоров. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 34–55.*
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
4. Кибрик А. А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126–139.
5. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
6. Тюпа В. И. Дискурсные формации: очерки по компаративной риторике: монография; 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2018. 274 с.
7. Blommaert J. Pragmatics and discourse // *The Cambridge Handbook of Sociolinguistics* / ed. R. Mesthrie. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 122–137.
8. Habermas J. *The Theory of Communicative Action. Vol. 1. Reason and the Rationalization of Society.* London: Heinemann, 1984. 465 p.
9. Lemke J. J. *Textual Politics: Discourse and Social Dynamics.* London: Taylor and Francis, 1995. 208 p.
10. Rankin J. E. *The Conspiracy Theory Meme as a Tool of Cultural Hegemony: a Critical Discourse Analysis: A Dissertation submitted to Fielding Graduate University for the degree of Doctor of Philosophy in Human and Organizational Systems. Published by ProQuest, 2017. 133 p.*
11. Slembrouck S. *Discourse Analysis // The Routledge Handbook of Linguistic Ethnography / ed. by K. Tusting. London: Routledge, 2019. P. 28–39.*

REFERENCES

1. Grigor'yeva V. S. *Diskurs kak element kommunikativnogo protsessa: pragmalingvisticheskiy i kognitivnyy aspekty* [Discourse as an element of the communicative process: pragmalinguistic and cognitive aspects]. Tambov, Tambov State Technical University Publ., 2007. 288 p.
2. Dem'yankov V. Z. [Text and discourse as terms and as words of ordinary language]. In: *Yazyk. Lichnost'. Tekst: Sbornik statey k 70-letiyu T. M. Nikolayevoy* [Language. Personality. Text: Collection of articles for the 70th anniversary of T. M. Nikolaeva]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2005, pp. 34–55.
3. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow, Gnozis Publ., 2004. 390 p.
4. Kibrik A. A. [Cognitive studies of discourse]. In: *Voprosy yazykoznaneya* [Topics in the Study of Language], 1994, no. 5, pp. 126–139.
5. Makarov M. L. *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of the theory of discourse]. Moscow, Gnozis Publ., 2003. 280 p.
6. Tyupa V. I. *Diskursnyye formatsii: ocherki po komparativnoy ritorike* [Discourse formations: essays on comparative rhetoric]. Moscow, Yurayt Publ., 2018. 274 p.
7. Blommaert J. Pragmatics and discourse. In: Mesthrie R., ed. *The Cambridge Handbook of Sociolinguistics*. Cambridge, Cambridge University Press, 2011, pp. 122–137.
8. Lemke J. J. *Textual Politics: Discourse and Social Dynamics.* London, Taylor and Francis, 1995. 208 p.
9. Rankin J. E. *The Conspiracy Theory Meme as a Tool of Cultural Hegemony: a Critical Discourse Analysis: A Dissertation submitted to Fielding Graduate University for the degree of Doctor of Philosophy in Human and Organizational Systems. Published by ProQuest, 2017. 133 p.*
10. Slembrouck S. *Discourse Analysis.* In: Tusting K., ed. *The Routledge Handbook of Linguistic Ethnography*. London, Routledge, 2019, pp. 28–39.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карасик Владимир Ильич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина;
e-mail: vkarasik@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir I. Karasik – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute;
e-mail: vkarasik@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Карасик В. И. Дискурсивная точность: функциональные характеристики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 3. Т. 2. С. 61–71.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-2-61-71

FOR CITATION

Karasik V. I. Discourse precision: functional characteristics. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 3, vol. 2, pp. 61–71.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-2-61-71

УДК 81.366

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-2-72-79

ОПОСРЕДОВАННЫЙ ДИАЛОГ С ПОЗИЦИЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Максименко О. И.,¹ Беляков М. В.²

¹ Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

² Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации

119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76, Российская Федерация

Аннотация

Цель данной работы рассмотреть опосредованное электронной медийной средой взаимодействие профессиональных дипломатов с позиций функциональной лингвистики средствами конверсационного анализа.

Процедура и методы. Проведён анализ случайной выборки выступлений официального представителя Белого дома США Дж. Псаки и реакций на них официального представителя МИД России М. В. Захаровой методами функциональной лингвистики и модифицированного конверсационного анализа.

Результаты. Доказано, что конверсационный анализ внешнеполитического диалога в рамках функциональной лингвистики расширил понимание использования различных языковых практик, определил разговор во взаимодействии в качестве динамического процесса с возможностью нарушения правила разговора *hic et hoc* и переключением стилистических кодов. В отличие от дискурсивно-ориентированного анализа, подход конверсационного анализа к корпусу «диалогов» (высказываний – комментариев к нему) имеет тенденцию фокусироваться на примерах, которые разделяют не только форму, но и тип действия. Однако модель опосредованного электронной медийной средой «диалога» позволяет осуществлять коммуникацию поликодовыми средствами, включая иконические, с некоторой временной отсрочкой. Важнейшими для опосредованного диалога остаются динамика развития контекста, смысл передаваемых реплик, включая имплицитный, экстралингвистические детали взаимодействия, последовательность реплик-реакций, т. е. базовые характеристики коммуникативного аспекта функциональной лингвистики.

Теоретическая и/или практическая значимость состоит в подтверждении и расширении знаний в области функциональной лингвистики на сферу внешнеполитической коммуникации, опосредованной электронной медийной средой. Предложен принцип смещённой агональности как один из вариантов заочной коммуникации во внешнеполитическом дискурсе.

Ключевые слова: функциональная лингвистика, конверсационный анализ, диалог, агональность, внешнеполитический дискурс

MEDIATED DIALOGUE FROM THE POINT OF VIEW OF FUNCTIONAL LINGUISTICS

O. Maksimenko¹, M. Belyakov²

¹ *Moscow Region State University*

ulitsa Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

² *Moscow State Institute of International Relations (University)*

of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

prospekt Vernadskogo 76, Moscow 119454, Russian Federation

Abstract

Aim is to consider the interaction of professional diplomats mediated by the electronic media from the point of view of functional linguistics by means of conversational analysis.

Methodology. The analysis of random sample of speeches the official representative of the US White House, J. Psaki and the reactions to them of the official representative of the Russian Foreign Ministry, M.V. Zakharova, by the methods of functional linguistics and modified conversational analysis, was carried out.

Results. It is proved that the conversational analysis of the foreign policy dialogue within the framework of functional linguistics deepened the understanding of the use of various linguistic practices, defined the conversation in interaction as a dynamic process with the possibility of violating the *et hoc* conversation rule and switching stylistic codes. In contrast to discourse-oriented analysis, the approach of conversational analysis to the corpus of "dialogues" (statements – comments to them) tends to focus on the examples that share not only the form, but also the type of action. However, the model of the "dialogue" mediated by the electronic media allows communication by polycode means, including the iconic ones, with some temporary delay. The dynamics of the context development, the meaning of the transmitted replicas, including the implicit, extralinguistic details of interaction, the sequence of replicas-reactions, i.e. the basic characteristics of the communicative aspect of functional linguistics, remain the most important for the mediated dialogue.

Research implications. Theoretical significance consists in confirming and expanding knowledge in the field of functional linguistics to the sphere of foreign policy communication mediated by the electronic media. The principle of displaced agonality is proposed as one of the options for correspondence communication in foreign policy discourse.

Keywords: functional linguistics, conversational analysis, dialogue, agonality, foreign policy discourse

Введение

Функциональный подход к языку, разрабатываемый Вилемом Матезиусом ещё в начале XX века, превратился в одно из наиболее актуальных направлений современной лингвистики – функциональную лингвистику, рассматривающую язык с точки зрения его роли в коммуникации. В современной лингвистике идея, что язык невозможно описать без обращения к его основным функциям – коммуникативной и эпистемической – не подвергается сомнению. Но именно члены Пражско-

го лингвистического кружка, к которому принадлежал и В. Матезиус, в 1929 г. сформулировали тезис о том, что язык является функциональной целенаправленной системой средств выражения.

За последние десятилетия вербальная коммуникация, превратившись в составную часть коммуникации мультимодальной, претерпела немало изменений, хотя её целью по-прежнему является, с одной стороны, передача информации, а с другой – организация диалога и речевое воздействие на участников коммуникации.

Под диалогом в классическом понимании этого слова подразумевается процесс общения, как правило, вербального, между двумя (или более) участниками процесса, исходно происходящего *hic et hoc*. Однако современные средства коммуникации, в первую очередь электронные, расширили понимание диалога, во многих случаях убрав компонент *hic et hoc* и превратив диалог в опосредованный, т. е. осуществляемый с локальным и темпоральным сдвигом. Одним из лингвистически интересных примеров такого диалога может считаться своего рода «заочный», опосредованный электронной медийной средой диалог в рамках открытого дипломатического дискурса [1].

Методы и языковой материал

Одним из способов, которым можно исследовать коммуникацию в форме диалога, является разговорный анализ как метод изучения многих параметров диалогической речи [4; 11]. Разговорный анализ – эмпирический метод, возникший, в первую очередь, в социологии с целью изучения поведения и социального порядка взаимодействия коммуникантов между собой. Постепенно интерес исследователей сместился от социального взаимодействия в сторону лингвистического взаимодействия. Цель разговорного метода в этом варианте изменилась – стали изучать то, как лингвистические средства формируют интерактивные практики. Теперь этот метод позволяет устанавливать взаимосвязи между структурами разговора, социальными практиками и ожиданиями коммуникантов, на основании которых последние выбирают определённую модель поведения и интерпретируют поведение других [3].

В более широком смысле разговорный анализ – строгий и систематичный метод изучения социальной интеракции вообще, не ограниченный рамками разговорных феноменов [7]. Со временем разговорный анализ превратился в

междисциплинарный подход к изучению речевых взаимодействий и используется в социологии, психологии, антропологии, лингвистике, речевой коммуникации. В разговорном анализе многообразие интеракционных феноменов не отбирается на основе заранее сформулированных теорий, которые определяют большую или меньшую значимость того или иного признака. Сейчас в качестве языкового материала могут выступать аудио- и видеозаписи, существующие в интернете и представленные в виде письменного текста (полный текст интервью, публичных дебатов, официальных выступлений и пр.) [2].

Любой разговор происходит в соответствии с разработанной в рамках разговорного анализа теоретической моделью, которая используется для более глубокого понимания структуры разговора. В фокусе исследователя находятся различные интеракционные аспекты разговора: динамика развития контекста, смысл передаваемых реплик, детали взаимодействия, смена и последовательность реплик, мотивация слушания, конкуренция за слово и др. [5].

Организация очередности является фундаментальной составляющей любой интеракции. Основной базовый принцип разговорного анализа заключается в понимании разговора как последовательности действий, реализуемых в порядке очереди. Анализ очередности сосредоточен на двух основных моментах: на какие единицы может быть поделена очередность, и как эти единицы распределены между говорящими [8].

Такие понятия разговорного анализа, как организация последовательности, передача слова, сами по себе стали объектами исследований [9; 10]. С точки зрения разговорного анализа исследуется целый ряд традиционных морфосинтаксических вопросов: анафора, нулевая анафора, объединение клауз, экстрапозиция, транзитивность, референция, порядок слов, комплементаторы, ад-

позиции, цитативы, демонстративы и др. Исследования лингвистической направленности в разговорном анализе при изучении разговора во взаимодействии охватывают множество лингвистических ресурсов и практик, с помощью которых участники разговора конструируют взаимодействие.

В процессе общения каждый участник постоянно принимает решения о том, когда вступить в разговор и как закончить свой коммуникативный ход, при этом фиксируется практика разговора. Подробное отображение всех нюансов позволяет открывать и описывать новые техники разговора, особенно если коммуникация происходит в медийной среде, и есть возможность повторного просмотра видеозаписи / анализа транскрипта результатов коммуникации. Различные слышимые особенности речи часто вызывают у людей соответствующие реакции. Такими особенностями могут являться: продолжительность пауз, смена интонаций, громкость, ускорение и замедления темпа и т. д.

При проведении разговорного анализа особое внимание уделяется пониманию контекста. Он всегда зависит от определённой ситуации, не являясь при этом элементом внешних обстоятельств или характеристикой участников. Общение реализуется в большом количестве ситуаций и может быть определено во множестве внешних факторов. Каждый разговор воспроизводится по повторяющимся схемам и определяется некоторым набором правил, которые известны участникам до его осуществления. Организация любого диалога имеет структурное ядро (фразу, клаузу и пр.). В то же время контекст формирует взаимодействие между участниками и постоянно актуализирует его: создаются определённые условия, в рамках которых возможно последующее развитие разговора. Контекст постоянно изменяется под влиянием действий коммуникантов.

Описание исследования

Постоянно меняющийся международный контекст во многом определяет роль России. Внимание к стране, её внутренней и внешней политике беспрецедентно – в подавляющем большинстве международных мероприятий, происходящих как в Европейском Союзе, так и в США, речь заходит о РФ. Выступления мировых лидеров, касающиеся нашей страны, становятся доступны в виде оцифрованных видеофайлов, а также письменных текстов, в которых присутствуют оценки, комментарии и прямые угрозы, на которые вынуждены реагировать как российские дипломаты, так и политические лидеры. Такую интеракцию можно рассматривать в качестве дистантного опосредованного агонального диалога, действующего по модели разговорного анализа.

Одним из примеров может служить цепочка выступлений официальных медийных лиц, представляющих внешнеполитические ведомства США и РФ. Наиболее ярким примером служат выступления официального представителя Белого дома США Дж. Псаки и официального представителя МИД России М. В. Захаровой. Дж. Псаки известна противоречивыми выступлениями, а также резкими высказываниями о России. По её собственным заявлениям, этот негативный имидж в российских СМИ объясняется «российской пропагандой». Дж. Псаки является известной медийной фигурой в России и неоднократно была объектом критики во многом благодаря оговоркам и путанице, которую она допускала при обсуждении вопросов внешнеполитического дискурса. Наиболее известными стали её высказывания про природный газ, который «транспортируется по газопроводу из Западной Европы через Украину в Россию», угрозы послать флот США к берегам Белоруссии и традиционное «мне нужно уточнить в офисе»¹.

¹ Захарова раскритиковала Псаки и упрекнула ее

Строго говоря, официальные должности Дж. Псаки и М. В. Захаровой не совпадают, однако именно их выступления неизменно вызывают интерес как с лингвистической, так и с экстралингвистической точки зрения, являясь примером смещённой агональности.

Для проведения исследования методом случайной выборки был отобран ряд выступлений Дж. Псаки и реакция на них М. В. Захаровой за период январь – март 2022 г.

Предлагаемая по результатам анализа коммуникативная модель включает несколько значимых элементов:

1. Выступление Дж. Псаки происходит перед журналистами в фиксированном месте (зале для брифингов) на родном (английском) языке. Видео выступления доступно в медийной электронной среде. Реципиенты – в первую очередь журналисты международных агентств.

2. Для русскоговорящей аудитории выступление предлагается в переводе.

3. Реакция М. В. Захаровой на такое выступление размещается спустя непродолжительное время на её официальных Twitter- и Telegram-каналах на русском языке. Реципиенты – как подписчики каналов, так и широкая аудитория в целом.

По модели конверсационного анализа разговор, как правило, не может быть завершён «простой остановкой» и требует специальной последовательности завершения, однако реакция Дж. Псаки на комментарии М. В. Захаровой широкой русскоговорящей аудитории в большинстве своём неизвестна. Таким образом, происходит опосредованная медийной средой коммуникация: высказывание → реакция. Высказывание оформляется в рамках официального стиля, реакция – разговорного, с элементами иронии,

вплоть до включения в вербальную реакцию иконических элементов.

Например, 03.02.2022 во время брифинга Дж. Псаки состоялся следующий диалог с журналистами:

Вопрос: На прошлой неделе вы говорили, что российское вторжение [на Украину] неизбежно / неминуемо (*imminent*). Вы и другие [американские] официальные лица использовали это слово. Но вчера постпред США при ООН Линда Томас-Гринфилд заявила, что она бы воздержалась от использования слова *неизбежно*. Она не считает, что российское вторжение на Украину неизбежно. Поясните, пожалуйста, каковы в этой связи ваши оценки на текущий момент.

Джен Псаки: Я использовала это слово один раз. И остальные тоже. Потом мы прекратили использовать его, потому что оно посылало сигнал, который мы не намеревались посылать – как будто бы мы знали, что Президент Путин принял решение. Я бы сказала, что в большинстве случаев я говорила, что он может вторгнуться в любое время. Это правда, но мы всё ещё не знаем, принял ли он решение.

Вопрос: То есть, решение таково, что вы не описываете его как неизбежное?

Джен Псаки: Уже больше недели как не использовала¹.

М. В. Захарова в своём Telegram-канале иронично отреагировала на высказывание Дж. Псаки по поводу «неизбежного вторжения», напомнив предыдущее высказывание про лису и курятник (ранее Дж. Псаки сравнила «Россию с лисой, кричащей с крыши курятника о страхе перед курами») и использовав для этого высказывание с известной коллокацией «хайли-лайкли» и три эмодзи (лису, курицу и «сумасшедшее» лицо как иконический синоним кукушки, явля-

в некомпетентности [Электронный ресурс] // Рамблер: [сайт]. URL: <https://news.rambler.ru/politics/47915677-zaharova-raskritikovala-psaki-i-upreknula-ee-v-nekompetentnost> (дата обращения: 12.04.2022).

¹ Псаки заявила об отказе США назвать российскую агрессию на Украине неминуемой [Электронный ресурс] // Известия: [сайт]. URL: <https://iz.ru/1286082/2022-02-03/psaki-zaiavila-ob-otkaze-ssha-nazvat-rossiiskuiu-agressiu-na-ukraine-nemинуемой> (дата обращения: 12.04.2022).

ющейся интертекстом к известному роману «Пролетая над гнездом кукушки» К. Кизи (1962)). «Хайли-лайкли на смену лисам 🦊 и курам 🐔 прилетели кукушки 😊»¹. Стилистика комментариев М. В. Захаровой остаётся критичной к своему оппоненту и является по сути завершением коммуникации по текущей ситуации. Необходимо отметить, что при прямой дипломатической коммуникации в рамках открытого профессионального дипломатического дискурса подобное переключение стилистических кодов невозможно. Такое речевое поведение характерно агональному (сопоставительному) дискурсу в терминах В. И. Карасика, противопоставляемому этикетному / кооперативному дискурсу [6], в рамках которого происходит, как минимум, прилюдное высмеивание оппонента. Особенность анализируемой коммуникативной ситуации состоит в том, что реакция М. В. Захаровой смещена по времени и месту (Дж. Псаки, напомним, выступает перед «живой» аудиторией, М. В. Захарова – в электронной среде Telegram-канала), таким образом реализуется смещённая агональность опосредованной коммуникации.

На брифинге 21.03.2022 Дж. Псаки заявила, что власти США не просили компании [после введения односторонних санкций] уходить с российского рынка, это было самостоятельное решение бизнеса². М. В. Захарова в своём Telegram-канале написала: «Как и Северный поток-2 – трубопровод сам решил не пропускать через себя газ», комментируя высказывание пресс-секретаря Белого дома³. Такая модель отражает очерё-

дность в обычном разговоре, но вновь в рамках смещённой агональности. Институциональные формы взаимодействия, включая внешнеполитический и дипломатический диалог / полилог, имеют свою организацию очерёдности (высказывание – комментарий к нему), отличающуюся от предложенной Х. Саксом модели. Тем не менее, важно учитывать, что коммуниканты не могут выполнять какие-либо социальные действия, не получив для этого возможности, и, следовательно, этот принцип в той или иной степени используется повсеместно.

Заключение

Конверсационный анализ углубил понимание того, как в разговоре используются различные языковые практики, а также определил разговор во взаимодействии в качестве динамического процесса, разворачивающегося во времени, в отличие от статических подходов, характерных для более раннего периода изучения разговоров. Также, в отличие от дискурсивно-ориентированного анализа, подход конверсационного анализа к корпусу «диалогов» (высказываний – комментариев к нему) имеет тенденцию фокусироваться на примерах, которые разделяют не только форму, но и тип действия. Однако модель опосредованного электронной медийной средой «диалога» позволяет осуществлять коммуникацию поликодовыми средствами, включая иконические, с некоторой временной отсрочкой. Важнейшими для опосредованного диалога остаются динамика развития контекста, смысл передаваемых реплик, включая имплицитный, экстралингвистические детали взаимодействия, последовательность реплик-реакций, т. е. базовые характеристики коммуникативного аспекта функциональной лингвистики.

Дата поступления в редакцию 15.04.2022

[ru/20220322/organizatsii-1779363080.html?rcmd_alg=COL6&rcmd_id=1779948896](https://www.mosobl-univ.ru/20220322/organizatsii-1779363080.html?rcmd_alg=COL6&rcmd_id=1779948896) (дата обращения: 12.04.2022).

¹ Профиль Марии Захаровой // Telegram: [сайт]. URL: t.me/MariaVladimirovnaZakharova/1811 (дата обращения: 12.04.2022).

² Белый дом заявил, что американские компании сами решили уйти из России [Электронный ресурс] // РИА Новости: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20220321/kompanii-1779356952.html> (дата обращения: 12.04.2022).

³ Захарова высмеяла заявление Псаки об уходе западных организаций из России [Электронный ресурс] // РИА Новости: [сайт]. URL: <https://ria.ru/>

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляков М. В., Максименко О. И. Эхо-фразы внешнеполитического дискурса // Военно-гуманитарный альманах. Серия «Лингвистика». Вып. 6. Язык. Коммуникация. Перевод: материалы XV Международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации. М.: Военный университет Министерства обороны РФ, 2021. С. 127–137.
2. Демина М. А. Фонетическая составляющая разговорного анализа // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 5 (821). С. 35–46.
3. Исупова О. Г. Конверсационный анализ: представление метода // Социология: методология, методы, математическое моделирование (социология: 4М). 2002. № 15. С. 33–52.
4. Корбут А. М. Говорите по очереди: нетехническое введение в конверсационный анализ // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. № 1. С. 120–141.
5. Улановский А. М. Феноменология разговора: метод конверсационного анализа // Вопросы психолингвистики. 2016. № 27. С. 218–237.
6. Шейгал Е. И., Дешевова В. В. Агональность в коммуникации: структура понятия // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 34 (171). С. 145–148.
7. Goodwin C., Heritage J. Conversation analysis // Annual Review of Anthropology. 1990. Vol. 19. P. 283–307. DOI: 10.1146/annurev.an.19.100190.001435.
8. Kasper G., Wagner J. Conversation analysis in applied linguistics // Annual Review of Applied Linguistics. 2014. Vol. 34. P. 171–212. DOI: 10.1017/S0267190514000014.
9. Schegloff E. A. Overlapping talk and the organization of turn-taking for conversation // Language in society. 2000. Vol. 29. Iss. 1. P. 1–63. DOI: 10.1017/S0047404500001019.
10. Schegloff E. A. Sequence organization in interaction. Vol. I. A primer in conversation analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 318 p.
11. The handbook of conversation analysis / eds. Sidnell J., Stivers T. Chichester: John Wiley & Sons, 2012. 848 p.

REFERENCES

1. Belyakov M. V., Maksimenko O. I. [Echo-phrases of foreign policy discourse]. In: *Voyenno-gumani-tarnyy al'manakh. Seriya «Lingvistika». Vyp. 6. Yazyk. Kommunikatsiya. Perevod: materialy XV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii po aktual'nym problemam teorii yazyka i kommunikatsii* [Military humanitarian almanac. Series "Linguistics". Issue. Language. Communication. Translation: Proceedings of the XV International Scientific Conference on Actual Problems of the Theory of Language and Communication]. Moscow, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation Publ., 2021, pp. 127–137.
2. Demina M. A. [The phonetic component of conversation analysis]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanitarian Sciences], 2019, no. 5 (821), pp.35–46.
3. Isupova O. G. [Conversion Analysis: Presentation of the Method]. In: *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoye modelirovaniye (sotsiologiya: 4M)* [Sociology: methodology, methods, mathematical modeling (Sociology: 4M)], 2002, no. 5, pp. 33–52.
4. Korbut A. M. [Turn-talking: non-technical introduction to conversation analysis]. In: *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Russian Sociological Review], 2015, vol. 14, no. 1, pp. 120–141.
5. Ulanovskiy A. M. [Phenomenology of conversation: method of conversation analysis]. In: *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2016, no. 27, pp. 218–237.
6. Sheygal Ye. I., Deshevova V. V. [Agonality in communication: the structure of the concept]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2009, no. 34 (171), pp. 145–148.
7. Goodwin C., Heritage J. Conversation analysis. In: *Annual Review of Anthropology*, 1990, vol. 19, pp. 283–307. DOI: 10.1146/annurev.an.19.100190.001435.
8. Kasper G., Wagner J. Conversation analysis in applied linguistics. In: *Annual Review of Applied Linguistics*, 2014, vol. 34, pp. 171–212. DOI: 10.1017/S0267190514000014.
9. Schegloff E. A. Overlapping talk and the organization of turn-taking for conversation. In: *Language in society*, 2000, vol. 29, iss. 1, pp. 1–63. DOI: 10.1017/S0047404500001019.

10. Schegloff E. A. Sequence organization in interaction. Vol. I. A primer in conversation analysis. Cambridge, Cambridge University Press, 2007. 318 p.
11. Sidnell J., Stivers T., eds. The handbook of conversation analysis. Chichester, John Wiley & Sons, 2012. 848 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Максименко Ольга Ивановна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики лингвистического факультета Московского государственного областного университета;
e-mail: maxbel7@yandex.ru;

Беляков Михаил Васильевич – кандидат филологических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой русского языка Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации;
e-mail: belmax@hotmail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga I. Maksimenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Theory of Language, English and Applied Linguistics, Faculty of Linguistics, Moscow Region State University;
e-mail: maxbel7@yandex.ru;

Michail V. Belyakov – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Deputy Head, Department of the Russian Language, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;
e-mail: belmax@hotmail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Максименко О. И., Беляков М. В. Опосредованный диалог с позиций функциональной лингвистики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 3. Т. 2. С. 72–79.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-2-72-79

FOR CITATION

Maksimenko O. I., Belyakov M. V. Mediated dialogue from the point of view of functional linguistics. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 3, vol. 2, pp. 72–79.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-2-72-79

УДК 811.162

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-2-80-86

ЧЕШСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОРПУС КАК ОСНОВНОЙ ИТОГ РАЗВИТИЯ ТРАДИЦИЙ ПРАЖСКОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КРУЖКА В ЧЕШСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ В XX ВЕКЕ

Изотов А. И.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Целью настоящего исследования является рассмотрение Чешского национального корпуса как основного инструмента лингвистического анализа в современной богемистике.

Процедура и методы. Представлен состав Чешского национального корпуса, включающий в себя, помимо 4,9-миллиардной серии SYN (современные чешские письменные тексты), также десятки иных корпусов, как, например, Пражский разговорный корпус, Брненский разговорный корпус, корпус публичных выступлений 14 чешских президентов от Эдуарда Бенеша до Милоша Земана, корпус записи школьных уроков, корпус школьных сочинений детей мигрантов и т. д. Рассмотрены результаты использования корпусного материала в области грамматики, лексикографии и также лингвокультурологии.

Результаты. Показана продуктивность обращения к материалам корпуса в исследованиях в самых разных областях лингвистического исследования.

Теоретическая и/или практическая ценность. Рассмотренный материал и полученные на его основе выводы могут быть использованы для дальнейших исследований в области грамматики, лексикологии и лексикографии, а также лингвокультурологии.

Ключевые слова: Чешский национальный корпус, корпусные исследования, грамматика, лексикография, лингвокультурология

THE CZECH NATIONAL CORPUS AS THE MAIN RESULT OF THE DEVELOPMENT OF THE TRADITIONS OF THE PRAGUE LINGUISTIC CIRCLE IN CZECH LINGUISTICS IN THE XX CENTURY

A. Izotov

*Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 199991, Russian Federation*

Abstract

Aim. The purpose of this study is to consider the Czech National Corpus as the main tool of linguistic analysis in modern Bohemian studies.

Methodology. The composition of the Czech National Corpus is presented. The Czech National Corpus includes, in addition to the 4.9 billion SYN series (modern Czech written texts), dozens of other corpora such as the Prague Colloquial Corpus, the Brno Colloquial Corpus, the Corpus of public speeches of 14 Czech presidents from Eduard Beneš to Miloš Zeman, the Corpus of recorded school lessons, the Corpus of school essays written by migrants etc. The present study considers the results of the use of Corpus material in the field of grammar, lexicography and linguoculturology.

Results. The effectiveness of referring to the corpus materials in research in various fields of linguistics is shown.

Research implications. The material presented in the paper, as well as the conclusions based on its analysis can be used for further research in the field of grammar, lexicology and lexicography, as well as linguoculturology.

Keywords: Czech National Corpus; corpora studies; grammar; lexicography; linguoculturology

Введение

По свидетельству основательницы советской школы богемистики заслуженного профессора МГУ имени М. В. Ломоносова и почётного доктора Карлова университета в Праге А. Г. Широковой, академик Б. Гавранек – один из тех пятых, которые, встретившись 6 октября 1926 г. в английском семинаре В. Матеиуса на Велеславиновой улице, решили основать Пражский лингвистический кружок, – часто говорил, что «языкознание – наука точная». Имелось в виду, как при необходимости поясняла А. Г. Широкова, что ценность лингвистической работы – не в искусном «плетении словес» и не в рождённых «на кончике пера» оригинальных концепциях, а в убедительности эмпирического материала, в основу данной работы лёгшего. Для чешских членов Пражского лингвистического кружка всегда очень много значила опора на эмпирический материал, в частности на огромную картотеку Института чешского языка Академии наук Чехии, который считает датой своего возникновения образование в 1910 г. «Канцелярии картотеки чешского языка».

1. Чешский национальный корпус как один из наиболее успешных проектов подобного типа в мире

С учётом сказанного неудивителен интерес, проявленный чешскими лингвистами к корпусным исследованиям, ставшим возможными в результате стремительного развития в последние десятилетия XX в. вычислительной техники и интернета, когда появились сравнительно недорогие персональные компьютеры, а также Мировая паутина, способная соединить эти разбросанные по всей стра-

не или даже по всему миру персональные компьютеры с физическим местом хранения корпуса, так что общедоступным стало то, чем ранее могли заниматься единицы.

Разрабатываемый с 1994 г. в Карловом университете Чешский национальный корпус (ЧНК)¹ сегодня бесспорно принадлежит к числу наиболее успешных проектов подобного типа в мире.

1.1. SYN2000 как первый крупный корпус, входящий в состав ЧНК

Уже к 2000 г. для всех заинтересованных лиц был открыт бесплатный онлайн-доступ к первому из входящих в его состав крупных корпусов – к 100-миллионному SYN2000, образованному современными письменными чешскими текстами (количество токенов, включая знаки пунктуации – 120 908 724, количество токенов без знаков пунктуации – 100 061 381, количество несовпадающих словоформ – 1 763 813, количество несовпадающих исходных форм слов – 891 713, количество предложений – 7 639 321, количество целых текстов – 233 797). SYN2000 – корпус **референтный**, то есть его состав уже не редактируется, что позволяет проводить верификацию полученных с его помощью данных, и **репрезентативный**, то есть включает в себя тексты различных функциональных стилей и жанров (в случае с SYN2000 входящие в него тексты были маркированы как *Beletrie* ‘беллетристика’ с более дробным делением: NOV ‘романы’, COL ‘рассказы и повести’, FAC ‘литература факта’, VER ‘стихи’, SON ‘песни’, SCR ‘драматургия’, IMA ‘иные художе-

¹ Český národní korpus [Электронный ресурс]. URL: <https://ucnk.ff.cuni.cz/cs> (дата обращения: 15.03.2022).

ственные жанры, как *Odborná literatura* 'специальная литература' с более дробным делением на *SCI* 'научные тексты', *POP* 'научно-популярные тексты', *TXB* 'учебные тексты', *ENC* 'алфавитные или тематические справочники', *ADM* 'административные тексты'; и, наконец, как *Publicistika* 'публицистика' с более дробным делением; *PUB* 'газеты и журналы' *MIS* 'иные публицистические тексты').

Составители SYN2000 исходили из того, что письменный текст не только отражает языковую действительность, но и формирует её, звуча в сознании читателя всякий раз, когда им прочитывается (вслух или про себя), и тем самым непосредственно влияет на идиолек данного читателя, а через этот идиолек – и на прочие соответствующие идиомы национального языка, а потому включили в его состав то, что чаще всего читалось, в соответствии со специально для этого проведёнными социологическими исследованиями, жителями Чешской республики на рубеже тысячелетий. Как оказалось, речь шла прежде всего о публицистике (60%), на втором месте была специальная литература (25%) и лишь на третьем – беллетристика (15%). В этом соотношении публицистические, специальные и художественные тексты и представлены в SYN2000, при этом доля того или иного автора, или той или иной газеты также непосредственно зависит от их популярности.

1.2. Серия корпусов современных письменных текстов SYN, входящая в состав ЧНК

В настоящее время в серию современных письменных текстов SYN входят также четыре стомиллионных референтных репрезентативных корпуса с иным процентным соотношением публицистических, специальных и художественных текстов (SYN2005, SYN2010, SYN2015, SYN2020) и три референтных корпуса публицистических текстов (трёхсотмиллионный SYN2006pub, семисотмиллионный

SYN2009pub и девятисотмиллионный SYN2013pub). Поскольку тексты, входящие в названные корпуса, не совпадают, возможно их объединение в один общий корпус с совокупным объёмом **около 4,9 миллиардов** токенов. Все эти корпуса размечены, поэтому поиск в них возможен по словоформе, по лексеме, по грамматической матрице, а также по любой их возможной комбинации. Предусмотрена также возможность объединения в один любой комбинации названных корпусов, а также возможность формирования собственных корпусов из текстов, в данные корпуса входящих. Например, Б. Дичев, создав на базе Чешского национального корпуса свой собственный виртуальный корпус, состоящий из романа Я. Гашека о бравом солдате Швейке, проанализировал с помощью обслуживающего ЧНК программного обеспечения (доступного в полном объёме и в подобных случаях) особенности употребления в данном романе обценной лексики, см. [2]. В принципе можно создавать подобные виртуальные корпуса для анализа языка самых различных авторов, гендерных и возрастных групп, функциональных стилей, жанров и т. п.

1.3. Иные корпуса, входящие в состав ЧНК

Кроме серии SYN, в состав Чешского национального корпуса входит ещё полсотни корпусов, в том числе нереперентный **6-миллиардный** корпус чешского сектора интернета ONLINE, 2-миллионный корпус школьных сочинений детей мигрантов *CzeSl-plain*, 2,5-миллионный корпус всех произведений К. Чапека *Carpek_uplny*, миллионный корпус всей публицистики Карла Гавличека Боровского *KH-NOVINY*, 85-миллионный корпус переводов на чешский язык *JEROME*, 1,8-миллионный корпус лингвистических научных текстов *LINK*, 2,1-миллионный референтный репрезентативный корпус неформальной устной чешской речи с двухуровневым (орфо-

графический + фонетический) скриптом ORTOFON, 5,4-миллионный референтный корпус неформальной устной чешской речи на территории Чехии, Моравии и Силезии, 490-тысячный брненский корпус устной речи, включающий в себя записи 90-х годов прошлого столетия ВМК, 675-тысячный пражский корпус устной речи РМК, 223-тысячный референтный корпус устной диалектной речи с двухуровневым скриптом DIALEKT, 790-тысячный устный корпус школьных уроков SCHOLA2010, 215-тысячный устный корпус публичных выступлений 14 чешских президентов от Эдуарда Бенеша до Милоша Земана SPEECHES, 38-миллионный устный корпус выступлений в чешском парламенте в 1993–2021 гг. Parliament, 3,4-миллионный на сегодняшний день размеченный диахронический корпус DIAKORP, формируемый чешскими текстами с XIV по XX вв., **1,8-миллиардный** в его нынешней версии многоязычный корпус InterCorp с параллельными (оригинальный + переводные) текстами на 42 языках.

Поэтому неудивительно, что корпусный материал используется современными богемистами самым активным образом, ср., например, уже опубликованный первый том подготовленной на корпусном материале «Большой академической грамматики литературного чешского языка» [7].

1.4. Корпус как источник эмпирического материала беспрецедентного объёма

Обращение к электронному корпусу позволяет немислимым ранее образом ускорить сбор и обработку эмпирического материала. Так, словарь басен Крылова¹, составлявшийся его автором Кимягровой Р. С. практически в течение всей её жизни, сейчас мог бы быть подготовлен (при наличии в электронном корпусе со-

ответствующих текстов) за пару месяцев не очень напряжённой работы.

1.4.1. Корпус и грамматика

Возможность не в разы, а на порядки ускорить обработку эмпирического материала позволяет оперативно оценивать стремительно меняющуюся языковую ситуацию. Например, в работе О. И. Черчук «Отражение реалий коронавируса мира в зеркале неологизмов чешского языка» [1] на материале Чешского национального корпуса и поддерживаемой отделением современной лексикологии и лексикографии Института чешского языка Академии наук Чехии электронной базы Neomat было проанализировано функционирование в современном чешском дискурсе 1284 чешских неологизмов, возникших в связи с пандемией КОВИД-19.

Однако дело не только в том, что какие-то исследования при опоре на корпус можно выполнить быстрее, чем без такой опоры. Немислимый ещё недавно объём эмпирического материала (нетрудно подсчитать, что целой жизни не хватит, чтобы просто прочитать вслух тексты, формирующие названный выше 4,9-миллиардный SYN, ведь при 120 словах в минуту и 16 часах чтения в день без выходных и праздничных дней на это уйдёт более 100 лет) позволяет достоверно проанализировать те явления языковой периферии, описание которых ранее зависело от интуиции исследователя. При этом может случиться, что те или иные общепринятые положения придётся существенно корректировать или даже опровергать. Например, корпусное обследование чешского редкого партиципального типа на -(v)ší, осуществлённое в работе М. Гигера [3], опровергает как минимум три положения, прочно вошедших в чешскую академическую и школьную традиции. Во-первых, раньше было принято считать, что данные формы, появившиеся в чешском языке в XIX веке

¹ Кимягрова Р. С. Словарь языка басен Крылова. М.: Оникс – Мир и Образование – Русские словари, 2006. 928 с.

под влиянием русских причастий типа (с)делающий в результате языкотворческой деятельности патриотически настроенных чешских интеллектуалов, в современном письменном дискурсе если и употребляются, то исключительно в текстах научных (и прежде всего гелертерских), где они служат целям смысловой конденсации дискурса (вместе с иными формами глагольной транспозиции), а также в текстах художественных – с целью стилизации последних под старину (анахронически, поскольку, как мы только что отметили, эти формы в чешском языке появились довольно поздно). Однако М. Гигер обнаружил полторы тысячи (!) контекстов употребления этих форм в корпусах SYN2006pub и SYN-2009pub, образуемых современными публицистическими текстами (где их, как считалось ранее, не должно было быть вообще, ведь это и не научные, и не художественные тексты). Во-вторых, рассматриваемые формы в чешской академической традиции принято обозначать как «адъективированные деепричастия». Исследование М. Гигера показало, что соотносительные с данными формами деепричастия типа (u)dělav, (u)dělavši, (u)dělavše / (při)nes, (při)nesši, (při)nesše встречаются в тех же текстах на порядок реже, а потому не могут на синхронном уровне мотивировать более частотные формы, которые тем самым следует считать производными не от деепричастия, а от инфинитива. В-третьих, ранее считалось, что в современном дискурсе данные образования если и встречаются, то это формы лексикализованные, как, например, přeživší – не просто ‘переживший’, а ‘бывший узник гитлеровского концентрационного лагеря’. Исследование М. Гигера продемонстрировало, что речь идёт хотя и о довольно редком, однако всё же парадигматическом явлении, так как было документировано употребление подобных форм у семи сотен разных глаголов.

1.4.2. Корпус и лексикография

Корпус бесценен для лексиколога и лексикографа, так как он позволяет при составлении словаря исходить не из неких умозрительных соображений, а из реальной употребительности тех или иных лексем в современных текстах. Крупнейший отечественный специалист по сербской лексикологии и лексикографии В. П. Гудков (1934–2020) любил повторять, что если в словаре есть слово «правый», то должно быть и слово «левый». Это звучит вполне логично, однако язык асимметричен и порой языковые феномены (особенно феномены языковой периферии) ведут себя не так, как мы этого от них ожидаем. В частности, в связи с «правым» и «левым» вспомним древне-русские слова, обозначающие «правую руку» (десница) и «левую руку» (шуйца). Первое слово продолжает функционировать в современном русском дискурсе (например, на уроке литературы в школе, когда проходят пушкинского «Пророка»), а второе – нет.

Чешские коллеги, издав в одном томе¹ переработанную чешско-русскую часть классического словаря семидесятых годов², радостно исключили из словника всё, что, по их мнению, относилось к ушедшей в прошлое «коммунистической» эпохе, например, слова **menševický** меньшевистский, **předříjnový** дооктябрьский, **trockist**||а, -у т троцкист т и т. д. Однако эти и им подобные «коммунистические» слова продолжают функционировать в современном чешском дискурсе, регулярно воспроизводясь в многочисленных ретро-произведениях о том, как страдали чехи при «тоталитаризме». Поэтому при составлении наших словарей³

¹ Velký česko-ruský slovník / M. Sádliková a kol. Voznice: LEDA, 2005. 1408 s.

² Чешско-русский словарь / под редакцией Л. В. Копецкого, Й. Филиппа, О. Лешки. В 2 томах. М.: Советская энциклопедия; Прага: Государственное педагогическое издательство, 1976. Т. 1. 580 с.; Т. 2. 861 с.

³ Изотов А. И. Новый чешско-русский словарь:

мы проверяли каждую словарную статью по корпусу современных текстов, материал которого определял в конечном итоге и состав словника, и количество приводимых словарных значений, и порядок следования этих значений.

Обращение к корпусу позволяет учитывать статистический аспект при составлении не только частотных, но и иных словарей. Постулировав наличие на большей части современной Чешской республики (приблизительно две трети её западной части) языковой ситуации, близкой к классической диглоссии в понимании Ч. Фергюсона, когда в качестве «высокого идиома» выступает литературный чешский язык (*spisovná čeština*), а в качестве «низкого» идиома так называемый «обиходно-разговорный чешский язык» (*obecná čeština*), П. Сгалл и Й. Гронек предложили около тысячи соответствий «слово обиходно-разговорного чешского языка» – «слово или словосочетание литературного чешского» [6]. Использование материала серии SYN позволяет определить как абсолютную, так и относительную частотность предлагаемых П. Сгаллом и Й. Гронек

около 100 000 слов и выражений. М.: Дрофа, 2012. 1024 с.; Изотов А. И. Учебный чешско-русский и русско-чешский словарь: около 40 000 слов и словосочетаний. М.: Филоматис, 2014. 832 с.

лексических единиц в современном чешском письменном и устном дискурсе, см. [5, с. 111–126].

1.4.3. Корпус и лингвокультурология

Являясь своего рода огромной энциклопедией, хотя и организованной не парадигматически, а синтагматически, корпус может быть весьма полезен и лингвокультурологу. Так, проверив встречаемость в текстах SYN2000, отмеченных в словаре культурной грамотности Э. Д. Хирша¹ (разделы «Литература», «Мифология», «Фольклор»), мы тем самым очертили зоны пересечения культурных компетенций современного американца и современного чеха (см. [4]).

Заключение

Таким образом, создание Чешского национального корпуса с полным правом можно рассматривать как основной итог развития традиций Пражского лингвистического кружка в чешской лингвистике в XX веке, выдвинувший, как и столетие назад, чешскую лингвистику на мировой уровень.

Дата поступления в редакцию 19.04.2022

¹ Dictionary of Cultural Literacy / E. D. Hirsch, Jr., J. F. Kett, J. Trefil. Boston: Houghton Mifflin Company, 1988. 586 p.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черчук О. И. Отражение реалий коронавирусного мира в зеркале неологизмов чешского языка // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2021. № 5. С. 71–79.
2. Dichev B. Drsný jazyk Haškova „Švejka“ z pohledu cizojazyčného bohemisty // Nová čeština doma & ve světě. 2012. № 1. S. 33–44.
3. Giger M. Participiální systém češtiny a pozice přičestí minulého činného na -(v)š- v něm // Čmejrková S., Hoffmannová J., Klímová J. Čeština v pohledu synchronním a diachronním. Stoleté kořeny Ústavu pro jazyk český. Praha: Nakladatelství Karolinum, 2012. S. 567–574. DOI: 10.5167/uzh-80476.
4. Izotov A. I. American Cultural Literacy Phenomena in the Mirror of Czech National Corpus: Literature, Mythology, Folklore. Moscow: Azbukovnik, 2010. 200 p.
5. Lingvistika – korpus – empirie / eds. J. Bílková, I. Kolářová, M. Vondráček. Praha: Ústav pro jazyk český AV ČR, v. v. i., 2020. 244 s.
6. Sgall P., Hronek J. Čeština bez příkras. Praha: H&H, 1992. 182 s.
7. Velká akademická gramatika spisovné češtiny. I., Morfologie. Druhy slov, tvoření slov. 2 svazky / Štícha Fr., Kolářová I., Vondráček M., Bozděchová I., Bílková J., Osolsobě K., Kochová P., Opavská Z., Šimandl J., Kopáček L., Veselý V. Praha: Academia, 2018. 1148 s.

REFERENCES

1. Cherchuk O. I. [Realities of the coronavirus world reflected in the mirror of neologisms in Czech]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Moscow University Philology Bulletin], 2021, no. 5, pp. 71–79.
2. Dichev B. Drsný jazyk Haškova „Švejka“ z pohledu cizojazyčného bohemisty. In: *Nová čeština doma & ve světě*, 2012, no. 1, S. 33–44.
3. Giger M. Participiální systém češtiny a pozice přičestí minulého činného na -(v)š- v něm. In: Čmejrková S., Hoffmannová J., Klímová J. *Čeština v pohledu synchronním a diachronním. Stoleté kořeny Ústavu pro jazyk český*. Praha, Nakladatelství Karolinum, 2012, S. 567–574. DOI: 10.5167/uzh-80476.
4. Izotov A. I. American Cultural Literacy Phenomena in the Mirror of Czech National Corpus: Literature, Mythology, Folklore. Moscow, Azbukovnik Publ., 2010. 200 p.
5. Bílková J., Kolářová I., Vondráček M., eds. *Lingvistika – korpus – empirie*. Praha, Ústav pro jazyk český AV ČR, v. v. i., 2020. 244 s.
6. Sgall P., Hronek J. *Čeština bez příkras*. Praha, H&H, 1992. 182 s.
7. Štícha Fr., Kolářová I., Vondráček M., Bozděchová I., Bílková J., Osolsobě K., Kochová P., Opavská Z., Šimandl J., Kopáčková L., Veselý V. *Velká akademická gramatika spisovné češtiny. I., Morfologie. Druhy slov, tvoření slov. 2 svazky*. Praha, Academia, 2018. 1148 s.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Изотов Андрей Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: a.i.izotov@mail.ru;

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey I. Izotov – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Slavic Philology, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: a.i.izotov@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Изотов А. И. Чешский национальный корпус как основной итог развития традиций пражского лингвистического кружка в чешской лингвистике в XX веке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 3. Т. 2. С. 80–86.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-2-80-86

FOR CITATION

Izotov A. I. The Czech national corpus as the main result of the development of the traditions of the Prague linguistic circle in Czech linguistics in the XX century. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 3, vol. 2, pp. 80–86.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-2-80-86

УДК 81

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-2-87-101

МИКРОБЛОГ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ РЕКЛАМНОГО ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА

Ахренова Н. А.¹, Милякова В. В.²

¹ Государственный социально-гуманитарный университет
140410, Московская обл., г. Коломна, ул. Зеленая, д. 30, Российская Федерация

² Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Целью написания статьи является описание микроблогов социальной сети Инстаграм¹ как наиболее успешного сегмента рекламного интернет-дискурса, имеющего наивысшую степень персуазивного воздействия на ментальную сферу реципиентов.

Процедура и методы. В ходе написания статьи использовались следующие методы исследования: наблюдение, анализ и синтез, классификация, понятийное моделирование, сопоставление и др.

Результаты. Проведённый анализ показал, что развитие современного общества происходит благодаря воздействию информационно-коммуникационных технологий, которые оказывают влияние на обмен информацией в процессе общения и способы выстраивания межличностных отношений, а также на досуговую, игровую деятельность человека, которая трансформируется в мир киберпространства, в котором формируется виртуальная идентичность человека, получившая название виртуальной языковой личности, что в значительной степени упростило взаимодействие представителей рынка товаров и услуг и конечного потребителя.

Теоретическая и практическая значимость. Полученные в работе результаты служат углублению знаний и представлений о рекламном интернет-дискурсе, могут быть использованы при составлении и чтении лекций, проведении семинарских и практических занятий по общему языкознанию, межкультурной коммуникации, стилистике текста, интернет-коммуникации и журналистике, цифровой экономике, дискурс-анализу, английскому языку, в том числе будут полезны для представителей рекламной и PR-сферы. Выводы авторов углубляют понимание природы и механизмов вербального и невербального общения, тем самым вносят вклад в теорию коммуникации, а также дополняют теорию дискурса, теорию рекламы, теорию речевых жанров, уточняют и расширяют их категориально-понятийный аппарат в свете рекламной интернет-коммуникации.

Ключевые слова: микроблог, персуазивное воздействие, виртуальная языковая личность, е-культура, киберпространство

MICROBLOGGING AS A KIND OF INTERNET ADVERTISING DISCOURSE

N. Akhrenova¹, V. Milyakova²

¹ State University of Humanities and Social Studies
30 ulitsa Zelenaya, Kolomna 140411, Moscow Region, Russian Federation

² Moscow Region State University
24 ulitsa Very Voloshinoi, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

© CC BY Ахренова Н. А., Милякова В. В.

¹ Instagram принадлежит компании Meta – признана экстремистской организацией и запрещена на территории Российской Федерации.

Aim. The aim of this article is to describe the microblogging of the social network Instagram¹ as the most successful segment of the advertising Internet discourse, which has the highest degree of persuasive impact on the mental sphere of recipients.

Methodology. While writing this article, the following methods were employed: observation, analysis and synthesis, classification, conceptual modeling, comparison, etc.

Results. The analysis revealed that the development of modern society is due to the impact of information technologies, which affect the information exchange in the process of communication and ways of building interpersonal relationships, as well as leisure and gaming activities of a person that transform into cyberspace, in which a virtual identity of a person is formed. This type of artificial personality is called virtual linguistic personality. These factors significantly simplified the interaction between the sellers of goods and services and the consumers.

Research implications. The results obtained in the work serve to deepen knowledge and ideas about Internet advertising discourse, can be used in the preparation and delivery of lectures, seminars and practical classes on general linguistics, intercultural communication, text stylistics, Internet communication and journalism, digital economy, discourse analysis, English. They can also be useful for representatives of advertising and PR-sphere. The conclusions of the authors deepen the understanding of the nature and mechanisms of verbal and non-verbal communication, thereby contributing to the theory of communication, and also they complement the discourse theory, the advertising theory, the speech genres theory, clarifying and expanding their categorical and conceptual apparatus in the light of Internet advertising communication.

Keywords: microblogging, persuasive impact, virtual linguistic personality, e-culture, cyberspace

Введение

В последние десятилетия всё большее количество коммуникаций осуществляется в глобальной сети – интернете: «усиливается интенсивность использования языка в Сети, возникает особая коммуникативная среда, особое место его функционирования – коммуникативное пространство, которое оказывает все более интенсивное влияние на лингвистику Интернета – новое направление лингвистического анализа, изучающее особенности функционирования языка в Интернете с позиций именно лингвистического знания» [1, с. 105]. Кроме того, «по мере развития сети Интернет и его концепций (веб 1.0 – веб 2.0 – веб 3.0) стало ясным, что все ключевые лингвистические понятия – “слово”, “текст”, “жанр”, “дискурс” и т. д. в коммуникативном пространстве Интернет ... начинают переосмысливаться и переопределяться» [2, с. 123].

Современные технологии занимают значительную часть времени современного человека. Спрос рождает предложение,

поэтому и появляется масса новых платформ. Согласно исследованиям, проводимым компанией “We are social”, среднестатистический пользователь проводит в соцсетях почти 7 часов ежедневно².

Под социальными сетями понимаются различные платформы в интернете, с помощью которых пользователи могут общаться и устанавливать отношения. Они обладают следующими свойствами, представленными на рис. 1.

Социальные сети создают абсолютно уникальные возможности для пользователей. Изначально они представляли собой некое хранилище информации. Сейчас же социальные сети используются практически во всех сферах нашей жизни и упрощают обучение, общение и даже совершение покупок [6]. Всё это получается возможным, благодаря основным характеристикам и общей философии технологий Веб 2.0 [5], которые представлены на рис. 2.

¹ Instagram is owned by Meta, recognized as an extremist organization and banned in the Russian Federation.

² Герасюкова М. Чуть меньше сна: сколько времени россияне сидят в интернете // Газета.Ru. URL: https://www.gazeta.ru/tech/2020/02/12/12956929/we_are_social.shtml (дата обращения: 10.12.2021).

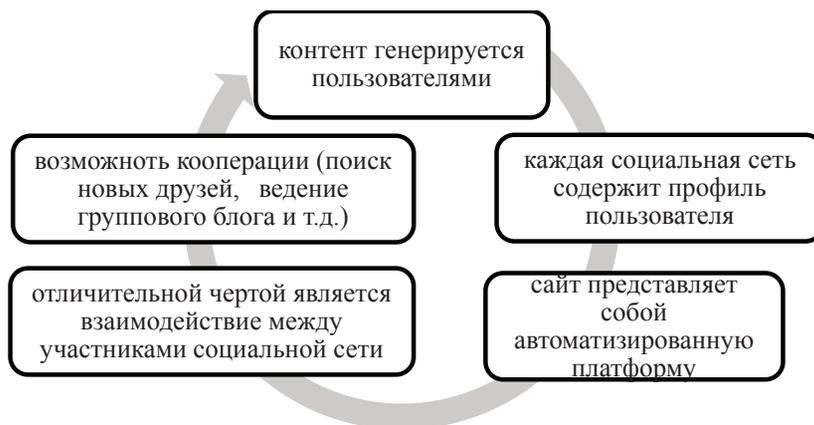

Рис. 1 / Fig. 1. Свойства социальных сетей / Properties of social networks.

Источник: Социальные сети [Электронный ресурс] // TAdviser : [сайт]. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Социальные_сети (дата обращения: 10.02.2022)

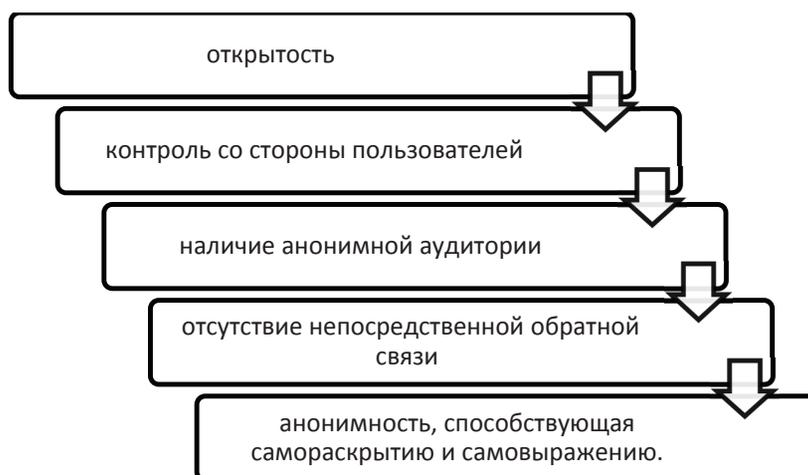

Рис. 2 / Fig. 2. Основные характеристики Веб 2.0 / Key Features of Web 2.0

Источник: Веб 2.0 – Интернет второго поколения [Электронный ресурс] // Study-English.info : [сайт]. URL: <https://study-english.info/ict-web2.php> (дата обращения: 10.02.2022)

Обмен мнениями, идеями, событиями является одним из основных мотивов в общении между людьми [3, с. 93]. Социолог А. Бергс отмечал, что социальные сети позволяют пользователям создавать профили, определять список пользователей, с кем они могут и хотят общаться, просматривать их личные аккаунты¹.

¹ Bergs A. Analyzing Online Communication from a

В ходе нашего исследования мы провели опрос среди 70 респондентов на тему «Зачем вы используете социальные сети?». Возрастной состав опрошенных респондентов, который можно увидеть на рис. 3, выглядит следующим образом:

Social Network Point of View: Questions, Problems, Perspectives // LANGUAGE@INTERNET. 2006. Vol. 3. URL: <http://www.languageatinternet.org/articles/2006/371> (дата обращения: 27.09.2021).

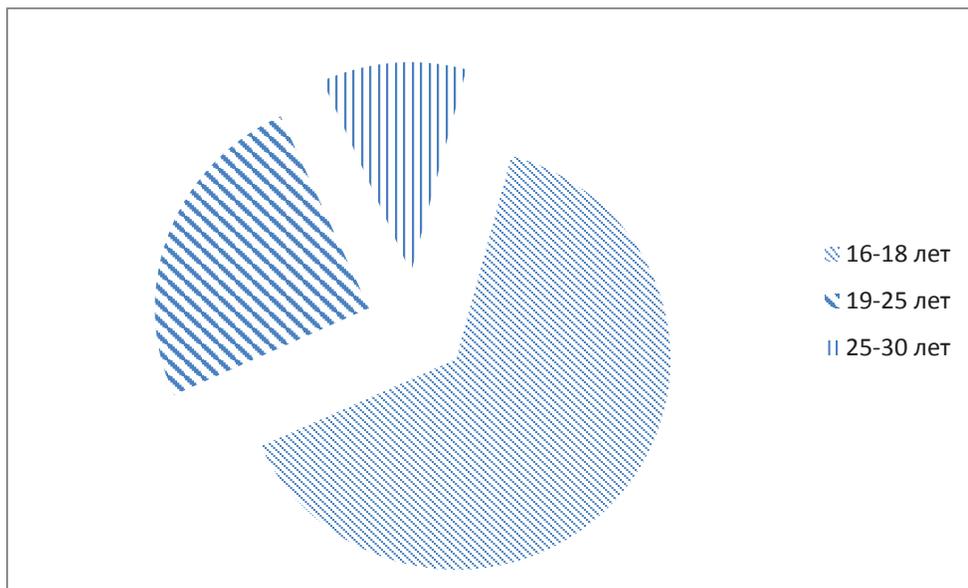

Рис. 3 / Fig. 3. Возрастной состав респондентов / Age composition of respondents

Источник: составлено авторами.

- 16–18 лет – 60 человек;
- 19–25 лет – 30 человек;
- 25–30 лет – 10 человек.

Результаты опроса, представленные на рис. 4., показывают, что респонденты 16–18 лет проводят своё время в социальных сетях с целью общения и знакомства

с новыми людьми, в то время как в 25–30 лет респонденты «сидят» в социальных сетях по поручению начальства. Представители группы 19–25 лет занимаются поиском необходимой для их личных целей информации в социальных сетях.

Рассмотрим более детально результа-

Рис. 4 / Fig. 4. Зачем вы используете социальные сети? / Why do you use social networks?

Источник: по данным авторов.

ты опроса. Наибольшая доля респондентов (76%) проводит время в социальных сетях с целью расширения кругозора, при этом социальные сети для 63% респондентов являются источником поиска необходимой информации. Ещё один популярный ответ относительно использования социальных сетей – поддержание своих профессиональных навыков (52,5%). А 46% пользователей проводят в соцсетях большую часть свободного времени от того, что им скучно и они хотят завести новые знакомства или просто пообщаться.

Исходя из результатов проведённого нами опроса, можно выделить следующие основные функции социальных сетей:

- 1) самовыражение;
- 2) коммуникация и социализация, са-мокоммуникация;
- 3) развлечение;
- 4) образование;
- 5) информирование.

Популярные социальные сети

Портал Лайкни.ру провёл опрос о предпочтениях при выборе социальных сетей, который представлен на рис. 5.

Исходя из данных опроса, отражённых на рис. 5, можно увидеть, что наи-

более крупными социальными сетями являются: Instagram и Facebook. Здесь нам интересен тот факт, что Instagram за короткое время завоевал лидерские позиции в интернете, вытеснив ВКонтакте и Twitter, которые были очень популярны среди пользователей до этого времени. Это объясняется его высокой эффективностью не только в плане построения личных отношений, поиска информации и новостей, но и в области коммерческой деятельности, совершения покупок.

Instagram относится к микроблогам, а точнее к фото- / видеоблогам – одной из разновидностей микроблога. Но прежде чем дать определение понятия микроблог, стоит сделать акцент на самих блогах. Первые классические дневники, которые потом отнесли к предшественникам современных блогов, были найдены при раскопках гробниц, они представляли собой множество глиняных табличек с описанием происходящих событий того времени.

Важным этапом было появление литературных дневников или дневников писателей – М. Ю. Лермонтова, И. А. Бунина, Л. Н. Толстого и др., которые изначально не предполагали наличие читателя, именно поэтому велились открыто и

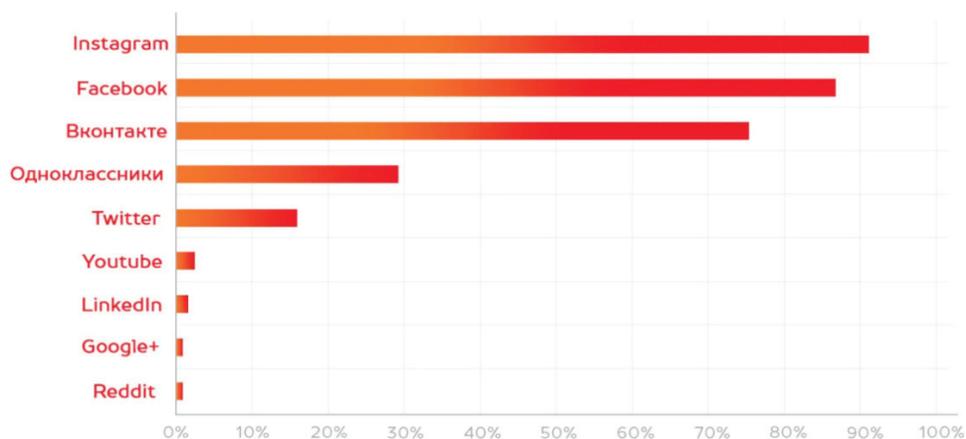

Рис. 5 / Fig. 5. Выбор социальных сетей / Choice of social networks.

Источник: Лайкометр: исследование рынка SMM 2018 [Электронный ресурс] // Лайкни : [сайт]. URL: <https://www.likeni.ru/analytics/laykometr-issledovanie-rynka-smm-2018/> (дата обращения: 10.02.2022)

непринуждённо, что и делает их яркими документами определённой эпохи, показывающими, как отражалось время в писательском сознании.

Само понятие «блог», было введено Джоном Барджером в 1997 г. Согласно Оксфордскому словарю “blog (less frequent weblog) – a website where a person writes regularly about recent events or topics that interest them, usually with photos and links to other websites that they find interesting”¹.

Следующим этапом развития блогов стало перемещение классических дневников в онлайн-пространство. Впервые в 1994 г. американец Д. Холл завёл свой личный интернет-дневник. При изучении блогов того времени можно сделать вывод, что они состояли в основном из картинок и описания событий, то есть сейчас всё вернулось к тому, с чего изначально начиналось. В дальнейшем развитии блоггинга появляются целые сайты, такие как Blogger и LiveJournal. В настоящее время формат блога изменился: значительно увеличилось количество пользователей, блоги диверсифицировались: под влиянием социолингвистических факторов появлялись новые функции, некоторые функции отошли к другим социальным сетям, что и привело к динамике рассматриваемого жанра.

Внутри жанра блога можно выделить особый жанр микроблога. Под микроблогом в данном исследовании мы будем понимать социальную сеть, в которой публикуются записи разного характера. Каждая запись может быть просмотрена подписчиками пользователя и прокомментирована.

Проанализировав множество дефиниций блога, можно сделать вывод, что блог – это современные социальные сети, созданные для общения или обмена информацией, другими словами это личный дневник, доступ к которому можно

сделать либо открытым для всех, либо для определённых людей.

Нами был проведён ещё один опрос среди респондентов 16–30 лет на тему «Почему вы ведёте блог?». Если рассматривать причины, по которым ведутся блоги, то можно констатировать, что около 50% респондентов общаются в блогах, заводят новые знакомства, 28% опрошенных используют блоги для того, чтобы выразить своё мнение, 20% – находят нужную и полезную информацию на таких сайтах как blogger.com; Livejournal.com; blogspot.com и др. И около 2% людей зарабатывают с помощью блог-технологий (см. рис. 6).

Таким образом, в соответствии с полученными результатами основными функциями блогов являются: реализация скрытых возможностей и талантов индивидуума, коммуникативная функция и образовательная.

Особенности дискурса инстаблогов

Как отмечает О. К. Мельникова, «совмещение двух понятий – дискурс и Интернет – подводит к очевидному выводу о том, что Интернет-дискурс – это особый вид коммуникации, осуществляемый посредством Интернета, который является каналом связи и обмена информацией между участниками общения» [4, с. 32]. Самым распространённым сервисом микроблога является социальная сеть Инстаграм. На начальном этапе появления блогов учёные относили их к персональному типу дискурса, так как посты были лично-ориентированы, каждый вёл свой собственный блог, не используя определённые рамки и правила. С появлением таких социальных сетей, как Instagram и Tiktok, блоги начинают относиться к институциональному-персональному типу дискурса. Институциональный дискурс представляет собой общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений. Статусно-ролевые отношения представлены различными продюсерами, которые финансируют

¹ См.: Oxford Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/learner/blog> (дата обращения: 07.11.2021).

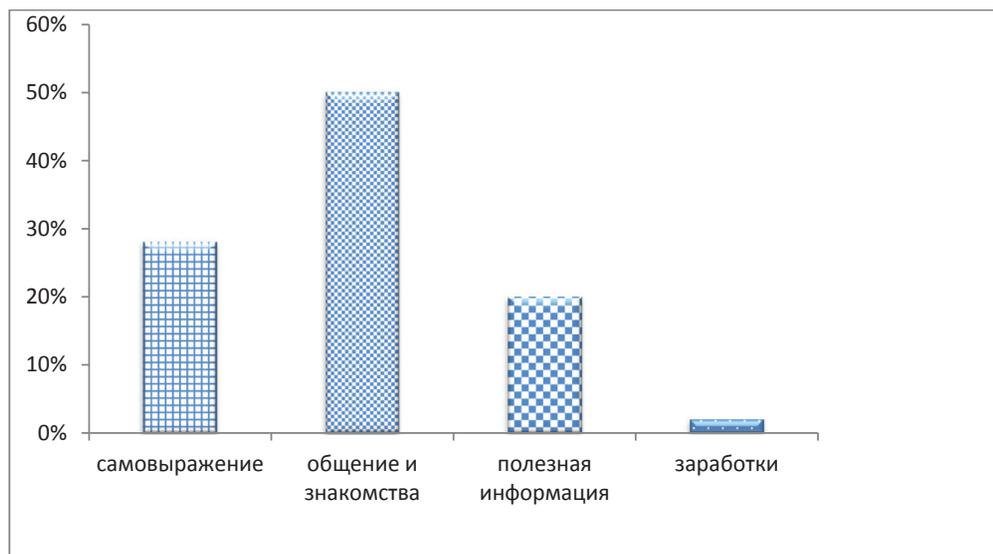

Рис. 6 / Fig. 6. Причины использования блог технологий / Reasons of using blog technologies

Источник: по данным авторов.

блогеров, создавая свои собственные «институты» – блог-хаусы – творческие объединения молодых блогеров, проживающих под одной крышей и совместно генерирующих контент, который часто носит рекламный, пропагандистский характер. Основная задача этих блогеров – диктовать ценности, устанавливая тренды среди своих подписчиков. Их можно считать профессиональными, специально обученными двигателями маркетинга влияния, которые могут «заставить» свою аудиторию выполнять самые безрассудные задания, внушать им нужную информацию и призывать к активным действиям.

Наиболее популярные «дома» в России (см. рис. 7) по количеству подписчиков:

- XO Team – 30,7 млн;
- Dream Team House – 12,7 млн;
- Super House – 6,3 млн;
- Hype House Rus – 6 млн;
- Sweet House – 1,9 млн.

К персональному типу блог-дискурса можно отнести блогеров, которые не принадлежат к данным «домам». ADinBlog.ru

подвёл итоги¹ 2021 г. и опубликовал топ-20 блогеров, подсчитав среднее количество оригинальных лайков в аккаунте каждого блогера на протяжении всего 2021 г. Это можно назвать рейтингом профессионального мастерства блогеров. В отличие от рейтинга по количеству подписчиков он демонстрирует мастерство ведения блога, ведь стабильно публиковать качественный контент – это, прежде всего, большая работа. Именно поэтому в данном рейтинге оказались практически только одни блогеры, а не медийно-известные персоны.

Первая 10-ка блогеров выглядит так:

1. @Samoylovaohana;
2. @Buzova86;
3. @_agentgirl_;
4. @Botanovna_;
5. @Olga_buzova;
6. @Lenatemnikivaoficcial;
7. @Gagara1987;
8. @Annakhilkevich;

¹ ТОП популярных инстаграм-аккаунтов России [Электронный ресурс] // ADinBLOG: [сайт]. URL: <http://adinblog.ru/%D1%82%D0%BE%D0%BF/> (дата обращения: 10.02.2022).

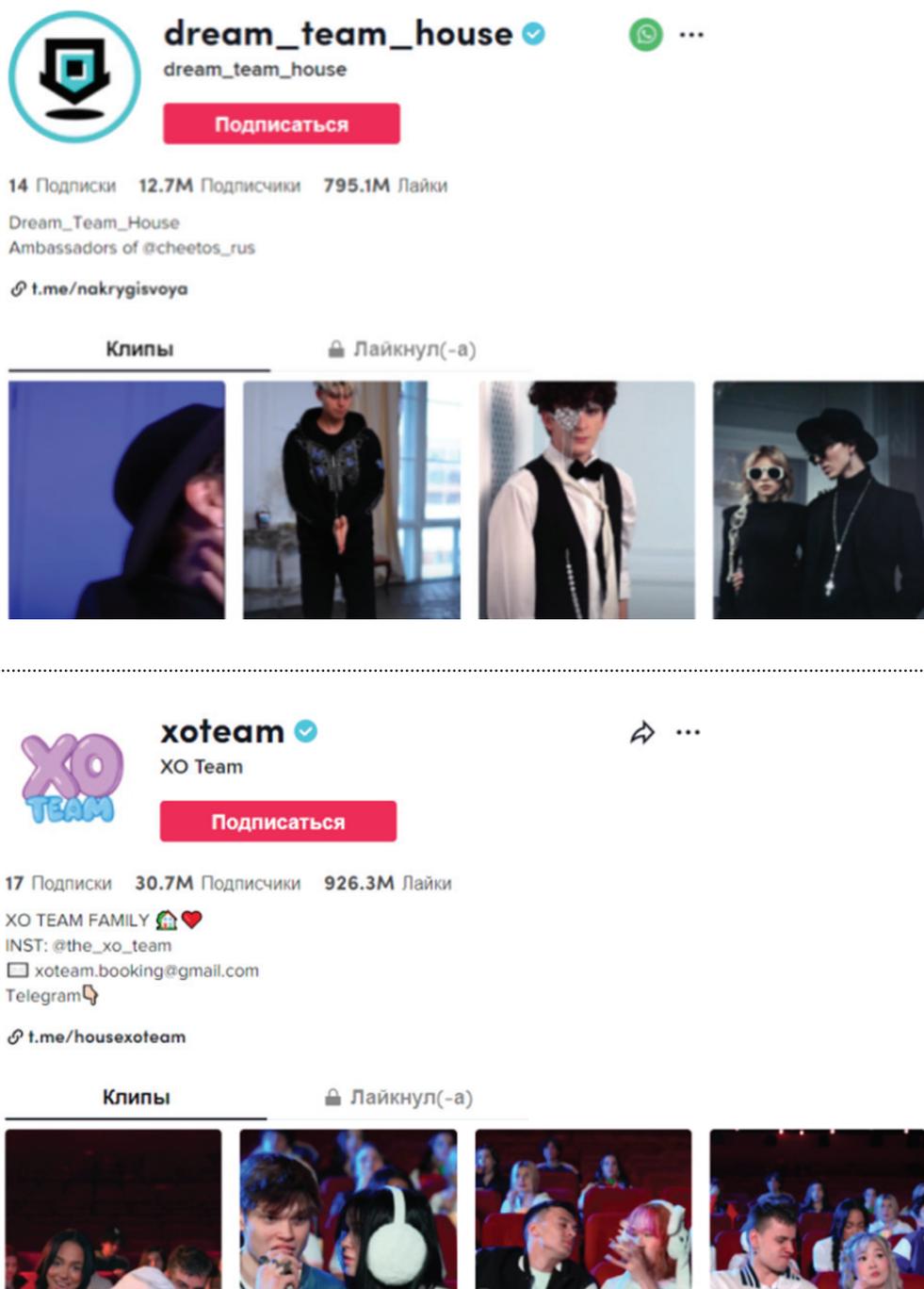

Рис. 7 / Fig. 7. Популярные «дома» в России / Popular instahouses in Russia.

Источник: составлено авторами.

9. @Dava_m;

10. @Morgen_shtern.

Таким образом, представляется очевидным, что интернет-пространство является значимым местом для продвижения товаров и услуг. Виды интернет-рекламы – достаточно разнообразны, совмещают классические и инновационные методы и имеют огромный набор инструментов. Ключевые характеристики рекламного интернет-дискурса диктуются характеристиками интернет-среды, а именно: интерактивность, гипертекстуальность, самопорождаемость, коммуникативность, обезличенность и нематериальность.

Виды рекламных тестов в Инстаграм

Всю интернет-рекламу можно поделить на эксплицитную (явную рекламу, в которой идёт призыв купить тот или иной товар) и имплицитную (скрытую рекламу, которая ненавязчивым образом оседает в сознании покупателей).

Эксплицитная реклама предполагает рекламирование общеизвестных и общепринятых брендов. Она представлена следующими видами:

1. Контекстная реклама – реклама, размещённая на web-страницах, которые

соответствуют тематике рекламного блока. Например, на рис. 8 можно увидеть, что при попытке ввода в поисковую строку Яндекса фразы «купить компьютерный стол», сразу же появляется реклама компании, которая такими столами торгует.

2. Тизерная реклама (см. рис. 9) – это провокационная картинка, привлекающая внимание читателей, главной целью которой является заставить пользователя кликнуть по шокирующей интриге, которая содержит гиперссылку и перебрасывает пользователей на новый сайт с совершенно другой по содержанию информации.

3. Таргетированная реклама (см. рис. 10) – реклама, которая используется в соцсетях: ВКонтакте, Facebook, Instagram. Социальные сети собирают все возможные данные о пользователях, чтобы показывать объявления максимально точному кругу лиц. Таргетированная реклама реагирует на ваши запросы, которые вы ранее вбивали в поисковых системах, и непринуждённо показывает её в социальных сетях. Например, пользователь искал информацию в интернете, как создать «вкусный букет», и теперь при просмотре ленты в социальной сети

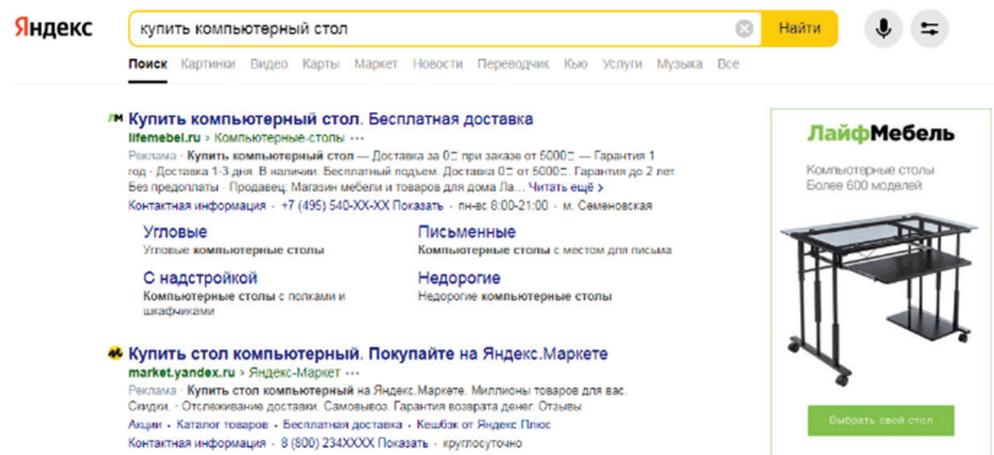

Рис. 8 / Fig. 8. Пример контекстной рекламы / Example of contextual advertising

Источник: составлено авторами с помощью поисковой системы Яндекс.

В соцсети
было опубликовано
«запретное» фото
Жанны Фриске

К 20-летию фильма
"Брат": 11 фактов о
самой скромной
русской звезде

10 фильмов с самыми
откровенными
сценами в истории
кино

Самые яркие свадьбы
звезд в 2017 году
(фото)

НОВОСТИ ПАРТНЁРОВ

Что нам продают под
видом свежей вишни
и черешни?

Худышки были не в
моде: 8 женщин,
которые одним видом
сводили с ума

В деле сбитого
«пьяного» мальчика
всплыли
неожиданные факты

Осенью Земля две
недели проживет в
кромешной тьме

Рис. 9 / Fig. 9. Примеры тизерной рекламы / Examples of teaser ads

Источник: составлено авторами с помощью поисковой системы Яндекс.

Рис. 10 / Fig. 10. Пример таргетированной рекламы / Example of targeted advertising

Источник: составлено авторами.

Инстаграм появляются соответствующие рекламные объявления.

4. Видеореклама (см. рис. 11) – очень часто используется при просмотре онлайн-фильмов или во время игр. В данной рекламе всегда используется слоган и логотип рекламируемого товара или услуги.

Таким образом, все типы явной рекламы однонаправленны, то есть нацелены на определённый круг пользователей, которые интересуются данными видами товаров или услуг. Основной доминантой данных рекламный текстов выступает вербальная. Акцент в данной рекламе делается на правильно подобранные слова и синтаксические конструкции. Изучив множество рекламных текстов, мы пришли к выводу, что характерными чертами данного вида рекламы являются:

- простые односоставные предложения;
- императивные конструкции;
- восклицательные предложения;
- множество однородных членов;
- использование таких слов и фраз, как: «мы знаем, что вам нужно ...», «не пожалеете», «товар уходит быстро», «Вам так идёт ...», «только для Вас», «взвесить все за и против», «завтра будет дороже на 20%», «Вы же сами хотели ...» и так далее.

Имплицитная реклама представляет собой рекламирование общеизвестных и общепринятых брендов через блогеров (см. рис. 12). Это самый дорогой вид рекламы, так как это является основным заработком блогеров. Данный вид рекламы может быть представлен в видео, сторис, прямых эфирах или постах в социальных сетях. В нашей работе мы акцентируем внимание на рекламе у блогеров в социальной сети Instagram.

Как правило, блогеры описывают свой обычный уклад жизни и, как бы невзначай, показывают различные товары, помогающие им в реальной жизни, которые они используют в своем ежедневном обиходе, апеллируя тем самым к желанию своих подписчиков приблизиться к своему кумиру, стать похожим на него, что также подкрепляется их доверием к автору блога.

Мы проанализировали инстаграм-аккаунты знаменитых блогеров и выявили общие черты данного вида рекламы:

- коммуникативность (возможность комментировать записи);
- возможность обратной связи (очень часто блогеры отвечают на комментарии или вопросы в прямых эфирах, что вызывает большее доверие у пользователей);

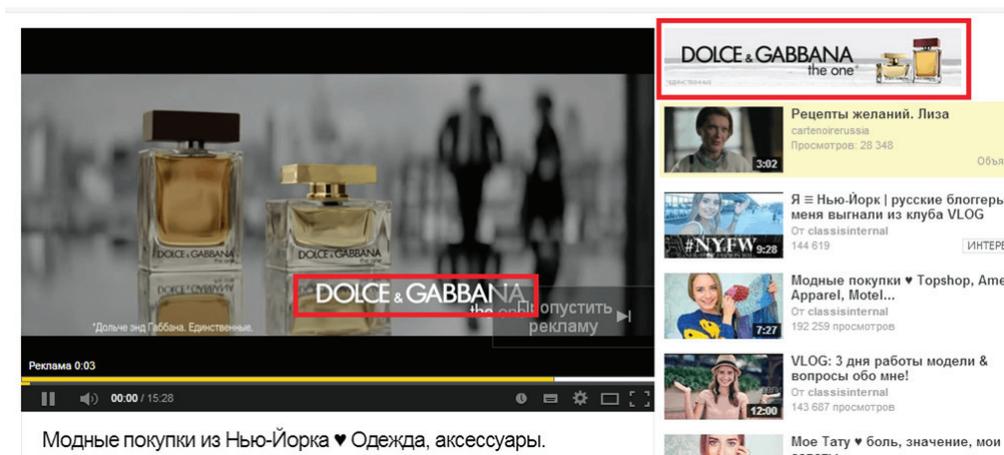

Рис 11 / Fig. 11. Пример видеорекламы / Example of a video ad

Источник: составлено авторами с помощью поисковой системы Яндекс.

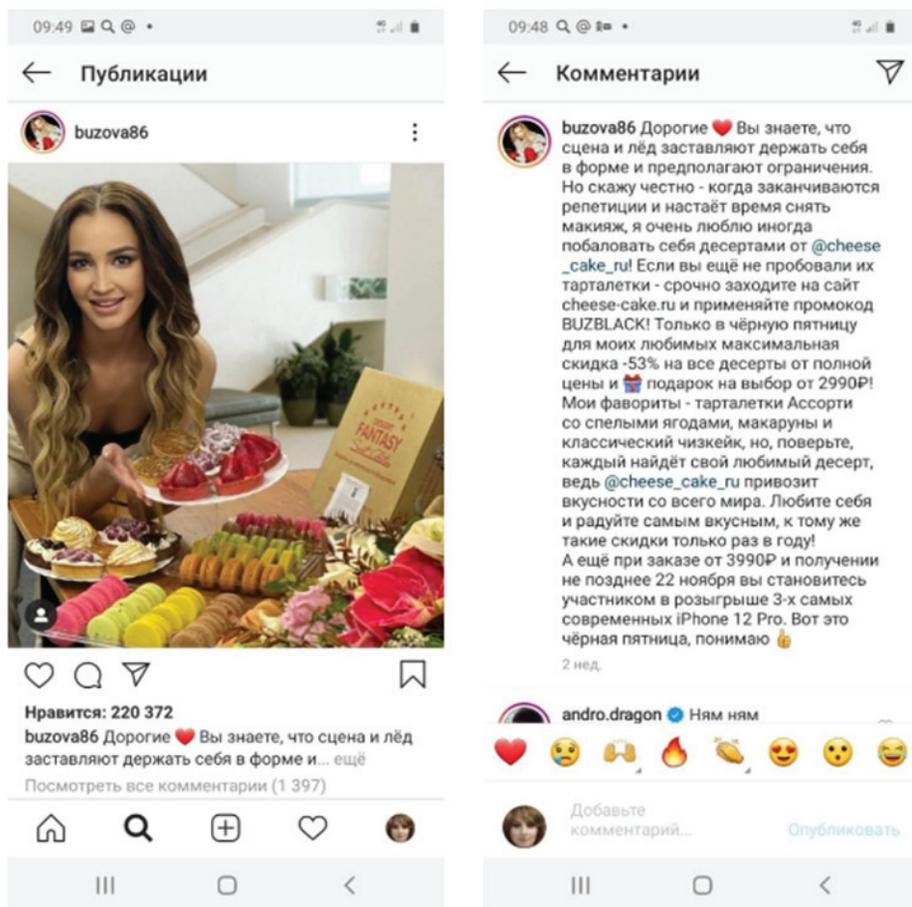

Рис. 12 / Fig.12. Пример рекламы на странице блогера / Example of an ad on a blogger's page.

Источник: профиль @buzova86 в сети Instagram.

– эффект сближения и достижения доверительных отношений (в комментариях можно увидеть очень частое обращение на «ты», которое указывает на сокращение социальной дистанции между обычными пользователями и всемирно-известными блогерами);

– эффект взаимодействия один-на-один (независимо от числа подписчиков);

– групповое обсуждение проблем или актуальных вопросов, с преобладанием жанра совета;

– объединение пользователей общими задачами в различных трендах.

Как мы видим, интернет-среда представлена разнообразными видами рекла-

мы, но самой новой и востребованной является реклама у блогеров, которую можно подобрать в зависимости от бюджета, целей рекламы и целевой аудитории.

Активное развитие современного общества происходит благодаря воздействию информационно-коммуникативных технологий, которые оказывают влияние на все сферы нашей жизни: межличностное общение, работа, развлечения и многое другое, – всё это переносится из реального мира в мир киберпространства. В современных исследованиях XXI в. этот процесс называют «виртуализацией социальной реальности» [7].

Интернет является ключевым элементом информационной эпохи. Основная цель использования сети состоит в поиске информации, однако, отмечается также необходимость поддержания контакта с семьёй и друзьями, таким образом представляет собой универсальное социальное пространство свободной коммуникации и личного творчества.

Виртуализация социальной реальности выражается в использовании социальных интернет-сетей (специально созданных веб-сайтов, предназначенных для общения или продвижения определённых товаров и услуг). В этой связи возникает интернет-коммуникация, реализующаяся с помощью языка, который претерпевает ряд изменений посредством воздействия компьютерно-опосредованной среды.

В целом интернет-коммуникация представлена следующими уровнями:

1. Лингвистический уровень (лексическая, грамматическая, семантическая структура).

2. Паралингвистический уровень (жесты в сторис инстаграмм).

3. Семиотический уровень (знаки и символы).

Процесс коммуникации, происходящий в социальных сетях, характеризуется исчезновением коммуникативных барьеров, которые уравнивают статусы с партнёром по коммуникации и позволяют давать волю чувствам и эмоциям пользователей, не задумываясь об их выражении (с помощью эмодзи, восклицательных знаков), а также информационной сингулярностью и детерминацией, достраиванием виртуального образа до стереотипа из-за нехватки информации, которая приводит к активному сбору информации о партнёре, чтобы не вызвать конфликт образа и реальности.

Заключение

В результате нашего исследования мы приходим к выводу, что значительную часть пользователей интернета со-

ставляет молодёжь, выступающая в роли «двигателей прогресса», так как обладает такими качествами, как открытость и явное желание привнести инновации. Данную категорию легче всего подвергнуть изменениям, ссылаясь порой на недостоверные факты. В интернет-среде формируется другая, параллельная реальной, идентичность личности, которая подвергается киберсоциализации, в результате чего происходят изменения в структуре самосознания личности, её мотивах и потребностях, таким образом, мы говорим о виртуальной я-концепции, виртуальной языковой личности, которая обладает следующей спецификой:

1. Самораскрытие: так как существует возможность оставаться анонимными, пользователи сети демонстрируют более высокий уровень самораскрытия, чаще пишут сообщения от первого лица.

2. Формирование новой идентичности.

3. Выбор качеств для самопрезентации. Пользователи интернета могут сами приписать себе те или иные качества.

4. Возможность смены идентичности / способа самопрезентации (виртуальный мир позволяет изменить представление о себе).

В процессе создания рекламного текста в Инстаграм авторы руководствуются упомянутыми выше характеристиками виртуальной личности, а также в полной мере учитывают структурные и прагматические особенности рекламных текстов, описанных в статье. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что в настоящее время социальные сети, а именно микроблоги, созданные на платформах, подобных Инстаграм, являются идеальной площадкой для рекламирования или продвижения товаров и услуг благодаря широкому охвату пользователей разного возраста и социального статуса, интерфейсу, мультимедийным возможностям и т. д.

Дата поступления в редакцию 29.04.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Горошко Е. И., Жигалина Е. А. Виртуальное жанроведение: устоявшееся и спорное // Вопросы психолингвистики. 2010. № 12. С. 105–123.
2. Горошко Е. И., Павлова Л. В. Трансформация текста под воздействием жанровой системы социальных медиа сервисов коммуникативного интернет-пространства (на материале англоязычных политических сайтов) // Жанры речи. 2015. № 1 (11). С. 122–136.
3. Горошко Е. И., Полякова Т. Л. Политический твиттинг как новый жанр интернет-коммуникации // Вопросы психолингвистики. 2014. № 19. С. 92–103.
4. Мельникова О. К. К вопросу об определении термина «интернет-дискурс» // Казанский вестник молодых учёных. 2018. Т. 2. № 4 (7). С. 30–33.
5. Раицкая Л. К. Дидактические и психологические основы применения технологий Веб 2.0. в высшем профессиональном образовании. М.: МГОУ, 2013. 173 с.
6. Система формирования знаний в среде Интернет: монография / Аверченков В. И., Казаков Ю. М., Заболоева-Зотова А. В., Леонов Е. А., Рошин С. М.; 3-е изд. М.: Флинта, 2016. 187 с.
7. Тихонов О. В. Социальные сети как пространство самопрезентации индивида // Вестник Казанского технологического университета. 2012. Т. 15. № 22. С. 196–198.

REFERENCES

1. Goroshko Ye. I., Zhigalina Ye. A. [Virtual genre study: fixed and disputable]. In: *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2010, no. 12, pp. 105–123.
2. Goroshko O. Ig., Pavlova L. V. [Text transformation under the influence of the genre system of communicative internet space social media services (based on English-language political sites)]. In: *Zhany rechi* [Speech Genres], 2015, no. 1 (11), pp. 122–136.
3. Goroshko E. I., Polyakova T. L. [Political twitting as a new digital genre]. In: *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2014, no. 19, pp. 92–103.
4. Melnikova O. K. [On the issue of defining Internet discourse]. In: *Kazanskiy vestnik molodykh uchenykh* [Kazan Bulletin of Young Scientists], 2018, vol. 2, no. 4 (7), pp. 30–33.
5. Raitskaya L. K. *Didakticheskiye i psikhologicheskkiye osnovy primeneniya tekhnologiy Veb 2.0. v vysshem professional'nom obrazovanii* [Didactic and psychological foundations of the application of Web 2.0 technologies in higher professional education]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2013. 173 p.
6. Averchenkov V. I., Kazakov Yu. M., Zabolayeva-Zotova A. V., Leonov Ye. A., Roshchin S. M. *Sistema formirovaniya znaniy v srede Internet* [The system of knowledge formation in the Internet environment]. Moscow, Flinta Publ., 2016. 187 p.
7. Tikhonov O. V. [Social networks as a space for self-presentation of an individual]. In: *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta* [Bulletin of the Kazan Technological University], 2012, vol. 15, no. 22, pp. 196–198.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ахренова Наталья Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры германо-романских языков факультета иностранных языков Государственного социально-гуманитарного университета;
e-mail: nakhrenova@mail.ru;

Милякова Виктория Владимировна – аспирант кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики лингвистического факультета Московского государственного областного университета; учитель английского языка МБОУ «СОШ №18» г. о. Коломна;
e-mail: vika.milyakova@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalia A. Akhrenova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prof., Department of the Germanic and Romance languages and language teaching methodology, Foreign Languages Faculty, State University of Humanities and Social Studies;
e-mail: nakhrenova@mail.ru;

Victoria V. Milyakova – Postgraduate Student, Department of Theory of Language, English and Applied Linguistics, Faculty of Linguistics, Moscow Region State University; Teacher of English, School No. 18, Kolomna;
vika.milyakova@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ахренова Н. А., Мильякова В. А. Микроблог как разновидность рекламного интернет-дискурса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 3. Т. 2. С. 87–101.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-2-87-101

FOR CITATION

Akhrenova N. A., Milyakova V. V. Microblogging as a kind of Internet advertising discourse. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 3, vol. 2, pp. 87–101.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-2-87-101

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Сегодня выпускается десять журналов (предметных серий) «Вестника Московского государственного областного университета»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Журналы включены в составленный Высшей аттестационной комиссией «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» по наукам, соответствующим названию серии. Журналы также включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru) и Вестника Московского государственного областного университета. Серия: «Лингвистика» (<https://www.linguamgou.ru>).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ЛИНГВИСТИКА

2022. № 3, Том 2

Над номером работали:

Литературный редактор М. С. Тарасова
Переводчик А. Ю. Назарова
Корректор М. С. Тарасова
Компьютерная вёрстка – А. В. Тетерин

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 6,5, уч.-изд. л. 7,75.

Подписано в печать: 30.06.22. Выход в свет: 14.07.22. Заказ № 2022/06-16.

Отпечатано в МГОУ

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А